

ЧЕЛОВЕК ИЗ ОРКЕСТРА

ГАЛИНА МУРАТОВА

Галина Муратова

Человек из Оркестра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70299283

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказы Галины Муратовой приоткрывают другую сторону нашей жизни. Персонажи и события рассказов дарят читателю знание, что у всего есть скрытая, но исключительно важная сторона. Это – именно то, чего сегодня так недостает, что мы хотим видеть вместо однообразия серых событий и малозаметности скучных людей. Мы хотим видеть что-то еще, кроме ежедневного, обыденного, ординарного, которое и так – всегда рядом. Эти рассказы намекают на новый уровень отношений между людьми, другой уровень понимания того, что нас окружает, дарят новый взгляд на вещи, которые с нами происходят. Мир начинает светиться новыми цветами, звучать новыми звуками, которые напоминают звучание тайного, но находящегося всегда рядом, и играющего только для тебя – великолепного Оркестра. На обложке изображена картина «Папа», художник Александр Муратов, 1997 г.

Содержание

Зонт прощения	7
Колдуны (и немножко о вороне)	12
Эстафета	18
Боня	23
Блажь	28
Лицо	33
Чудо-Ворота	38
Скольжение	43
Триллер по-домашнему	48
Так не бывает	52
С любовью	55
Просто	61
Рыжина	66
Встреча	70
Краснодеревщик	75
Посыльный	80
Победитель	84
Звуки	89
Высота	95
Реакция	100
Чей француз?	104
Ремонт	108
Всего-то	114

Этюд с котом	120
Ажур!	124
Общение	128
Новенький	131
Стена	137
Связь	142
Брызги	146
Пустячок	152
Экипировка	155
Вселенная Беж	161
Оазис	166
Знаки препинания	170
Подкидьш	175
Сказка	180
Протест	186
Круговерть	191
Неблагодарный	196
Невесомость	202
Почему не лаяла собака	206
Столкновение	213
Девочка в розовом	218
Настроение	223
Не случилось	228
Тема	233
На лыжах	239
Тупик за углом	244

Шлейф	250
Успешный	255
Поклон	261
Смыслы	266
Церемониал	271
Подсказка	276
Причастность	280
Молчание	285
Бывает	292
Надрыв	298
Шок	303
Простота	309
Вид из окна	314
Дама с подушкой	319
Бдения	325
Следующий	329
Езда по правилам	334
Человек из Оркестра	340

Галина Муратова
Человек из Оркестра

Зонт прощения

Он уезжал от нее в сильный дождь. А она почему-то провозжала его. Они стояли под зонтиком, удивительного счастливого оранжевого цвета. И под ним было сухо и солнечно. Но это был обман, и Тамара всё не могла поверить, что уезжает он от нее навсегда. Она не могла, не хотела это сформулировать. Может осознание этой беды пришло бы, если бы не счастливо обнадеживающее стояние под рыжим зонтом на платформе у поезда.

Наконец, он, непривычно суетясь, ткнулся губами в ее руку.

– А зонт – это тебе, на прощение. Прости...

Он так сказал, не «прощание», а «прощение».

И прыгнул на подножку, и ушел в вагон, не оглядываясь.

А она осталась под широким семейным зонтом в новом одиночестве.

Она отбежала от поезда, бегом, бегом по лужам. Не видеть, не понимать и забыть.

Но поняла, что разом этого ей в одиночку не осилить, достала мобильный, чтобы позвонить Рите, единственной, у которой хватит и времени, и сил, чтобы выслушать банальную ее историю расставания с мужем, который почему-то ушел, толком не объяснив причины.

Но мобильник не работал, то ли заряд вышел из него, то ли отсырел.

И тут она увидела телефон-автомат. И это очень пригодилось. Рита, заохав и заахав, с каким-то даже аппетитом выслушала ее новость и, конечно, приказала:

– Приезжай.

Таксофон стоял у входа в метро, поэтому она, уже без всяких приключений, добралась до подруги в новостроечный район.

Рита уже сделала бутербродиков крошечных. Она любила все изящное, поставила крохотулечные стопочки и, для контраста будто, в центре стола горела отраженным светом яркого кухонного светильника литровая бутылка водки.

Подруги уселись за стол, и начался тот длинный, с причитаниями и всхлипываниями, диалог. Со стороны бессвязный и путанный, но на самом деле – необходимый и спасающий.

Они легли спать под утро. А за окнами все лил и шумел дождь. Под него и уснули.

Утром, сидя за горячим кофе и продолжая начатую беседу – прямо с того же места, в котором он был прерван, Рита посетовала:

– Как ты доберешься? Ливень такой, а давай – такси...

– У меня есть зонт роскошный. Он подарил «на прощение», сказал.

– Ты не вздумай, прощение ему – вот, – Рита состроила красивую фигуру в серебристом маникюре на пальцах.

Но она вдруг замолчала и резко вскочила, ойкнув. Она вспомнила, что оставила зонт в таксофоне. Еще бы. Это был новый, непривычный для нее предмет. Она хорошо помнила, как, входя в кабинку, сложила зонт, с веселым щелчком он захлопнулся, и повесила его на специальный крючок. И конечно, поговорив с Ритой, забыла о нем и ушла.

Она почему-то очень расстроилась этому неожиданному событию. И даже вновь заплакала.

Подруга, узнав о причине внезапных слез, произнесла:
– Делов-то. Я тебе дам зонт. У меня их тьма. Гости забывают часто. Вот, выбирай, на любой вкус.

И действительно, на вешалке в коридоре приютились разноцветные, и разного калибра, зонтики. Но Тамара отказалась от замены.

Не объясняя ничего Рите, она быстро натянула плащ и торопливо попрощалась, выскочила из квартиры.

Рита даже слегка опешила, от такой её прыти.

А Тамара ехала долго, очень долго в метро, а может это ей показалось от состояния нетерпения – скорее добраться до так необходимой ей сейчас таксофоновой будки.

Конечно, Тамара понимала маловероятность и невозможность того, чего ей так хотелось.

А ей хотелось найти забытый вчера зонт. Ей непременно хотелось обрести этот оранжевый обыкновенный предмет. Как будто от находки этой зависело нечто очень важное, которое поможет в чем-то главном, и подскажет самое важное,

что она должна сделать дальше.

Тамара подбежала к кабинке таксофона. Дождь все шел, и не было видно ничего за мокрыми капельными стеклами.

И в нетерпении она рванула на себя дверцу кабины – с таким нетерпением и силой, что, казалось, стряхнула с нее все дождевые капли.

Глянула на крючок под полочкой – и едва не заорала от восторга.

Зонт висел на месте. Как будто и не было этой ночи. И длинного вчера.

Он висел веселым солнечным лучиком в мрачноватой темноте будки. И был сухим. Совсем.

Тамара осторожно сняла его с крючка. И была так рада своей находке, что поцеловала его в рыжую макушку.

Выскочила с ним под дождь и открыла зонт над собою.

Дождь застучал на натянутом шелке зонта, и Тамара вдруг почувствовала необыкновенное спокойствие и устойчивую защиту от купола солнечного над ней.

И Тамара вдруг почувствовала, что она готова простить нерадивого сбежавшего мужа. Какие пустяки это все... Когда ты идешь под широким семейным зонтом, который так прочен, надежен. И не улетит из твоих рук. Разве что с ураганным ветром. Но синоптики обещали во второй половине дня штиль и солнце.

И Тома охотно поверила в это. И еще она подумала о том, что это хорошо, что у всех мобильники. И таксофонами те-

перь пользуются очень редко.

Это была первая удача новой какой-то жизни.

Синяя тетрадь,

22 ноября 2020

Колдуны (и немножко о вороне)

Целая настоящая, живая, сидела на карнизе кухонного окна. И, как будто, ждала появления Александры. От неожиданности увиденного, Александра чуть подпрыгнула, ворона на карнизе – тоже. Но не улетела. А внимательно рассматривала её черным острым глазом.

Александра отошла от окна и включила чайник. Очень хотелось кофе.

В доме было холодно, на душе – еще холоднее. Стараясь оправдать долгое молчание детей и друзей, как бы обещавших и, по разным причинам, извинившихся за неявку на её (в который уже раз!) день рождения.

И правда, что за веская причина для визита? Она слушала их вранье по телефону и старалась оправдать это вранье.

Никто не врёт – все просто обещают, и верят. Сулят и верят. И всякий у своей жизни на «посулках».

А ворона все сидела и внимательно наблюдала за действиями Александры. И та, налив себе кофе и сделав бутерброд, не зная почему, взяла кусочек сыра и подошла к окну. Ворона совсем не испугалась, только еще ближе подвинула тяжелый свой клюв к раме.

Александра открыла чуть окну и протянула птице ломтик. Она почувствовала, как ворона, очень деликатно, взяла

сыр через приоткрытое окно. И постояв с ним на карнизе, улетела на крышу дальнего дома.

– А спасибо где? – улыбнулась ей вслед Александра. И тут же забыла об этом визите.

Чтобы чем-то занять длинный-длинный день, она сделала тесто, протерла картошку, накрутила фарш для «колдунов», своего фирменного блюда.

Занимаясь всеми этими любимыми, некогда, делами, она как продлевала их надобность, их жизнь. И свою – чувствовала востребованной.

Звякали, клацали бездушно тексты в телефоне. Кто-то очищал свою совесть, дескать, не забыл. Вот он, я. И все посулы одинаковые в этих текстах: здоровья, долгих лет. А любви уже никто не сулил.

А ведь только её и хотелось Александре. Но она это скрывала, стеснялась в себе этого, излишней своей эмоциональности. От нее хотели мудрости и понимания их усталости и нежелания, ближнего этого круга, тратить на нее время и деньги.

Текст в телефоне не стоил ничего. И сулил, сулил.

Александра читала его в конце дня, и это было чуть скучно и совсем невесело. Трафаретное эхо поздравлений не могло радовать.

Но она гнала глупые и злые мысли, а призывала легкомысленные, легкие и веселые. Без других со стряпней не справиться. Все будет невкусно, и колдуны не заколдуются.

Это такие большие клецки из тертого картофеля, с мясом. Она получила рецепт этот от статной красавицы бабушки, которая сказала: «Делать колдуны научишься – все в доме крепко и хорошо будет».

Не сбылось.

Народ сейчас – больше по пище. И слова теплого не знают, и прекрасно обходятся без всяких там домашних хитростей. Оно и правильно. Александра вздохнула и посулила себе, что в последний раз она готовит эти самые колдуны. Крепко посулила.

Кто-то утруждал себя звонком, а не письменным сообщением. И тогда – она звала на роскошный обед. Увы. Никто не уговаривался, и не соблазнялся.

Между тем, дом наполнялся дивными запахами. Александра вдыхала их и чувствовала привычную дурманность прошлой жизни своей, осмысленной и счастливой. Она и сейчас у Александры была осмысленной, спокойной, и в обнимку с личным достоинством, но в такие вот дни, как день рождения, она не могла победить привычку многолетнюю рук – и стряпала. Потом это раздавалось соседям, или вдруг дети, устыдившись своего естественного равнодушия, могли нагряться, ближе к ночи. Мало ли, были неподалеку.

Орал телевизор, шел какой-то сериал, зашла соседка на ароматы – за солью якобы, но Александра её к столу не пригласила.

– Гостей ждешь?

– Жду, – посулила себе Александра.

Вдруг шустрая тень за окном – и Ворона опять уселась на карниз.

– Тоже на ароматы, – улыбнулась ей Александра. Но сыра вороне больше не предложила. Не хватало еще приучать, загадят все окно. Еще и разобьют. Вон – клюв какой.

– Кыш! – сказала она птице, но та не послушала ее и осталась на карнизе. Стала причесывать перышки, всем своим видом показывая Александре, что не верит в её «кыш».

День убывал, исчезал. Где-то садилось солнце, дом напротив окрасился в красные цвета заката.

Главного звонка в этот свой день Александра не дождалась.

И вся стряпня, и все кухонные хлопоты, и колдуны – все это происходило только чтобы сократить эту тягучую паузу молчания до его звонка. Единственного и желанного. Самой Александре было странно то, что банально и пошло она ждет этого звонка. Но его не будет. И это она знала.

Он позвонит обязательно завтра утром, или послезавтра вечером, мягким своим голосом извинится, что занят был, за границей был, и еще что-нибудь вежливо посулит. И она опять поверит.

Поверит всенепременно.

Александра увидела ворону, которая совсем потеряла терпение – и вышагивала по карнизу туда-сюда, строго заглядывая через окно на непонятливую Александру.

И та сдалась.

Она взяла кусочек фарша, оставленного от колдунов, и осторожно приоткрыв окно, предложила вороне лакомство прямо с ладони.

Ворона оценила дружеский этот жест и, не спеша, съела, закатывая в удовольствии глаза.

И улетела.

Александра закрыла окно. Вымыла тщательно руки. Даже протерла ладонь спиртовой салфеткой.

– Так и не позвонил. Опять.

Александрю даже успокоило это несостоявшееся положение её невостробованности. Её радовало и успокаивало, что она так хорошо знает всё наперед. Все посулы.

И вдруг она вспомнила, что ворона в лучах заходившего солнца была чуть похожа на розовую Жар-птицу.

И Александра с нежной надеждой подумала, что ворона и завтра прилетит. И Александра угостит её колдуном. Она справится, клюв у нее огромный.

Ах, только бы она прилетела, и не перепутала окно.

Александра подошла к кухонному окну и отдернула пошире шторы на всякий случай.

И тут она увидела перо от птицы, острозаточенное, оно будто было радужным от заката, и будто выдернуто специально для неё.

– И впрямь, Жар-птица, – улыбнулась Александра. И ей показалось, что в пере этом – был посул для неё.

*Пёстрая тетрадь,
5 октября 2020*

Эстафета

Когда ее наказывали в детстве, она в свое оправдание всегда говорила обидчикам: «Я – хорошая».

Убедительно так, и упрямо повторяла эти слова из угла, в котором частенько бывала, и потом, в классе, когда ей объявили бойкот за ябедничество учителям. Она и тогда тихо повторяла: «Я – хорошая».

И почему-то эта тихая простая фраза обескураживала нападавших. И они, уже усомнившись в своей правоте, иногда соглашались – а может и впрямь она хорошая.

Так она, хорошисткой, плавно вкатилась в юность, молодость, зрелость.

Как-то не случилось у нее своей семьи, хоть и каждый раз очередному мужу она, на его упреки в нехозяйственности, взбалмошности и безответственности, честно настаивала: «Я – хорошая».

Но мужей это не останавливало, они уходили, вероятно, не поверив в такое признание. И у них были свои аргументы, увесистые, как чугунные гири, которые так и стояли в ее доме – наследством от первого мужа атлета, до последнего – альфонса, который иногда колот этой гирей грецкие орехи.

Она вела толстые тетради, в которых старательно записы-

вала хронику годов своей жизни. Тетради занимали несколько стеллажей в кладовке, в которую она крайне редко заглядывала, и совсем не за тем, чтобы прочитать листы своего жизнеописания, а бросить туда брезгливо сезонную обувь. Сапоги-босоножки, так отмерялись у неё лета, сбежавшие как-то уж совсем быстро и подло.

От первого мужа атлета был ребенок, крепкий и ладный мальчик. Она плохо и мало занималась с ним. Он вырос как-то вопреки, и ушел в свою жизнь. Иногда звонил, забегал на чуть-чуть. Но она была не в претензии. Однако попросила его забегать без снохи. Ей это было ни к чему. Думай, как не обидеть, что сказать. А то все обиды, обиды. Одно беспокойство.

Там в семье рос внук, но это всё ее интересовало мало, а чтобы скрыть даже от себя эту нелюбовь, она иногда оставалась у большого трюмо в коридоре и говорила ему: «Я – хорошая».

И отражение кивало головой, улыбалось и соглашалось.

Все бы продолжалось так, в ладу и мире с собой, пока однажды ей не «подбросили» внука. Именно так она и назвала действие, которое сын и его супруга совершили.

«Всего на пару недель», – клялись родители, оставили пацана с ранцем учебников, пижамой и свитером. И умчались, ничего ей толком не объяснив, только уже на прощанье сын выдал: «Не бойся, мама. Он справится».

Она осталась с Геней. Когда она вернулась в комнату, Гена

уже освоился. Он сбросил прямо на пол из её кресла изношенный любимый плед. На него были сброшены со стола ее книги и тетради. Поставил вместо – ноутбук, банку чипсов, сел в это кресло и стал смотреть в экран, и хрустеть чипсами.

– Тебе удобно? – с издевкой спросила она.

– Вполне, – лаконично ответил Гена, не уловив ее иронии, и не переставая жевать.

Она подумала: «Интересно, в каком классе он учится?» Но не спросила, ей было почему-то неловко, и она скосила глазом на гору учебников на столе. «5-6 класс», – прочитала она.

Дальше она приняла одностороннюю заботу о внуке. Будила и провожала его в школу, старалась не докучать вопросами и считала дни до приезда сына.

Гена, несмотря на свою тощечь, занял все место в ее квартире.

Ранец, кеды, учебники она находила в неожиданных местах. Самых неожиданных. Пару раз он забывал закрывать краны в ванной. И когда она сделала ему замечание, самым строгим голосом, и попросила быть внимательнее к кранам, чтобы не залить соседей, то Гена, не отрывая глаз от монитора, сказал:

– Я хороший. Хороший я.

Что-то с нею тут же случилось невероятное.

– Что ты сказал? – подошла она сзади к его креслу.

– Я – хо-ро-ший.

Она присела на краешек дивана, долго смотрела на сутулую спину и вихрастую голову в наушниках. И почувствовала странное першение в горле и щипание забытое в глазах. Она вдруг, впервые за много лет, заплакала от неожиданной нежности к этому пацаненку.

Она вдруг сильно и звучно заплакала, подошла к Гене, поцеловала его в светлую макушку и сказала:

– Ты – хороший. Ты – хороший, ты – хороший.

Но Генка вряд ли услышал её, на нем ведь были наушники, и глаза целились в какой-то стрелялке. И нельзя было промазать.

Проходя мимо, прямо на кухню, она остановилась на секунду, чтобы сказать своему отражению.

– Он – хороший! Хороший он.

А на кухне, увидя коробку с чипсами, открыла ее и попробовала.

Она хотела знать, что так нравится ее Генке.

И еще у нее было ощущение, что она пробежала свою дистанцию в длинной какой-то эстафете, вручила тяжкую эстафетную палочку следующему участнику.

И подумалось ей, что теперь не надо будет никогда проносить столь ответственные и, иногда, невероятные слова «Я – хорошая».

От этого стало легко и хорошо. И на вкус чипсы оказались очень качественными, и она заменила ими свой пресный обыденно-привычный ужин.

*Пёстрая тетрадь,
11 октября 2020*

Боня

Дворничиха Валя сильно не любила людей.

«Сплошное свинство», – сообщала она о человечестве главную свою новость.

Она судила людей, о каждом – по мусору, который они оставляли после себя.

Ее территорию составляли два изолированных между собой двора. Один дворик был маленьким, но проходным, анфиладой. А второй – огромным, заполненным автомобилями дорогих марок.

Владельцы скромно прятались за тонированными стеклами этих авто, но от Валентины не спрячешься. Она даже охранников этих лиц знала по имени, и по окуркам, вытряхнутым прямо из машины на асфальт, могла пожелать всяких чертей безошибочно нарушителю заповедной чистоты этого двора. От машины всяко меньше сора, чем от их владельцев.

Говорила о дворе: «Мертвый, здесь даже вороны не летают, не живут среди злодеев с помповыми ружьями».

Хуже обстояло дело с порядком в маленьком дворике. Он был красив по-европейски и обшарпан живописно по-русски.

Иногда здесь появлялся кто-нибудь из художников и рисовал милую арку, и окна над ней. Но это было редко. Чаше

всего здесь гулял живописный старик Боня, которому доставалось от Валентины по полной. Мало того, что Боня мог уснуть в любом месте во дворе, и необязательно это была лавочка. Но перед тем как уснуть, он долго пел песни на идиш, пританцовывал на восточный лад. Танцевал, пока не падал, останавливался храпом.

Боня всегда ходил в светлом, цвета бывшего беж, и такой же светлой шляпе. Живописен он был необыкновенно, с седой библейской бородкой и живыми смешливыми темными глазами.

Боня не был бомжем. Он имел квартиру, и в ней дочь – толстую до колыхания, злую и орущую. Которая редко пускала его в квартиру, чаще он засыпал на лестнице. Так дочка боролась за трезвый образ жизни отца. Но Боня был добр и не обижался. Он был свободным человеком, не зависел ни от дочки, ни от чистой постели. Он и от выпивки не зависел. Так просто приятнее коротать время. Боня прославляться любил своей мудростью и афоризмами.

По своим праздникам он прорывался в дом к дочери, вырывал из шкафа чистую рубашку зятя, а еще носки. Переодевался и шел на улицу, где гулял песенно неделю, а то и две.

Дворничих он сильно раздражал неопрятным своим видом и поведением. Она часто ругала его за брошенную бутылку или грязную бумагу, но он только улыбался в ответ, сверкая единственным, но очень белым зубом.

«Моя гордость», – говорил он о нем, – «Лицо мое держит.

Выпадет, и лицо сдуется. Стану шамкать», – смеясь, фило-софствовал он.

«Иди в баню», – отмахивалась от него Валя.

«Не пускают туда меня, туда не пускают», – хихикал Боня.

Как-то перед Новым годом Валя мыла лестницы во всех парадных, за дополнительную плату.

И она ничуть не удивилась, когда между этажами обнаружила спящего Боню. Под головой у него была шляпа его, под которую он постелил газетку. Берёг.

Валя растолкала его и приказала идти куда-нибудь. К дочке, которая жила этажом выше.

– Не пускает, – вздохнул Боня, встал, кряхтя поднял шляпу, почистил поля на ней, прогнул привычным жестом тулью на ней. Надел.

Валя бросила тряпку в ведро и резко вдруг приказала:

– Боня, идем!

Он пытался сопротивляться.

– Уйду, я уйду, – обещал он ей.

Но Валентина уже все решила. Она не могла позволить, чтобы её ухоженный, намытый двор осквернил своим грязным обликом Боня.

– Идем ! – повторила она, достаточно приказно.

Старик сжался как-то и послушно засеменял по ступенькам вниз.

Валентина привела его к себе в дворницкую. Посадила в углу. И налив два таза воды, один поставила на пол в кори-

дорчике.

– Раздевайся, становись в таз.

Она, не стесняясь его наготы, терла его грубой мочалкой долго, потом окатила душем из садовой лейки. Дала большую простыню и усадила его опять в угол.

– Сохни.

Потом взяла ножницы и аккуратно, фирменно как-то, подстригла ему бороду. Длинные, и красивой седины, волосы трогать не стала.

– Ты – красивый, Боня. Ишь, красавчик.

Она извлекла откуда-то чистое мужское белье с кальсонами и рубашку.

Боня оделся, еще и чаю выпил. И пока он глотал чай, он вдруг поинтересовался:

– Откуда у тебя мужской гардероб?

– От мужа, – вздохнула Валентина.

И Боня больше вопросов не задавал.

Уходя, он поцеловал руку дворничихе.

– Ты – святая? – не совсем верил он.

– Просто чистоту навожу вокруг. Терпеть не могу...

– Ты – человек, – не унимался благодарный Боня.

– Дворник я, – злилась уже Валентина, выталкивая его из дворничихой. – Иди уже! Мне лестницу домыть надо.

Она закрыла за стариком дверь и, почему-то злясь на себя, вылила из тазика мыльную воду, вытерла старательно лужу на полу, прихватив грязные обноски Бони, бросила их в бак.

Уходя, открыла в комнате окно пошире.

Свежий воздух она тоже любила. И надо было убрать все следы Бониного визита. Потому что если дочка, придя с работы, заметит или учует носом возможность этого визита, Вале мало не покажется.

А Боню она предупредила, чтобы не проговорился никому. Впрочем, могла и не предупреждать. Боня и так бы не проговорился. Поскольку знал все о детях в этом мире. И не только.

Боня же уже забыл о чистоте, которая с ним так внезапно случилась, он сидел внизу в люльке ремонтников с каким-то мужиком. И оба закусывали каким-то бутербродом с газетки. А Боня бодро и неугомонно смеялся над своим же анекдотом.

Валя, проходя мимо них в соседний двор, пригрозила Боне кулаком, намекая, чтобы убрали за собой.

Пёстрая тетрадь,

14 октября 2020

Блажь

Он был не по-столичному прост. Одет просто и дорого, то есть с незаметным шиком для окружающих. Единственное, что выдавало в нем столичную непростую штучку – это роскошная совершенно, наглая свобода. Она прижилась в его походке. Он никогда не смотрел под ноги. Она жила в легком его обращении с деньгами, светила в рыжих его дорого стриженных усиках и в золотом перстне-печатке со скромным бриллиантом в уголочке грани.

И перстень выглядел на его руке как-то незаметно, и видели не раз в компании, как ловко он мог открывать им бутылку с пивом.

Он был прост не по-столичному, но когда он приезжал в маленький городок, малую родину своей матушки, где она мирно доживала в милом доме на берегу моря.

Домик был скромным, по столичным меркам – хибара, но он купил его матери по её же указке. Именно такой, чтобы у моря, и никто не завидовал.

Он редко навещался сюда. Ну, потому что совсем не любил моря, его вызывающую независимость. Эти качества он ощущал в себе, это был его знаменатель по жизни. Но здесь, стоя на высоком берегу, он, глядя на волны внизу, чувствовал себя ничтожным и щепой деревянной. Он о море что-то

знал, читал, учил биологию, географию. А морю было глубоко наплевать на его существование. Это он понимал. И хорошо помнил, как однажды он, довольный собой, в модных очках, неторопливо выходил после купания из воды. И вдруг получил такой силы пендель в спину, от только что бывшей совсем кроткой, волны, что опрокинулся носом в песок. А волна так же резво отхлынув, унесла его шикарные очки, вместе с его высокомерием.

Поэтому он уважал море, как любую стихию, но чуточку боялся. И не любил.

В городок этот он приезжал наспех, утро-день. А вечером уезжал всенепременно. Увидеть мать, поговорить с соседями матери, которым он предьявлялся как главное достижение в её, материнской жизни, раздавал всем подарки и, с легким сердцем и радостью завершённого дела, улетал опять в столицу. Чтобы еще год-два забыть об этом доме, море и маминых подручных.

Зачем он приезжал – он и сам толком сформулировать не мог. Мать его особенно не звала и не ждала, ее подруги – тем более.

Он никому бы не признался в том, как случилось, что визиты сюда стали частыми, порой неожиданными, что сбивало с толку и беспокоило матушку и подружек.

Но он стал приезжать в этот городок. И не летал самолетом, а все больше поездом.

Как-то несколько лет назад, он, случайно и нехотя, сел

на поезд, решительно не случилось билетов на самолет. Он трясся в купейном вагоне, дышал ароматами чужих тел и носков. И совершенно до дрожи злой на весь мир и всех людей, пробкой выскочил из вагона. Вдохнул чистого воздуха. Облегченно хотел выругаться и вдруг замер, и тормознул с ругательством.

Перед ним стоял мужчина в длинном темном пальто, застегнутом на все пуговицы. Он улыбался ему и держал в руках снятую шляпу.

Под руку с ним, прижавшись нежно, и в платке, и с улыбкой обворожительной на лице, стояла женщина.

Парочка всем своим видом проявляла свою радость к нему. От нее исходил искренний восторг, они были рады ему.

От такой неожиданности он тоже снял джинсовую свою бейсболку и улыбнулся. И только потом понял, что парочка сделана из бронзы. Просто скульптура на перроне – удачное воплощение чьей-то художественной мысли.

Он даже огорчился. Сильно огорчился.

Ему так хотелось чтобы приветливость этой красивой пары относилась только к нему.

И он, даже с какой-то ревностью, косил глазом на какую-то толстую тетку с такой же дочкой, которые пристроились у бронзовой парочки, чтобы сфотографироваться. Он отвел глаза от неприятного ему кадра и, не оглядываясь, почему-то почти бегом, кинулся в сторону, нужную ему.

Но сильное первое впечатление от красивой приветливой пары не покидало его весь день.

«Давно у вас эта скульптура?» – спросил он у матери. Но она ничего не видела и не слышала.

«А я в ту сторону давно не хожу», – ответила она.

А он пошел. Вечером. На перроне никого не было, поезда на сегодня закончились, и он смог хорошо рассмотреть поразившее его изваяние.

Особенно понравилась женщина. Ее лицо как бы под вуалькой, источало столько приветливого счастья от встречи, с ним. Это, пока он стоял рядом с ней, относилось только к нему.

А мужчина со снятой шляпой подтверждал, что – да, здесь ждали и встретили, и рады видеть именно его, на которого всем давно было наплевать – и в столице, и матушке, и подругам её, и особенно морю.

А эти двое, на этом пустом ночном перроне, застыли в ожидании и вере, что он обязательно приедет.

Так и случилась эта нечаянная и странная дружба между этой бронзовой красотой и им.

Он не мог этого объяснить, но он настолько поражен первым впечатлением, приветливостью и доброй радости себе, что искал повода, чтобы увидеть и прочувствовать это состояние еще и еще раз.

Он понимал свое это чудачество и неправоту, но каждый раз, въезжая с поездом на платформу, он выскакивал на пер-

рон и снимал кепку перед дамой и приветствовал мужчину в застегнутом пальто изысканным поклоном. И осознавал он одно, что есть особая точка притяжения в этом мире, где он увидит пару, которая в любой житейский и морской шторм ждёт его, и рада ему. Без корысти всякой и обмана.

Он было один раз взял с собой жену и детей, ему было интересно, увидят они бронзовую пару. Нет, не увидели. Жена раздраженно пообещала:

«Никогда больше не поеду поездом – что за блажь!» – жена чуть не налетела на бронзовую пару, но обошла.

«Блажь», – повторила она.

А он тихо обрадовался даже тому, что никто больше не видит этих двух людей, как видит он. И он никогда не станет делать селфи с ними. Это было бы оскорбительно. Он лучше приедет. Поездом. И никакая это не блажь. Радость.

Пёстрая тетрадь,

14 октября 2020

Лицо

Устарела в наши дни обличительная фраза «потерять лицо». Это раньше этим можно было устыдить человека, даже убедить его заглянуть в урну, чтобы найти это самое лицо. Так это было неприлично в жизни – потерять лицо. Это и уважение потерять, и окружение, и прочие атрибуты устроенной жизни.

Теперь лицо потерять невозможно. Потому, что никто и не заметит потери. Утром, если что, заменят пустое лицо макияжем – женщины. Мужчины же – отрастят моднящие усы и щетину. Замаскируют этим пропажу этого самого лица. Да так лихо, целый арсенал косметики, бритв и прочего инструментария – напустят такого туману, что никто и не заметит, ваше это лицо или не ваше. А что еще реальнее – никто никого не знает, лица другого, и своего тоже. Потому как это стало неважной сутью. И потерять лицо нонче невозможно, для этого вначале его нужно обрести.

Такие минорные мысли думались Таисии, пока ехала она своим привычным маршрутом в старый свой дом на окраине.

На работе случился конфликт – Таисией, с её стажными заслугами и старательностью, грубо пренебрегла новая секретарша шефа.

Таисия от выговора этой тощей пигалицы вышла из себя.

И чтобы не потерять лицо свое, написала заявление об уходе. И хлопнула громко дверь. Лица она не потеряла, но потеряла работу, которую больше выполняла по инерции и накопленному знанию своего дела.

Неожиданно это случилось и немного пугало. Уход с работы не входил в жизненное расписание Таисии, но она чувствовала, что поступила правильно. И за этим неожиданным разрывом с насиженным местом маячил какой-то судьбоносный посул, как бы в благодарность за ее сохранившийся облик.

И Таисию это несколько успокоило. Она вышла на своей последней остановке и пошла вниз по голой вытоптанной тропинке к дому.

Дома она поставила чайник, сварила кофе, села на краешек странного неустойчивого, но с корнями в этот пол, столика. Угол его был всегда застелен белой салфеткой, и ставя на нее чашку с кофе, Таисия увидела свое отражение в зеркале. Увидела там свое давно знакомое лицо, с конопушками рыжинок и пушистыми, тоже с рыжинкой, волосами.

Затянувшись дымком любимой сигареты, она вытянула длинные свои босые ноги и вздохнула. Хорошо бы вот так, сидеть и сидеть, у краешка стола. Видеть себя в зеркале сквозь дымок сигаретки. И сидеть в этой радости долго-долго, не впуская никого в этот дом. Потому что при любом визите, даже любимых людей, она терялась и теряла замечательное свое гордое лицо. Оно разбивалось о бестактные во-

просы визитеров, о корыстные просьбы их. И Таисии приходилось искажать лицо доброй улыбкой и отвечать, и обещать.

А потом долго приходиться в себя после ухода мам чьих-то, тетя, подруг. Все уже приходили без лиц, одна корысть, а она свое теряла от их бесстыжности и своей слабости, неумению противостоять этому вежливому хамству.

В дверь позвонили. Таисия вздрогнула. Она никого не ждала, тем более – без звонка.

Но позвонили еще раз.

Таисия открыла. Перед ней стояла та самая секретарша. Слегка запыхавшись, она почти пропела:

– Что у вас с телефоном? Не дозвониться. Шеф срочно хочет видеть вас. Я не стала отдавать ваше заявление. Извините меня..., – быстро, как СМС, отпечатала в пространстве секретарша.

Таисия сразу поняла, что шеф наорал на эту пигалицу. Ведь сегодня они должны были пойти на важную, как всегда, встречу.

И вспомнила она, как обидно иронично накануне эта несмышленная девица говорила с ней, и ничуть не сомневалась в своем праве не терять золотое свое лицо. Она просто сказала:

– Я не могу. Я не смогу.

Теперь секретарша засуежилась, предчувствуя нагоняй от шефа, стала быстро-быстро уговаривать.

– Пожалуйста, пожалуйста, машина вас ждет.

Таисия хотела сказать ей строгой фразой: «Барышня, не теряйте лицо». Но вместо этого она потушила сигарету, мельком глянула на свое отражение в зеркале. Лицо было на месте.

И поэтому она улыбнулась немилой этой чужой девице.

– Подождите на улице. Я сейчас оденусь.

Машина, действительно, ждала во дворе. Таисия села на заднее сиденье. И почему-то сильно была недовольна собой. А девица щебетала с водителем, весело строила ему глазки. И ей уже не было никакого дела до этой старой рыжей тетки, которая так оказалась нужна шефу. Подумала, удивилась этому и тут же забыла – и о тетке, и о шефе, и о водителе.

Она смотрела в зеркальце фирменной своей пудреницы. Приласкала свои бровки, реснички, поправила губки. И все, красота наведена. Щелкнул замок пудреницы. Девица занялась телефоном и уже совсем отсутствовала, с кем-то беседуя.

Таисия, чтобы избавиться от какого-то странного обидного чувства обмана, исходившего от всего облика и поведения этой девицы, почувствовала еще к ней чуть зависть. К её приспособленности здесь и сейчас, легкости быстро принимаемых решений.

И вдруг она ясно поняла, что девочка эта никогда не потеряет лица. И вовсе не потому, что у нее его нет. Просто она этого не боится.

*Пёстрая тетрадь,
21 октября 2020*

Чудо-Ворота

В повседневной жизни Евгений был, и знали его, как обыкновенного парня, может чуть скучноватого, и ревностно любившего свой «мерседес», сдувая с него каждую пылинку и безжалостно сгоняя местных котов с капота и крыши, на которых любила погреться эта живность.

Он был заурядным, хотя внешне даже красивым, мужчиной, но обитал в основном у себя дома, где жили еще сын, жена.

Всех он любил, своих домочадцев. Но в меру. Сыну часто урезал количество карманных денег. И никаких лишних гаджетов. Пузатый его «мерс» занимал половину двора, горделиво возвышался над тутошними «киа» и «ауди».

Но это были будни. Простые и скучные. Работа-дом-дача-работа-дом-дача. И, может от этого однообразия, Женька срывался в «штопор». Так он сам говорил о себе: «Всё, пока. Я уйду в штопор». Брал штопор из ящичка на кухне и уходил в свою комнату, а оттуда – в запой.

И домочадцы начинали свои ночи и дни бессонных бдений.

Нет, Евгений не буянил, не бил посуду, а превращался в какого-то монстра щедрости.

Жена выгребала все кредитки из его бумажника. Но это

ситуацию не спасало. Евгений впадал в высоты благотворительных деяний. И на это спускал все имеющиеся у него сбережения.

Его не выпускали из дома, отнимали ключи от машины. Лишали всякого общения с внешним миром.

Возвращаясь как-то домой, Евгений увидел расстроенного дворника Саида. Опять старые ворота вышли из строя, и во дворик проникали всякие нежелательные элементы и ставили чужие машины.

«Я позвоню в контору. Пусть починят», – пообещал он дворнику. Но тот только махнул рукой, понимая, что Евгений уже не совсем трезв.

А Евгений пришел домой и позвонил. Но не в ЖЭК, а нашел цех по изготовлению ворот. И заказал их. Новые, чугунные, с калиткой. И кодовым замком. Сказал адрес и оплатил тайной своей кредитной карточкой. Конечно, инкогнито от семьи.

И ранним утром следующего дня приехали мастера-литейщики. Выгрузили роскошные, в узорах, ворота. Сняли старые, дырявые и ломаные. И уже через пару часов новые ворота были установлены, калитка сияла кодовым замком.

Все жильцы дома высыпали во двор ахать и охать. И восхищались жилищной конторой, столь расщедлившейся на такие настоящие ворота.

«Это Женька из тридцать четвертой. Обещал – и сделал». Но его информацию Женькино семейство пропустило ми-

мо ушей.

Ворота закрывались плотно, открывались легко, и все любовались их благородным видом.

Не любовался только Евгений. Он потягивал виски из стакана, лечил голову с ночи и думал, как ему проскочить мимо жены в ванную.

Он по тишине в доме понял, что она отсутствует, выглянул украдкой в окно.

Машина его стояла на месте. Тут же толпились жильцы, размахивая руками.

Евгений решил, что опять какое-то собрание. Ворота ему из окна видны не были.

Услышал как жена возвращается. Женька нырнул в свою комнату и услышал, как жена сказала:

– Могут, если хотят. Два года звонила им. Сделали, наконец.

Женька вышел на кухню, заглянул в холодильник.

– Спишь всё. Проспал. Ворота у нас теперь настоящие. ЖЭК прислал, наконец, мастеров.

Евгений вдруг испуганно икнул.

Он вспомнил, что вчера заказал ворота. Да и оплатил, и за скорость установки отдельно еще заплатил.

Но главное было – не проговориться.

Он пошел к себе в комнату, натянул штаны и осторожно вышел во двор.

Ворота действительно были крепкими и восхитительны-

ми. Женька потрогал черные, тяжелые шпингалеты. Это было похоже на чудо.

Что и подтвердил Саид.

– Спасибо тебе, что позвонил, а то я жалуюсь, жалуюсь. Звоню, звоню. А ты – молодец !

– Да, молодец, – почесал затылок Евгений.

Главное – не проговориться. И Женька побежал домой заметать следы своей нечаянной щедрости.

Но выше страха перед женой в нем прыгала радость от его поступка. От нужного всем поступка.

Ну и что – ему попадет. Да и знал он, что, выйдя из запойного своего штопора, он, может, и пожалеет о широте и бесшабашности вызывающего своего поступка.

Но это будет потом, а пока он дорожил в себе необыкновенной радостью от свершения, ну очень нужного всем. И еще подумал, что даже для этой радости сделанного – стоило исчезать в небытии запоя.

Разве появились бы ворота, избавься он от этой своей привычки? Оставалось только разъяснить это непонятливому своему семейству.

«Хотя», – решил Женька. – «Лучше инкогнито. Тихо».

Но тихо не получилось. Саид проболтался.

Он трогал ежеминутно ворота, и приговаривал:

«Ай, Женя, ах молодец. Такой предмет купил для людей», – и восторженно оглядывал всю узорчатую красоту ворот.

Но Саиду никто не верил. Весь двор знал, что Евгению еще далеко до выхода из, опасного для него, штопора.

*Пёстрая тетрадь,
21 октября 2020*

Скольжение

Она вдруг поняла, что напрасно бросила курить. Идя по люто скользкому тротуару, она заскучала по сигаретке, за которую она так любила держаться, идя по ледяной глади. Сигаретка грела ладошку и держала за руку, чтобы она не упала. И в этом была надежность и защищенность.

И сегодня, идя в холодном дне по почти безлюдному городу, она с трудом отбилась от желания зайти в ближайший магазин и купить пачку сигарет. В радость.

А почему бы и нет? Она решительно вошла в магазин и купила на кассе любимые свои сигаретки. А зажигалка у неё всегда была с собой. Так, болталась в сумке на всякий случай. И похоже, этот случай наступил.

Вера уже развернулась, чтобы покинуть магазин и закурить там, на бульваре. Как вдруг увидела на окне за кассиршей блестящую и веселую трубу. Большим кренделем он лежал на кафельном подоконнике и казался здесь, в полуподвальчике этой лавки, чужеземцем. Таинственным и прекрасно золотым. Кнопки его сияли, как нарядная застежка.

Вере он сразу понравился, и она вдруг спросила у кассирши об этом неожиданном предмете.

– Да лежит вот. Вторую неделю. По пьяни забыл кто-то. Еще до Нового года. Вот, не приходят.

Вера почему-то страшно разволновалась. Она вдруг поняла, что геликон ждал ее, здесь, на пошлом кафеле, ждал, чтобы она его выручила. Поняла, как ему здесь не место!

Она быстро договорилась с кассиршей, сунув ей в карман купюру.

– Забирай. Если найдешь хозяина.

– Найду. Через интернет. Объявление дам, – слегка покривила душой Вера.

Геликон оказался не таким уж тяжелым. Она взяла его на руки, как ребенка, и пошла к дому. Странно, она ни разу не поскользнулась, хотя шла очень быстро. Единственное, о чем она подумала, что асфальт зимой теплее и приветливее, чем эта плитка, как в замороженном бассейне.

В доме было тепло и приятно. Вера пометалась немного, определила место новому товарищу. Геликон легко уместился на кухне. Уютно лег в старенькое кресло, где лежали всегда нитки для вязания.

Вера решила, что потом она определится с местом для инструмента. Она протерла его фланелькой и попыталась разок дунуть в мундштук. Он откликнулся веселым бодрым хрюканьем.

Вера засмеялась. Почему-то ее радовало появление в доме этого медного красавца.

Вера хотела посмотреть в интернете информацию о геликоне и посмотреть объявления о пропажах.

Никто геликон не искал.

Вера вспомнила, как кассирша говорила, что хозяин ехал с концерта, был пьян, у него не хватило заплатить за коньяк. И он оставил залог – геликон.

И скорее всего, он и не вспомнит, где оставил. И почему. Праздники давно прошли.

И Вера успокоилась. Хоть она и оставила на всякий случай свой телефон, никто, разумеется, не звонил.

И геликон как-то прижился. Вера вызвала мастера, и он вбил в стену крепкий удобный крюк, куда и повешен был инструмент.

Вера, за этими приятными хлопотами, так и не закурила. Геликон отвлек ее от этого желания. И событие это, яркое и необычное, превратилось в прошлое.

Но счастье это и лад разбились о телефонный звонок. В трубку кричал, умоляя, чужой низкий голос:

– Куда, адрес !!? – радовался хозяин трубы.

Вера не стала приглашать в дом незнакомца. Тем более так легкомысленно забывшего свой инструмент в продовольственном магазине.

– Я сейчас подойду к вам. К магазину.

– Стойте там. Никуда не уходите.

– Я вас узнаю как?

– По геликону...

Вера подумала: «ну и тупой музыкант».

Она надела геликон через плечо, как модную сумку, и вышла на скользень тротуара. Пошла к магазину, вглядываясь

во встречах мужчин с какой-то странной надеждой на неизвестно что. И держалась за геликон, как за сигарету, чтобы не упасть. И хотелось ей, чтобы музыкант этот оказался еще и симпатичным. А вдруг? И очень надеялась, что они не придут всем оркестром.

Хотя Вере очень не хотелось возвращать инструмент, она понимала всю свою несостоятельность во владении им. Инструмент должен был работать.

Чуда не случилось. Музыкант оказался толстеньким, с неопрятным лицом, дядькой.

Вера даже с какой-то печалью вернула ему его геликон.

Он мелко и быстро поблагодарил и исчез в морозной дымке.

Она осталась на тротуаре, в нерешительности сделала несколько маленьких осторожных шажков. Снегопад усилил разом скольжение.

И тогда Вера вспомнила о неоткрытой с тех времен пачке сигарет. Она вынула ее из сумки и жадно закурила. Сразу согрелись пальцы, и по телу пошла радость вернувшейся привычки.

Вера шла спокойно, уверенно. Держалась за сигарету. Тепло и надежно.

И глупо было бросать. Лучше она не стала. Но как жаль, что владелец геликона оказался намного понятнее, чем его редкий инструмент.

Вера бросила окурочек в урну у своего дома.

Дошла. Вот и хорошо. Хорошее случилось приключение. Вера отряхнула сапоги и вошла в парадную. И еще было немного жаль, что не с кем будет пообщаться вечером, и не услышать больше веселого хрюканья, оптимистически всегда настроенного, прижившегося в ее доме инструмента. Она вспомнила его блестящие бока и его раструб, доверчиво подставляющего себя к ее лицу.

Вера улыбнулась своим воспоминаниям. И завтра будет о чем рассказать на работе.

*Пёстрая тетрадь,
22 октября 2020*

Триллер по-домашнему

Совсем нечаянно, Ирина уронила тарелку с натертой свеклой.

Тарелка, конечно же, разбилась, сильно оскорбив своей лиловостью неприкасаемую белизну паркета.

Ирина быстро смела осколки, а потом терла паркет тряпкой, еще и еще. Розовость не уходила. Никак. Но Ирина вдруг переключила свое внимание совсем на другое.

Поскольку она стояла на коленях перед этим пятном, и лицо ее было низко к полу наклонено, она заметила, как из угла неразборчивым клубком торчали провода. Они воткнуты были в удлинитель, а потом разбегались по всей комнате: к настольной лампе, к торшеру, к компьютеру. Провода были похожи на каких-то животных, которые, похоже, управляли здесь всем.

Один провод даже сбежал в коридор вслед за пылесосом, а еще один – в ванную уполз ужиком. Там стояла стиральная машина.

Ирина даже присела прямо на пол от этого зрелища. Оно будто воткнула и ее, Иру, в розетку. В зависимости от неё, Ирина выключить попробовала хоть один электроприбор. Но из-за причудливого сплетения всех разом проводов, это оказалось непростым делом.

Ире хотелось всё-таки, раз она увидела эту спрутность в комнате, навести порядок. Один удлинитель, поменьше, был включен в следующий, подлиннее и побольше. От клубка этого причудливого исходил какой-то угрожающий мотив.

Ира улыбнулась своему страху и подумала, что не будет эту путаницу тревожить до прихода ее мужчин, то есть сына и мужа.

В конце концов она отмыла до полного блеска свекольное пятно на полу, все это время стараясь не смотреть в сторону удлинителей. Твердо решив для себя, что с этим надо что-то делать, она отвлеклась на готовку обеда, густого борща с пампушками. Готовка всегда приводила в равновесие, и дурное мигом покидало тело, как смывалось аппетитным видом стряпни.

Она встретила сына, и пока он мыл руки, быстро налила еду в тарелку. Но сын все не шел.

Она заглянула в комнату и увидела сыновью спину и голову в наушниках перед компьютером. И прямо от него в розетку протянулся еще один провод, зарядки мобильного.

Ирина облокотилась на косяк и смотрела на некрепкую спину своего мальчика. И ей на секунду показалось, что это он себя включил в удлинитель, и оттуда невидимые токи его пацанской жизни текут и придают ему жизненные силы. А подойди и выключи провод из розетки, то сын ее сдуется.

Ирине стало страшно. Она подошла сзади, погладила сыновий затылок.

Она потянула наушники чуть:

– Обедать иди.

Сын аккуратно снял наушники, положил их на письменный свой стол. Ирина почувствовала, что в видимом ею беспорядке и ужасе перед клубком проводов, сыну понятен и удобен порядок их расположения, нужности каждого из них.

Ирина не стала ничего говорить.

Вечером, когда пришел муж, она попыталась ему рассказать о нелепом своем ужасе перед клубком этих гадов-проводов.

«Все нормально, Ира», – поцеловал он её в щеку. И не дослушав, и не вникая в её терзания по пустякам, он достал с полки электробритву и подключился к этому же удлинителю.

«В чем проблема, не понимаю. Удобно же», – и он стал тщательно бриться на ночь.

Он всегда брился два раза в день, чтобы выглядеть браво и чистоплотно.

Ирина увидела подключенного мужа, подключенного сына, в тревоге пошла на кухню, включила утюг и телевизор.

Себя-то она со стороны не видела. И хорошо. Она не осознавала свою возможную зависимость. Уж она-то могла выключить любой из приборов, легко. И не надо смотреть на пол, где живут эти провода и удлинители. И она пообещала себе больше об этом не думать.

Пёстрая тетрадь,

24 октября 2020

Так не бывает

Мила любила всех, везде, всегда. Потому, что у нее был редкий дар короткой памяти. Совсем пунктирной была фиксация происходящего. Ничто не фокусировалось в ее разуме за ненужностью. Поэтому жила она легко и опрятно, никого не обижая, не задевая и не помня.

О своем редком этом даре она не подозревала, думала она, что устроены так все люди. И ей и в голову бы не пришло оскорбиться на неуважение к себе. Один поворот головы в сторону от обидчика делал его моментально давно забытым прошлым.

Она уже чирикала милым воробышком с кем-то по телефону и неслась вперед, с легкой своей незабоченностью и улыбкой.

У нее даже прозвище нашлось, когда окружающие обнаружили ее редкий дар, кто-то роковым голосом приговорил: «Так не бывает».

Когда она узнала об этом, долго хохотала, а потом, чтобы не забыть, выложила это прозвище на своем сайте, как псевдоним.

С ней было легко и приятно. Семья, как-то не получалась. Но любимый мужчина был всегда рядом. В определенной очередности они сменяли друг друга, но до конца не расста-

вались с ней. Ее бескорыстие изумляло и тревожило. И – так не бывает. От этого ее всегда захламляли подарками.

Но внезапно жизнь отняла этот дар короткой памяти. Торопясь купить хлеб и весело шлепая по мартовским лужам, она добежала до «Булочной», ближайшей к ее дому, где она всегда брала кирпичик ржаного.

Она дернула за ручку дверь и увидела, что опоздала. И уборщица закрыла на ключ, хмуро, не глядя, выпустив последнего покупателя.

Мила хотела дернуть дверь на себя, но не тут-то было. Старуха оказалась жестче. Она пошла вглубь булочной.

Мила постучала, и когда старуха оглянулась, улыбнулась ей во весь свой молодой рот и попросила: «Впустите».

Старуха сжалилась, как показалось Миле, улыбнулась понимающе и подошла к двери.

Мила уже обрадовалась, взялась за ручку, но вместо того, чтобы открыть, старуха резко бросила в улыбающееся Милино лицо, крепко сжатую грубую фигуру.

«На вот тебе», – выдала она небывалый злой оскал. Повернулась задом и быстро прошаркала прочь.

Милку, как помоями облили. Она все еще стояла за стеклом, не понимая, как ей сделать шаг, первый шаг в новой ее жизни. Потому что, пока она стояла, она поняла, что дар легкой памяти покинул ее навсегда, в секунду. Улетучился вместе со старухиной фигурой.

Мила тихо расплакалась, с трудом сделала шаг, а потом

вдруг побежала быстро-быстро. Хотелось домой немедленно.

Только закрыв за собой дверь собственной квартиры, она села на твердый стул в прихожей, сама себе с иронией сообщила:

– Так не бывает.

И сама ответила:

– Бывает.

Умыла лицо и пошла к компьютеру.

Надо было заменить в Инстаграме свой псевдоним. И чтобы не забывать то, что случилось с ней в булочной, она заменила на «Фигаро». Корень общий, и не все поймут. Но Мила только после этого успокоилась.

Но забывать не хотела.

*Пёстрая тетрадь,
24 октября 2020*

С ЛЮБОВЬЮ

«Не позвонить, с любовью», – так он объяснял долгое свое телефонное отсутствие. – «Я знаю, как ты расстраиваешься, если по глупости скажу слово не такое, как ты хочешь, ты – в слезы, в тоску и в ругань. Редко звоню, но с любовью. Не хочу тебя огорчать».

Вот такая у него была деревянная ложка.

Они расстались настолько давно, что даже ближнее окружение перестало вспоминать об этом, как будто и не было. Как и не было. Было ли?

«Все это – бабское», – как мог утешал ее сын после каждого его звонка.

Но она не утешалась. И все думала о нем и ждала звонка.

Событийность ее жизни была скудна. Рутинные события, стресс от телевизора, редкие беседы с соседями по двору. Круг общения узок и мало любим.

Как-то роясь в огромном своем книжном шкафу, она обнаружила, растрепанную вдрызг, ну, самую свою любимую книгу. Обложка на ней держалась на одной ниточке, внутри треснул шов. Это был Белль, «Глазами клоуна» – книга, которая подготовила её к переживаниям брошенности внезапной. Читала она ее и во время своей бабской драмы, и потом. Все возвращалось к ней, к грустному ее пессимизму.

Книга вышла прямо на нее, откуда-то сверху. Чувствительно стукнув по голове.

Руслана подняла ее с пола и, осмотрев ее изношенность, подумала – хорошо бы её переплести.

Конечно, можно было купить новую, сейчас все можно купить, но Руслана захотела сохранить именно этот том.

Нужен был переплетчик. Редкая профессия по нынешним временам.

Она поискала информацию в интернете. Но ничего в этом роде не нашла.

Кто-то ей посоветовал: «Поищи в библиотеке».

И Руслана пошла в городскую старинную библиотеку, куда ходила еще девочкой. И где ей, как самой аккуратной читательнице, давали книжки даже из читального зала.

Приятные воспоминания встретили Руслану на пороге и открыли ей дверь.

Наведя справки о переплетчике, ей пришлось спуститься в полуподвал здания. Руслана нашла нужную табличку «Переплетная». Постучала. Услышала какое-то ворчание и вошла.

В прокуренной тесной комнате стоял огромный стол с резаком, а за ним сидел худенький мужичонка с сигаретой.

– Мадам, – он хотел привстать, но у него не получилось.

В Руслане поубавилось решительности, когда она заметила, что переплетчик немного пьян, весел и очень рад ей почему-то.

Руслана молча протянула ему томик Белля.

Он взял томик, бегло осмотрел его и задал неожиданный вопрос.

– Бросили тебя?

Руслана пропустила вопрос мимо своего внимания и строго спросила:

– Это можно скрепить?

– Конечно, конечно, – будто извиняясь за свою бестактность, ответил торопливо мужичок. – Завтра и приходите.

Руслана удивленно осмотрела мужичка. Его синие глазки – будто светляки на небритом морщинистом лице. И еще она заметила, что руки его плохо двигаются. И весь он немного хром.

– Так завтра? – недоверчиво переспросила она.

– Не сомневайтесь, – он даже проводил ее до двери, чуть прихрамывая.

Руслана вышла с непонятным ощущением обмана. И с горечью подумалось ей, что пропала ее любимая книга в таких-то руках. Самозванец какой-то, уж никак не переплетчик, разве в подмастерьях у кого-то, настоящего переплетчика.

«Ну и ладно, если что – куплю новую».

Руслана с тем хотела успокоиться, но вдруг вспомнила вопрос к себе от этого мужичонка. Как он узнал, что: «Ушел, бросили»? Значит, читал. Подумать только. Читал Белля. А по виду не скажешь, сморщенный весь, нетрезв. Разве что,

глаза синие.

Но Руслана тут же забыла о переплетчице, зашла в Дом Книги и купила новую книгу – продублировав, как она думала, неподлежащую реставрации.

Потом пошла домой, поболтала с соседкой на лестнице. Вечер прошел как всегда – спокойно и наедине с собой. Хорошо.

Утром следующего дня Руслана, идя с работы, на всякий случай сделала круг и зашла в библиотеку. По ступенькам легко спустилась к «Переплетной».

Постучала – и опять ворчание, уже знакомое. Вошла.

Переплетчик обрезал резакom подшивку журналов, но увидя Руслану, сразу бросил свое занятие. Только легко резанул вниз.

Руслана вглядывалась сквозь сигаретный дым в лицо переплетчика, стараясь увидеть состояние трезвости его, но он вдруг неведомо откуда достал ее книжку. Она была в прекрасном синем коленкоре, а сверху аккуратно наклеено название из старой обложки.

Руслана полистала томик, все страницы прижимались друг к другу ладненько, ровненько.

– Ой, какой вы молодец, – не скрывала своей радости она. – Подумать только. Я думала – утеряна без возврата.

Руслана рассматривала реанимированный томик и тут только подумала что надо спросить:

– Сколько за работу?

– Меня зовут Николай, – невпопад ответил он и поклонился слегка. – Всегда... Мне в радость.

Руслана заволновалась и стала доставать кошелек. И тут поняла, что не запаслась наличными, у нее были только пластиковые карты.

– Если вам не трудно, купите мне бутылку винца. Здесь рядом, – сказал он. – Красненького.

Руслана кивнула и вышла, положив томик Белля в сумочку.

Ей вдруг захотелось сбежать и не видеть ни эту библиотеку, ни Николая в ней. Она поняла, что ее привели за руку, поставили перед этим горестным человеком и приказали: «Смотри».

Она добежала до магазина, купила две бутылки красного лучшего вина, попросила пакет поплотнее и, войдя в библиотеку, оставила все на ресепшене, попросив настоятельно тут же, при ней, передать переплетчику.

Когда все было сделано, Руслана поняла, что покидает это место навсегда. А еще ей подумалось, и почему-то с острой болью, как этот Николай с трудом поднимается по лестнице.

Она даже чуть пожалела, что не отнесла пакет сама.

Но, перефразируя бывшего мужа, оправдала свою трусость, как и он.

– Не отнесла с любовью.

Пёстрая тетрадь,

24 октября 2020

Просто

Мусе было дать совет так же легко, как суп сварить. А супы она варила отменные, и большими тяжелыми кастрюлями. Весь день Муся торчала на кухне и колдовала, засыпая горстями и щепотками таинственные приправы, и постепенно огромная кухня наполнялась дурманными ароматами, а на личности соседей припечатывали Мусины советы.

Хоть она и знала, что вкусный и необычный суп из ее волшебной кастрюли никто и пробовать не станет, а уж советы ее – и подавно, Муся всё стряпала и учила жизни.

Советы ее были уморительно смешными, и может и глуповатыми, но иногда чья-то спина бегущего от нее соседа слышала и потом понимала правильность, и улавливала смыслы в её кротких сопроводилках на день.

Мусин суп ел только Макарыч, рыбак в прошлом и нынешнем времени, он вставал позже всех, с мрачным лицом выходил на кухню и, вдыхая дивные ароматы Мусиной стряпни, уже как просьбу спрашивал:

– Супчику.

Муся советовала умыть лицо и руки, прежде чем брать в руки хлеб – «Божий посланник» – так называла она простую буханку из булочной.

– Умойся, умойся.

Макарыч послушно шел в ванную, гремел там пустыми тазами, урчала вода, выходил сияющий и садился на краешек стола. Чужого конечно, своего на этой кухне у него ничего не было.

Макарыч хлебал суп с каким-то котиным урчанием, а Муся советовала, как бы беря мзду за угощение:

– Жениться тебе надо, молодой еще мужчина, сильный, – она робко потрогала бицепс его на руке. – Эх, пропадает.

Макарыч благодарил за суп и уходил по своим делам. А кастрюля с супом медленно остывала на плите в ожидании возможного едока.

А Мусе идти было некуда. Все, чем она интересовалась по жизни, находилось здесь, в этой огромной коммуналке, длинной, как проспект, и с поворотами – как переулочками, в которых тоже были комнаты.

Муся повязала фартук, надела калоши и принялась мыть полы на ничейном пространстве, то есть общем, кухни, ванной, коридоров, которых было аж три.

День проходил незаметно. Если кто-то выходил из какой-то комнаты, то натыкался на очередной Мусин совет: «зонтик не забудь» или «скользко – осторожно». Или «помиришь с Лелей, она – девочка хорошая».

Муся знала о жильцах своей квартиры всё. Это был ее мир, она знала его в мельчайших подробностях, и за это жильцы к ней относились сложно.

Для молодых – она не существовала, для людей постарше

– представляла некоторую опасность, потому что иногда советом бесцеремонным и бестактным могла ввести в стопор, в краску, в ругню и крик.

Чаще всего в свой адрес она слышала: «ты кто такая, чтобы мне советы давать? Уши вянут».

«Они у тебя вянут от заклепок», – не унималась Муся.

«Ты бы еще кольцо в нос», – советовала она.

На том и расходились по своим комнатам.

Жильцы весь день где-то находились, а приходили в дом с надраенным паркетом по всему периметру бесконечного коридора. Ванна и сортир тоже блестели, как и три раковины на кухне. А на плите квохтело и хлюпало что-то ароматное и зовущее к столу.

Муся и сама не смогла бы объяснить зачем, для чего она занимается ежедневно умыванием этого жилья. Висит же график ненужной бумажкой, Муся все делала сама. С утра. Ей это было легко и привычно – как суп сварить.

А соседи, все разом, делали вид, что не замечают её могучей услуги с этой «авгиевой» уборкой. Они спасибо Мусе не говорили. Мудрили, дескать, это её выбор, не претендовали помочь или хотя бы поблагодарить. Держались за свои амбиции крепче, чем Муся за швабру. Это бы ладно. Но когда они выходили по своей надобности на кухню, то сразу попадали под обстрел Мусиных советов.

Надеясь на общение, Муся не понимала, почему они разбегаются от неё, торопясь сделать свои дела на кухонном

пространстве, исчезали.

– Костик, – Муся подошла к студенту, снимавшему комнату. – Неправильно кофе варишь. Здесь главное...

Но Костик, не дослушав, хватал турку, чашку и убежал. Муся не огорчалась. Возвращалась к своей кастрюле, включала газ под ней и начинала свое уникальное общение с травами, добавками и припусками лука и моркови.

Все жильё наполнялось сытными ароматами, сбивавшими с ног.

И тогда Муся, взяв телефонную трубку, говорила громко-громко в телефонную трубку – как бы разговаривая с какой-то подругой.

– Сварила вот чудный грибной суп, приходи. Не можешь? Ах, как жаль. Нет, пойду прилягу. Устала за день. Прилягу... до утра.

И это была как команда.

Как только Муся закрывала дверь своей комнаты и щелкала замком, квартира почти сразу оживала.

На кухню тянулись жильцы и, обмениваясь короткими приветствиями, наполняли пиалушки и чашки Мусиным супом и стыдливо укрывались в своих комнатах.

А Муся все слушала у себя под дверью, довольно улыбалась, и никто бы не посмел, глядя на доброе ее лицо, не сказать ей «спасибо». Но никто не хотел даже думать об этом, все разом доели суп и накрыли пустую кастрюлю крышкой. Все быстро исчезли, потому что боялись, что вдруг Муся

выйдет на кухню и начнет давать свои советы. Уж этого люд здешний не выносил.

Муся вышла только в ночи. Она тщательно намыла кастрюлю, огромную, как бак и пустую, как человеческая неблагодарная статья.

Но Муся ни о чем таком не думала, она рада была, что суп съеден. И утром можно будет стоять за плитой, помешивая в кастрюле и накрывая благословляющим соседей, мудрым советом на день.

*Пёстрая тетрадь,
28 октября 2020*

Рыжина

Лямурная история произошла с Дмитрием. Совершенно безобидная и смешная.

Он познакомился с необыкновенной, исключительной рыженькой девушкой. Дмитрий почему-то имел мужскую слабость к такой вот пышной и яркой рыжине. «Ася», – девушка представилась, улыбнулась, и Дмитрий почти сразу утонул в зелени ее глаз. Он даже от рыжей копны волос как-то оглох, от счастья, и мельком подумал, что так не бывает. Таких совпадений, чтобы такая единая рыжая красота и разом – загадкой для него.

Ася оказалась умной и строгой девушкой, что тоже сильно импонировало Дмитрию и еще раз призвало его к восхищению такой неслучайностью.

Дмитрий не стал тянуть с предложением о замужестве. Ася согласилась, состоялось знакомство с родителями, в меру шумная свадьба и начало семейной жизни. Утром Дмитрий проснулся необыкновенно рано и потопал в ванную, потом на кухню, выпил холодной воды и понял вдруг, как он счастлив.

Когда он вернулся в спальню, то не сразу понял что происходит. На взбудораженных ночью подушках лежала коротко стриженная голова незнакомой, ну совсем чужой женщины.

Дмитрий ойкнул и тихонько подошел поближе к кровати. Стал вглядываться в черты нового лица незнакомки.

Женщина спала сладко, лицо ее было хорошо видно, и на нем ну ничего Асиного новоиспеченный муж не замечал.

Дмитрий вышел на кухню, выпил воды, умыл лицо под краном. И нерешительно подошел к спальне. Заглянул в щелку. Женщина в их постели спала так же безмятежно.

Дмитрий ошалело перевел взгляд на белое пятно. Ну, да. Это было невестино платье, он хорошо запомнил сложную его застежку, с которой с трудом справился.

Взгляд его устремился повыше, на зеркальный столик, на котором он, как в триллере, увидел рыжие кудри любимой. Он не сразу сообразил, что это был парик, надетый на шляпный болван головы.

Дмитрий испугался увиденного. Он не знал, как реагировать.

Он, уже не таясь, вошел в спальню. Подошел по пушистому мягкому ковру к столику с болваном и рыжими любимыми патлами на нем.

Дмитрий даже потрогал рыжую эту копну подмены и совсем не знал, что ему делать с этим неприятным для него открытием. Проехала, шумя струями, поливалка за окном.

Будто окатила Дмитрия холодной своей водой.

Глядя на болван в прическе, Дмитрий быстро нашел свои штаны.

Уже ничего не боясь – самое страшное с ним случилось,

он шагнул на свежий утренний воздух. Розовый рассвет как бы подмигнул ему, подбадривая.

Он шел по улице и размышлял, что бы ему такого сделать, чтобы успокоиться.

Он уходил все дальше от дома, в котором остался остывать его домашний очаг.

«И какой же это очаг?» – думал Дмитрий. – «Обман и болван».

Он, как о сопернике, ревниво подумал об этом шляпном болване, который украл и напялил на себя всю идеальную суть о женщине в романтической голове Дмитрия. Надо было решать.

Когда Ася проснулась, и на сладкие ее потягушки она почувствовала поцелуй мужа между лопаток, на спине, потом на шее.

Дмитрий боялся смотреть на нерыжую свою жену, а вдруг она ему не понравится?

Но Ася ничуть не стесняясь, привычным уверенным жестом сняла парик с болвана и пристроила его у себя на голове. Даже в зеркало не посмотрела.

Дмитрий же, столь же решительным жестом, снял рыжие, теперь уже ненавистные, кудри и быстро швырнул их в окно. Там, по второму кругу, шумела поливалка.

Дмитрий протянул ошарашенной Асе руку и спросил:
– Ты кто?

Ася оценила шутку. И они пошли завтракать. А Дмитрий

решил, что правильно все сделал. Начинать семейную жизнь с обмана и обидного болвана – не состоятельно.

А Ася думала, что как была права опытная блогерша, когда давала советы девушкам – дескать, клюют мужчины на рыжину.

И, вспомнив улетающий в окошко надоевший парик, она внимательно посмотрела на мужа, который с тем же вниманием разглядывал ее. И они вдруг разом рассмеялись.

Пёстрая тетрадь,

8 октября 2020

Встреча

Она узнала бы эту сумку из сотни других. Большая, серая, на маленьких скрипучих колесиках, она много раз ездила с ней, держа её за пристегивающийся длинный поводок на тугом карабине.

На верхней мягкой крышке рыжело приметное пятно, это когда-то она нечаянно пролила на нее йод, прижигая какую-то пустяковую царапину на пальце.

Сумка была привезена когда-то аж из Болгарии, и вызывала изящным своим видом зависть пассажиров. Лена даже чуть высокомерила, когда шла по перрону, скрипели только колесики, а сумка послушно тащилась на кожаном поводке за хозяйкой, как верная псина.

Но время по-своему расправилось со своими подданными, одушевленными, или нет – не имеет значения.

Сумка, увы, пришла в негодность, и как-то при случае Лена, загрузив ее вышедшими из моды своими нарядами, вывезла во двор и оставила подальше от баков, а вдруг пригодится кому-то. И вот пригодилась. Сумка прожила какую-то свою параллельную жизнь, и вот встретились. Лена стояла на переходе, сумка была как раз перед нею.

Знакомый поводок держала вовсе не старушка, а молодая женщина, перепачканная краской. А в сумке виднелись ру-

лоны обоев.

Сумка была крепко нагружена, и колесики её панически повизгивали.

Знакомое йодное пятно уже было едва заметно. Сумке сильно досталось за эти годы, и ее чужеземность сильно поблекла. И тем не менее, это была она.

Ленка даже улыбнулась, не сумке конечно, а скорее своим воспоминаниям, связанным с путешествиями с ней.

Загорелся зеленый свет, и сумка закрипела по переходу и свернула налево, послушно на поводке.

Лене нужно было в другую сторону, по срочному служебному делу. Она несла и торопилась доставить кому-то какие-то печатные тексты.

И вдруг, непонятно почему, Лена остановилась, села на лавку и почему-то расплакалась.

Встреча с сумкой не показалась ей глупой, а наоборот – встала каким-то наглядным упреком, комментарием наглядным её жизни.

Вот так послушно, как сумка на поводке, она катилась за тем, кто держал и тянул с силой ее за поводок. Такой была строгая мама, орущий муж, равнодушные дети и начальники на службе.

Каждый хватался за ее послушность и волок в нужную сторону, и грузил тем, чем хотел.

Она, хоть и скрипела, но ехала.

И почему-то образ послушной сумки как бы ущипнул

Ленку больно, и за нос.

Она вскочила с лавки и побежала в ту сторону, куда исчезла её бывшая собственность.

Ей показалось, что если она не догонит и не вызволит из рабства скрипучую старую свою подружку, то не будет в ее жизни ничего. Совсем.

Ленка почти бежала по проспекту, пока впереди не увидела маляршу.

Та шла, не спешила, ела какой-то бургер. Наверное, обедала. Но Ленка не постеснялась и остановила её.

Что она ей говорила, что такое объяснила, но покоренная её горячим монологом и некоторой достойной суммой денег, она уступила Ленкиным стонам и слезам.

Она хватким движением вынула из сумки тяжелые рулоны обоев, связанные накрепко шпагатом, и банку белил. После чего вытряхнула из сумки всякий мелкий мусор, вручила ее Лене. И пошла равнодушной поступью дальше.

А Ленка, защелкнув мягкую крышку с рыжим пятном, взяла в руки стертый трудовым стажем поводок и пошла домой. Совершенно не думая о нужности файлов, которые ей были доверены начальницей.

Она шла и думала о том, что ничего в этом мире навсегда не пропадает. Поскольку каждая вещь – это воплощенная, кем-то реализованная, мысль. Забота о ком-то и желание сделать что-то, честно и красиво. И чтобы пригодилось.

Всё, что выдает жизнь полно осмысленности и нужности

для чего-то. Все было для нее, Ленки. Существовало в параллель, но сообщалось необъяснимым образом.

Вот и сумка – вернулась от своей привязанности, хоть Ленка и понимала, что приписывает старому этому «чемодану» чуждые ему слабости, но ей хотелось думать, что не бывает таких случайных совпадений. Вот так, на переходе, зеленый свет подарил целый аккорд лучших эмоций – коих она уже не переживала давно. И еще она вспомнила, что не сама выносила эту сумку из дома, а отдала чужому человеку – электрику, который чинил что-то в их доме. Отдала, с каким-то барахлом. Мастер потом сумку вернул, но она ее не приняла, и ее электрик унес.

И вот – на тебе, что за причуда случилась. Ленка унесла сумку в ванную и тщательно намыла её со всех сторон. Поводок протерла отдельно спиртовой салфеткой. А потом подвесила ее сушиться на балконе, колесиками вверх, которые Лена смазала машинным маслом.

Если бы строгий хозяин, муж Сеня, спросил её, зачем она занимается такой ерундой, то Ленка бы не ответила внятно. Но, любуясь рыжим йодным пятном, ставшим более ярким и заметным, Ленка чувствовала в себе горячую убежденность, что она всё делает правильно. И с этим пониманием важности всего происходящего на душе, Ленке стало легко и необременительно.

Будто отдала старый, тяжелый долг. И приобрела какое-то независимое, тайное знание. И оно тоже теперь навсегда с

ней, как сумка, сохнувшая на балконе колесиками вверх, пристегнутая на бельевой веревке. Крепко, и как бы в доказательство, что ничего в этом мире не исчезает.

Все с нами. Без всякого исчезновения.

*Пёстрая тетрадь,
29 октября 2020*

Краснодеревщик

Столяр Степан был в душе краснодеревщиком. Он, сколько себя помнил, представлял, что он мастерит изысканную штучную мебель, неповторимую.

Но жизнь сложилась своенравно, и по её причуде Степан преподавал уроки труда в школе, а в свободное от работы время столярничал по мелочам и делал табуретки, по просьбе заказчиков. А таких у Степана было очень много. Слава об его изделиях, то есть табуретках, пронеслась по городу. Степан будто бы обладал каким-то секретом в производстве этих самых табуреток, что делал он их какими-то легкими, удобными и устойчивыми.

В школе дети обожали уроки труда, потому что учитель, Степан Ильич, молча сколачивал за время урока низкую скамеечку или детский стульчик, разрешал взять его изделия домой. На радость детям и их родителям.

А еще он никогда не ругался, ставил всем «отлично» и легко отпускал с его урока, если его просили.

Степа вообще был своей жизнью доволен, потому что рано понял, что лучше довольствоваться тем, что есть, а не терзаться ненужными искушениями.

Но искушение такое у Степана было. Никто о нем и не догадывался. Степа мечтал сделать секретер из драгоценной

какой-нибудь породы дерева. Сделать самому, как у старых мастеров – и бюро, и ящички, и обязательно какой-нибудь свой секретик встроить. Ведь на то он и «секретер». Но мечта эта всё отодвигалась временем. ПТУ, армия, семья. Взросление детей и сложности в семье отнимали силы, желания. И мечта о секретере все блекла, отлетала и появлялась иногда, перед сном, тревожила Степу своей укоризною и неосуществимостью.

Но жизнь постепенно налаживалась.

Главное, дети уже занялись своей жизнью и делами в ней, тоже своими. Жена Варя пропадала при первом внуке, а Степан вдруг робко подумал, что он может приступить к реализации своей мечты.

Он даже купил тяжелый том книжный об истории старинной мебели и справочник краснодеревщика.

Делать он решил в гараже, все равно он пустовал, Степан давно отдал машину детям, ему совсем это было не интересно. Он уже начал наводить справки, где и как достать нужно дерево. Делал свои самодеятельные чертежи. И все ему казалось доступным и легкоисполнимым.

Дело продвигалось. Днями Степан торчал в гараже, стрекотал токарный станок, трудился на верстаке. В гараже появился устойчивый запах стружки.

Настроение у Степана было поначалу лихим и азартным. Но после многих недель упорных работ, он получил в результате вместо секретера многоэтажную табуретку с ненуж-

ными ящичками и странной скамейкой сбоку. Если учесть, что этот, так называемый, секретер был рассчитан на полный человеческий рост, и бюро замышлялось, чтобы стоя писать нужные автору записи, то получилось у Степана громоздкое страшилище без названия.

Степан сильно огорчился, разобрал его быстро-быстро на детали и стал думать и размышлять, что он сделал не так. Он еще раз стал разглядывать картинку с желанным бюро, всё было просто. Вот ящички, доска для письма. Все это он сделал. Но соединить не смог.

Что-то здесь было не так. Все детали – по замерам. Всё должно было соединиться в абсолютную красоту.

Но доски не сдавались и в красоту не хотели уперто превращаться.

Степан решил сделать перерыв. Освежить отдыхом свою мечту, начались занятия в школе, и его отвлекли табуретки и скамеечки. Но в душе он не успокоился.

Уверенность в том, что он соберет свое бюро-секретер делала его жизнь интереснее и как-то чуть таинственней для окружающих.

И жена это заметила. Особенно странной улыбки отца испугались дети.

«Может, у него женщина?» – сразу обвинила жена.

Но сыновья успокоили и стали присматриваться к отцу, чтобы понять что с ним не так. Наконец они обнаружили тайну гаража. Они пришли на запах свежей стружки и увидели

ужасную тайну отца. Неуклюжий стол с ящиками, тяжелый и нескладный, занимал половину гаража. Был высок, тяжел и некрасив.

Сыновья как-то, от любви к отцу, уловили истинное стремление его и поняли, что хотел сказать отец о себе этим бюро-нескладехой.

Сыновья были ребята с пониманием, и деньгами. Они не стали утруждать себя вопросами к отцу. Любовь, все знают – это поступки.

И они поступили по своему разумению.

Когда Степан Ильич пришел на выходные в гараж, увидел то, что привело его в тупое недоумение. Он сел на собственного изготовления табуретку и молча смотрел, не верил глазам.

Прямо перед ним стоял уникальной работы секретер. И бюро, и столик с ящичками. Все – как ему думалось и мечталось. Всё было покрыто темным лаком и от этого было еще недоступнее в своей красоте. Степан вскочил со своей табуретки, она даже опрокинулась оскорбленно, подошел к дивной этой мебели и стал, едва прикасаясь, бережно выдвигать ящички. Один за другим. Воплощенная кем-то его мечта стояла здесь, в гараже, и должна была радовать его. Но этого не случилось.

Степан потрогал с уважением поверхность бюро, обнаружил под ним старательный тайничок – всё как он представлял и хотел. Но его что-то огорчало все больше. Каждую ми-

нугу он физически ощущал, как что-то теряется им навсегда. И приходит горьковатое осознание чего-то уже непоправимого и тяжкого. Он понял вдруг, что никогда не сможет создать такую роскошную красоту. Вещицу, которая через века предъявила своего творца, гордясь тем, что ее так тщательно составили, выстрогали, выпилили, всё это с необыкновенным знанием, умением и вкусом.

И тут Степан тяжело выдохнул – и сдался. Сдался этой красоте, мастерству, которое было никак необъяснимо.

И дело было не в качестве досок, резьбы и рубанка.

Дело было в каком-то другом знании, умении высшего регистра, которое не могло быть по какой-то причине, совсем недоступно Степану Ильичу.

Он, конечно, огорчился этому мудреному открытию, но не стал злиться на сыновей, которые так хотели его порадовать.

Степан еще раз погладил темные лаковые бока шедевра и вышел из гаража.

Больше он туда никогда не заходил.

*Пёстрая тетрадь,
29 октября 2020*

Посыльный

Она как-то не сразу разглядела этот город. Все металась по чужим улицам его, по длинющим мостам его, по бесконечности центральных проспектов.

Он не радовал её, а только утомлял расстояниями, особенно – безликими и безымянными для нее районами.

Но время шло, и город перестал ее раздражать, она поселилась в центре и уже иногда выделяла архитектурную привлекательность некоторых строений. Пока – только на своей улице. Хотя улице этой, узкой и длинной, всегда не хватало солнца, луны и звезд. Даже на ее высокий этаж они с неба низкого тяжелого заглядывали в комнату к ней очень ненадолго.

Поздней осенью она старалась не выходить лишний раз на улицу. Лишь за продуктами. Серый короткий день, и дождь в нем, придавали лишнего уныния в ее и так хмурной нрав. Она почти всегда была недовольна всем, что попадалось ей на глаза, будь то чья-то раскормленная городская собака или шумный чей-то ребенок. Она старалась побыстрее покинуть то место, где досаждали ей гуляющие по праздной глупости своей люди. И вечерний полумрак, по которому она тащилась домой с тяжелой сумкой с картошкой и другим продовольствием, которого должно было хватить на недели. Она

перебирала мелкие свои и привычные мыслишки и желания глядя вперед, в сторону своего поворота во двор. Он легко узнавался даже издали, по двум гранитным бесполезным столбикам у ворот. Кто-то их вбил, наверное начиная осуществлять свой великий замысел, но что-то помешало этому – то ли революция, то ли любовь, то ли нездоровье. Замысел остался в недоумении, двумя гранитными столбиками, и она иногда налетала на них по своей рассеянности и пугалась их.

Но сегодня вместо мрачных столбиков в ее глаза причудливо и неожиданно всплыла синева. Пятно ее приближалось и оформилось в огромный букет неожиданных здесь васильков. Букет из них был размеров для ведра. Ни одна ваза его бы не вместила.

Васильки были особенно головастыми и красивыми. Их окружала плотная кружевная упаковочная бумага. А они будто старались вырваться на волю, и из её ненадежных объятий с ленточкой, и из рук мужичка – рассыльного, который нес эту красоту по нужному адресу, задрал голову вверх и считывая нумерацию домов.

Он неторопливо приближался к двум гранитным столбикам, остановился, сверяя адрес.

Она, непонятно зачем, ускорила шаг, будто боялась, что этот мужичок исчезнет, вместе с этими неожиданными пришельцами в этот фиолетовый ноябрь, полевыми васильками.

Она сравнялась с мужичком и поняла по тому, что он набирает код входа – они идут в одном направлении.

Она остановилась, глядя на эту экзотику в руках чужих и вдруг поняла, что с трудом удерживает в себе желание в искреннем порыве погрузить лицо в этот синий дым, и не отнимать.

Она даже почувствовала росную их свежесть.

Но мужик пнул калитку, и мимо ее лица проплыла чужая красота. Букет был такой широкий, что был виден из-за спины разносчика. Он вплыл в их дворик и как бы раздвинул его, расширил и осветил.

Она стояла и смотрела, и радовалась тому, что есть на Земле человек, который придумал, определил и составил эту цветочную роскошь. И порадовалась, что сделать ему это никто не помешал, как когда-то в замысле с гранитными столбиками.

Она пошла на всякий случай за цветоношей, чтобы убедиться и успокоиться, что он дошел, не споткнулся и не выронил эту васильковую тяжесть.

Хотя, подумалось ей, а вдруг это случилось бы, и он упал, и выронил, уж она бы успела подхватить эту небесную красоту и хоть пару секунд ощутить её приятную тяжесть, и ушла бы прочувствовать счастье той, кому несли это в знак признания или извинений, или с каким-то другим подтекстом. Все одно – это было замыслено только в радость.

Но мужичок с букетом проследовал в следующий двор и пошел себе дальше. Двориков этих маленьких было аж пять. И она не пошла за ним. Стыдно было подсматривать. Но она

вдруг поняла, что эти цветы, хоть и проплыли величаво мимо нее, но оставили в ней такое сильное впечатление радости, брызгами причастности к чему-то цельному, надежному, которое всенепременно взглянет синевою васильковой и окрасит осенние печали и будни.

И еще она подумала, что такое может случиться с ней даже в таком привычном и скучном месте, как тертый её дворик с ненужными никому гранитными столбиками. О которые она раньше только шишки набивала.

И еще ее почему-то покорила странность происходящего. Рядом не было ни одного цветочного магазина, а в той стороне, откуда шагал посыльный, там их вообще и быть не могло. Холодная музейная зона. И это открытие обнаружило в ней тревожное предчувствие. Тревожное и радостное, как обещание, которое обязательно исполнят.

*Пье-де-пульная тетрадь,
2 ноября 2020*

Победитель

Иногда по ночам он вырывал ее из сна громким международным звонком.

Звонил по старинке на стационарный телефон и говорил долго и эмоционально часами.

Она рада была слышать милую его картавость, знакомую еще с молодых лет.

Картавость, незащитность исходившая от нее, вздергивали ее внимание к текстам, которые он произносил. И они были знакомы ей, и даже привычны.

Очередная жена, развод, потеря из-за этого квартиры и главное – инструмента, очередного пианино. Ни одной из жен пианино не было нужно, но флаг вредности они держали крепко, и обирали его, что называется, до рояля. Да, первой жене достался роскошный его рояль, купленный по дешевке и по случаю в каком-то Доме Культуры.

Он так и переехал к нему в дом, с грязной клубной сцены – на натертый паркет его гостиной. Рояль стал его рабочим инструментом, потому что Александр был композитором с профессиональным консерваторским образованием, и подающий надежды.

Но надежды им подавались очень долго, и поэтому жены уставали ждать его сочинения и возможных гонораров за

него. И они его выгоняли. И оставляли рояли и пианино себе, как компенсацию за недоимки с самозванца от музыки.

Она одна знала, что после потери, в очередной раз, жены, дома и инструмента, Александр, в одиночестве и горе, писал свои коротенькие шедевры. Она была его первым и единственным слушателем, потому что в перерывах между семейными дрызгами он жил у неё. Спал на узком кожаном офисном диване и часами просиживал за «Рёниш», пианино этого уже нет, как и страны, которая его производила.

Они могли подолгу сидеть на кухне и попивать водочку из тяжелых хрустальных стопочек. А на закуску он всегда любил горячий суп с нежными фрикадельками. И пока он жил у нее, суп этот стоял постоянно в кастрюле с торчащим половником.

Но он не был любителем поесть или много выпить. И то и другое было ему неинтересно.

Он ел и пил только в перерывах. Всегда нехотя отрывался от клавиатуры. Но если они садились вечером за супчик, он поведывал странную свою обиду на последнюю из жен, и все спрашивал: «Ну зачем ей инструмент? Мой! Он – мой. Я без него не могу...».

А она терпеливо пыталась внедрить в его голову мысль о том, что пианино остается в доме, залогом на его, Александра, возвращение.

Они так подолгу говорили на кухне, потом он шел на свой диван, а она – к себе. Так они дружили. Но никто, конечно,

не верил в эту дружбу. И были, возможно, правы.

Она всё-таки чуток была влюблена в его эпатажность, в его умение носить длинное черное пальто, и смокинг с концертной бабочкой.

Его картавость выдавала в нем некую нерусскость. А уж то, что вся комната его и диван были завалены нотными листами, с непонятными на них знаками, только прибавляло в ней тайного восхищения к недостижаемому для нее человеку.

Но однажды все изменилось. Его сочинение заметили, он был приглашен на студию звукозаписи и на киностудию. И случилось так, что женился на иностранке и жил уже постоянно за рубежом.

Иногда звонил не очень трезвым и рассказывал какой у него дом – он построил. И наконец, опять у него рояль. Красный красавец. Он даже грозился прислать фотографию.

Жена у него была на этот раз китаянка или кореянка. Но о ней он говорил мало.

Сообщил только, что родила она ему дочку.

И все, пропал на много лет.

А потом вдруг – ночной международный. И опять:

– Как ты была права. Ты меня предупреждала. Ушел я.

– А рояль? – без всякого интереса спросила она, потому что знала дословно ответ.

– Рояль – у нее. В доме. Мне некуда его поставить..., – признался он с горечью.

И грозился приехать, и просил разрешения у нее пожить.

Она разрешила. И подумала, что надо пригласить настройщика.

Ей было очень жалко бездомного музыканта Александра. Но еще больше ей было жалко красный рояль, который некуда было поставить.

И нельзя было ему это объяснить. Она вздохнула и набрала телефон настройщика. Открыв крышку своего пианино и подмигнула ему:

– Дружок твой приедет. Готовься. И начнется наша настоящая жизнь.

Она-то знала о настоящей жизни всё. Понимала о ней крайние лучшие проявления. Это когда ты у себя дома, все дела делаются под звуки живой, совсем живой, новорожденной, можно сказать, музыки.

И вся серость из жизни уходит, а остаются беседы по вечерам, за столом. И дышит на нем горячий суп.

Последний звонок его был спустя год. Он звонил и долго, и увлеченно рассказывал о новой своей музыке и о Музе к ней.

Он женился в очередной раз. И все бы было ничего, но убила ее мимоходная информация, что он был в их городе на Новый год, но до нее так и не дошёл.

Она и это ему простила. Все победила приятная его картавость.

Пье-де- нульная тетрадь,

3 ноября 2020

Звуки

Она долго не могла понять, чего не хватает ей в этом старинном особняке в центре города, куда она перебралась за огромную доплату из блочной многоэтажки.

А когда поняла, то сильно удивилась.

Ей не хватало в новом жилье ее звуков. Да, звуков, которые она, прислушавшись, не замечала, и которых вдруг так заметно ей стало не хватать в толстостенном новом ее жилище.

Все звуки жизни не приживались здесь, а стеклопакеты уберегали слух и от возможного шума с улицы. Была в комнатах какая-то неживая, тревожная тишина.

На кухне не слышно было слегка скрипуче-напряженного гула лифта. Который всегда, предупреждая, оповещал её о возможном госте. Желанном, или не очень.

Всегда было ей хорошо слышно, когда лифт останавливался на ее этаже, а он был последним, разъезжались как-то по-музыкальному его двери. А дальше она слышала шаги. И по ним узнавала, что кто-то удостоил её визитом. На площадке была всего одна квартира.

И теперь, сидя в бездонной тишине нового своего жилища, она понимала, что ей не хватает приглушенного хода лифтовой кабины, которая каждый раз сулила невнятную на-

жду – а вдруг?

Но «вдруг» не случилось несколько лет, и она, наконец, решила на смену дома, смену адреса.

Засесть себе в основательном доме со стенами, как в крепости, и попросить у этих стен защиты от ненужных надежд, на возвращение в мир, который она почему-то потеряла. Но ей удобнее было думать, что это мир потерял её. И пусть теперь ищет ее, единственную и неповторимую.

Но мир не заметил ее отсутствия в нем, а отнесся к её уходу в никуда легкомысленно и поселил ее в новый дом с нерожденными еще в нем привычками. И она послушно согласилась и стала жить в новой этой беззвучной жизни.

Во всем здесь была изоляция. На калитке – код, на воротах – тоже, а уж в парадную – аж три, и еще один ригельный замок, чтобы никто лишней не вошел, ключи имелись только у счастливых жильцов.

У всех на площадке были тяжелые металлические двери, какого-то блиндажного вида, и за ними – тишина, как будто никто и не жил за этими хмурыми дверьми.

Она открывала часто у себя окно настежь и вбирала тогда слышимые звуки, ее радовали даже зловещие крики ворон. Дети природы.

Но ничто ей не могло заменить любимый гул поднимающейся кабины лифта. Без него невозможно было даже уснуть. У себя на старой квартире, она легко засыпала, когда слышала, как из поднявшегося лифта выходил ее сосед, так-

сист. И тогда можно было уже засыпать спокойно. Все как бы были дома.

Она никому даже не рассказывала об этой странной привязанности ко звукам прежнего жилья.

Ее бы не поняли и приписали бы вычурную оригинальность – и желание повыпендриваться.

Поэтому она стала вслушиваться в этот новый дом, чтобы обнаружить в нем свой звук, его струну, которая приручит и, как пропуск, предъявит через звук этой струны свою уютность и надежность.

Для начала она сменила звонок, ввинтила в дверь странную ручку, которой нужно было стучать. Правда, это была стилизация под старину, но ей нравилось. Громкий резкий звук звонка ее пугал и тревожил.

Но и к деликатному стуку этой дверной ручки она не могла привыкнуть. Она ее плохо слышала, а может, ею пока не пользовались. Гостей она не ждала.

Утром она выходила на кухню, варила себе кофе и при варке включала над плитой вытяжку. Она тоже гудела, но никаких надежд не внушала, а очищала воздух, который и так был прозрачным и свежим. Только аромат кофе трубил в нем, и она выключала вытяжку. Она убивала атмосферу, к уюту которой так стремилась она.

Из звуков – еще урчал холодильник, но он скорее мурлыкал котом. И напоминал прошлый дом.

И опять – тишина. В которой она не успокаивалась, а как-

то тревожилось и очень хотелось сбежать от нее.

И зачем только она заменила высокие рамы со старинными изысканными шпингалетами на этот гнусный ширпотреб стеклопакетов?

Ей вспомнилось, как мастер, который вырывал эти рамы из стены, достал пожелтевшие старые газеты прошлого века, которыми кто-то заботливо затыкал щели. Она даже хотела сохранить эти странички, но они разом рассыпались в ее руках. В прах. И дребезжащие рамы были вынесены из дома безжалостно.

И теперь сияют фрамуги чистыми стеклами в пластмассовой белизне и гасят своей двойственной сущностью все живые звуки улицы и вообще любой жизни.

Ей вдруг невыносимо захотелось туда, в старые свои новостройки, к чирикающим воробьям, знавшим ее в лицо, к дружбану-лифту, к соседям, которых было всегда слышно, и это давало, пусть и ложное, но нужное представление о том, что ты в курсе всего происходящего, что – вот они, рядом, и снизу, и сверху, и сбоку – люди. Знакомые и добрые, и не добрые, но их присутствие озвучивало ее жизнь, и иллюзия причастности была тем подспорьем, которое поддерживало, ободряло и призывало к участию. Деликатному и малозаметному. Но это было-таки дополнительным смыслом и краской в её обыденной и скудной жизни.

А в новом доме тишина изъела всё это разом, и с каким-то подвохом. И что ей было делать – она еще не придумала, и

старалась не утонуть и не пропасть в глубокой этой тишине.

Она открыла, на полную разрешаемость, фрамугу, вдохнула, но свежесть утра не спешила наполнять пространство комнаты, как будто пренебрегала узким подлым доступом в этом пластике.

И вдруг она вздрогнула, неожиданно в дом влетел новый звук. Он был знакомым, но каким-то забытым. Потом еще и еще. Громче.

И пошел звон колокольный по всей улице, всплывая в ее дом – и тут же наполняя его бодростью, восхищением, восторгом.

Колокола гремели на маленькой церквушке, малоприметной, стоявшей в начале улочки. Она видела ее, но ей показалось, что она закрыта, да она и тут же забыла о ней.

Переезд ведь – дело хлопотное. И вот она, маленькая эта храмовинка, оглушила ее дом, ее саму новыми звуками, впечатления от этого были невероятно сильными.

Она увидела, как мигом в офисном здании напротив разом захлопнулись все окна. И она пошире открыла свое. Это было то, что сулил ей робко лифт в потертых новостройках. Это был звучный смысл всех ее поисков. Она поняла, что все ее призрачные надежды обретают вдруг силу, стать и смыслы. Перед которыми все ее обиды казались пустяшными и серыми.

Колокола все гремели, бодро и звонко, а она стояла и улыбалась этой новой озвучке своей какой-то новой жизни и но-

вой установке в ней.

Она пошла быстро-быстро к вешалке в коридоре, ловким движением надела шляпу, чтобы, войдя в комнату со звонами, почтительно снять её и успокоиться.

Пье-де-пульная тетрадь,

8 ноября 2020

Высота

Как только Володя видел машину этого человека, у него портилось настроение навсегда. Портилось до такой степени, что он, едва закончив смену, шел в ближайший бар и напивался.

«Что, опять он?» – с пониманием спрашивал бармен.

«Опять», – Вовка ронял обиженную свою голову на стойку. И говорил мутным голосом: «Глаза бы мои не видели».

Дома его встречал тот же вопрос, но уже от жены: «Что, опять приезжал?»

Вовка зло и молча стаскивал с себя штаны и шел в ванную принимать душ, чтобы смыть с себя раздражительность и злобу на весь белый свет. И еще зависть. Острую зависть, возмутительную, поскольку Володя считал себя хорошим человеком, но тут – этот клиент, с его визитками, разворачивал так неожиданно Вовку к себе другой стороной. И она Вовке была очень неприятна. Открытие в себе такой недоброжелательности к постороннему мужику было неприятным. Поэтому и шел он в бар, и напивался. И все потом, по медленной дороге домой, донимал себя возможными разъяснениями этой своей нелюбови странной и взыскательной к этому мужику.

Он приезжал довольно часто в их автосервис, и на разных

машинах. Похоже у него была машина на каждый день недели. Но это бы ладно. Вовка повидал многих богачей – и на «Бентли», и на «Феррари», и прочим, недоступным его доходам, машинах. Его это задевало, но чуть утешал себя, что у него – тоже машина хорошего класса.

Но этот мужик своим появлением разрушил все представления о людях вообще.

Меняя машины каждый раз, он приезжал с любимой собакой в этой самой машине.

Это был боксер с сопливой и мокрой мордой. Он сидел в салоне, в ожидании хозяина и, ничуть не стесняясь и не боясь, грыз кожаные сиденья. Жадно так и торопливо, все объедал кожаную начинку салона.

Впервые увидев это, Володя побежал к хозяину, который беседовал с хозяином автосервиса, и запыхавшимся от возмущения голосом сообщил о шkode, которую совершает пес.

«А! Ему можно», – только и сказал мужик. – «Это он скушает».

И стал дальше беседовать.

А Вовка вернулся к машине и стал копаться под капотом, стараясь не заглядывать в салон авто, где доедала обивку тупая собака. Собственно, какое ему дело до чужой машины, до чужой собаки? Но, оказывается, ему было дело. И какое.

Хозяин «Бентли» и собаки уже давно уехали, а Вовка все не мог успокоиться. Его почему-то сильно огорчила эта вседозвонимость и вседозволенность какой-то слюнявой соба-

ки, которая изгрызла всю красоту салона, да еще ей за это не влетело, а – наоборот, когда вернулся хозяин к машине, этот пес бросился к лицу, облизал его, а мужик ласково погладил его меж острых ушей. И так они, почти обнявшись, уехали.

Это было непостижимо для Вовки. Здесь его задело не столько богатство обладателя дорогой машины, сколько то, что он никак не дорожил этим своим сокровищем.

Собака его радовала заметно больше.

И это было непостижимо.

Но дальше стало еще гаже у Вовки на душе, когда он заметил, что все салоны каждой машины этого мужика были изорваны вклучь его собакою, а хозяина это ничуть не смущало. Каждый раз он, открывая машину, садясь в нее, нежно теребил псину по голове, ласкал его.

Пытаясь обсудить эту тему с другом барменом, он услышал: «У богатых свои причуды».

Но Вовку это никак не успокоило. Он понимал, что это не просто причуда богатенького мужичка, а состояние человека, свободного как раз от самого понятия о богатстве.

Вовка понимал об этом мужичке нечто такое, что он – сам по себе, существует только собака и любовь к ней, а машины всякие – это пустяки.

Вовка стал присматриваться к этому непонятному ему человеку. Да, богат, очень богат. И одежда, и перстень с печаткой дорогой. И походка у него, при его заметной сутуло-

сти, все равно взрывала взгляд легкостью и свободой. И эта свобода, невозможность подражаемости ей, озлобили Вовку очень.

Похоже, этот мужичок знал что-то такое, чего не сможет узнать и постигнуть сам Вовка. Он знал, что даже будь у него несколько машин, он никогда не впустил бы туда собаку. Что собаку, он сам бы долго и тщательно вытирал ноги, прежде чем сесть в салон. И Вовке это вдруг показалось таким неприятным открытием, что но постарался забыть и мужика, и его псину. И он пошел к другу бармену, где, в который раз, поведал эту возмутительную историю.

«Я бы грохнул эту собаку. Грохнул», – говорил он бармену.

«Собака здесь ни при чем», – возражал бармен. – «Это человек такой...».

«Какой, какой-такой?» – допытывался Вовка.

Но друг бармен не отвечал, молчал со скрытой какой-то завистью – то ли к собаке этой, то ли к ее хозяину.

А эти незабываемые двое катили себе по загородному шоссе, один – слушал песни известного барда, а пес – спал, развалясь во всю свою рыжую фигуру на заднем сиденье, положив остроухую морду на небрежно брошенную туда же хозяйскую косуху. И даже сквозь хриплый голос барда и гул мотора было слышно, как сладко храпит пес.

*Пье-де-пульная тетрадь,
8 ноября 2020*

Реакция

У нее была странная реакция на страх. Она сразу засыпала. Быстро и со вкусом. И пока вокруг проявлялась хоть какая-то опасность, она крепко и безответно спала. Вот такой защитой одарила ее жизнь, хотя это и выглядело как обморок и тоже пугало окружающих, самой Алене это в себе нравилось. Она хорошо знала – при пугающей опасности она спасется сном.

Все было бы ничего, но когда Алена вышла замуж и забеременела, она стала тревожиться о защитной своей привычке засыпать. Она поделилась своими опасениями с врачом, но та только улыбнулась:

«Забудьте, ничего с вами такого не будет теперь. Родишь – пройдет. Сбежит ваш сон».

Но Алена ей не поверила. И правильно сделала. Потому что, в нужные сроки она, садясь в машину, тут же и уснула, ее так и внесли, спящую от страха, в палату. Пытались разбудить, удалось ненадолго, но только на минутку – открыла глаза, услышала крик ребенка, тут же уснула, крепко и сладко, с чувством исполненного долга.

Медперсонал был в полном недоумении от такой необычной пациентки, и ее поскорее отправили домой, посоветовавшись между собой.

Алена оказалась дома с постоянно орущим своим сынком. И хоть ей было страшно за него постоянно, она не могла уснуть. Она все вслушивалась в дыхание и сопение сынишки, носилась с кухни в комнату, из комнаты в ванную, и так – весь день. Страхи привычные оставили ее, но появились новые, исключительно связанные с малышом, и это был не столько страх, сколько постоянное бдение.

Алена рассорилась со всеми домашними, ей казалось, что все они, сговорившись, делают все не так. Не так кормят, не так одевают, не так гуляют.

Ее привычная реакция, отключкой на любой испуг сном, превратилась в готовность оградить, предупредить, вовремя увидеть опасность. Бдения ее теперь не прекращались ни на минуту, и теперь Алена мечтала поспать чуток, но не получалось, от тревог за кроху.

Она пожаловалась врачу на постоянный недосып. Та объяснила ей, что это нормально – тревожиться и не спать. Алена рассказала ей о своей способности засыпать при сильном страхе. Та выслушала её и сказала:

– Теперь у вас другой страх. Не за себя. Поэтому и реакция другая – не спится.

Такое примитивное объяснение совсем не устроило Алену.

– И что же делать мне? – спросила она.

– Доверьтесь ребенку. Он сам даст знать о своих нуждах. И отдыхайте.

Алена ехала домой от врача. Ехала осторожно, медленно. Она всматривалась в проезжающие машины и ненавидела каждую из них. Потому что они урчали, рычали, издавали звуки, которые могли разбудить ее сокровище в голубой корзинке, накрепко закрепленной к сиденью.

Алене повсюду чувствовалась угроза. Она остановила машину на ближайшей стоянке и, закрыв машину, взяла сына из корзины на руки, пошла по бульвару. Она шла и думала о том, как хорошо, что человечество придумало бульвары, где были деревья и птицы на них. И не было никакой угрозы.

Когда она подошла к дому, встретила мужа, который выхватил у нее сверток с ребенком – да так резко, и заорал:

– Ты где была? Где машина? Что с телефоном?

Эхо дворика-колодца усилило его голос в разы.

Он что-то кричал, возмущенный, но Алена его не слышала. Она, как только у нее выхватили упакованного надежно ребенка – и выхватили так неожиданно и с ором – она сильно испугалась. И тут же отключилась. Уснула. Хорошо, что рядом была тутошняя скамейка, и старухи, которые вольно сидели на ней, успели подвинуться, давая место обморочной мамаше. Потом догадались уступить краешек скамьи еще и взволнованному мужу.

– Что это с ней? Скорую вызвать, – закудахтали бабуси.

– Нет. Она спит.

Бабули пожали плечами и пошли на другую лавочку.

– Ну и мамыши нонче пошли.

– На ходу спят.

И они остались очень недовольны Аленой.

А муж терпеливо устроил голову жены у себя на плече, прижал одеяльный конверт с сыном к себе и радовался за жену – наконец-то уснула. Он пока не понимал, почему так внезапно впала в сон Алена, но на всякий случай анализируя ситуацию и зная все о своей Алене, он на всякий случай решил на нее не кричать. И не спрашивать о машине так громко.

Алена пошевелилась вдруг, проснулась и, забрав сынишку в свои объятия, сказала обыкновенно:

– Машина на стоянке. И телефон там, – она сунула в руку мужа ключи.

И прижав сына к себе, пошла в дом, не оглядываясь.

Все, о чем она тревожилась, было рядом – и она старательно смотрела под ноги, чтобы не промахнуться со ступенькой.

И не испугаться опять.

Пье-де-пульта тетрадь,

9 ноября 2020

Чей француз?

Он шел сотканный весь из роскоши – роскошное загоревшее тело, упакованное в белые шорты и такую же футболку. Пшеничные и пушистые роскошные усы выхватили его из толпы туристов разноцветных и предъявили ее взгляду – крепкого, ладного, по-европейски свободного. Нинон даже приостановилась, побоявшись, что он пройдет мимо быстрым своим уверенным шагом, и она не успеет разглядеть ее, такую редкую мужскую красоту.

Он прошел мимо, конечно же, совсем не заметив Нинон, и остановился на переходе. Горел красный, и будет гореть целую минуту. Нинон пристроилась за широкой спиной мужчины, в его коротенькую и кривоватую тень, в бейсболке. Было жарко, и Нинон, попав в тень от этого мужчины, сразу почувствовала привлекательную прохладу. Нинон разглядывала его чуть сбоку, он был так рядом, что ей захотелось потрогать этот светло-пшеничный ус, расчесанный и тщательно уложенный таким кокетливым завитком кверху.

Мужчина был прост и элегантен. Белые шорты на нем были умеренной длины, футболка слепила белизной.

«Интересно, откуда он?» – думалось лениво Нинон. – «Скорее всего, поляк или чех, а может прибалт. Нет, конечно же славянин. И поляк».

«Очень красив...», – еще раз восхитилась она.

Но зажегся зеленый, и он пошел степенно по зебре. Нинон – за ним. Она не могла бы объяснить, что такого притягательного нашла она в этом чужаке. Эта притягательность называлась свободой передвижения. Этот человек шел, поверх всех смотрел, будто видел что-то такое, недоступное толпе обывателей. Смотрел независимо и сквозь.

Нина прибавила шаг, вышла из тени мужчины и перешла улицу раньше его, чтобы развернуться к нему и рассмотреть поближе его лицо. И лучше бы она этого не делала.

Светлые два глаза мужчины смотрели на нее рассеянно и отстраненно. Лицо его показалось ей красивым, роскошным, но равнодушным ко всему в этом мире.

Он все выискивал взглядом, перебирал лица людей вдали. Нинон он, конечно же, не увидел совсем. Она даже обиделась. Но он и этого не увидел, конечно же. Все, казалось, кого-то выглядывал.

– Где у вас тут атланты? – дернул кто-то ее за рукав.

Она оглянулась, увидела заштатного обшарпанного туриста.

– Атланты где? – уже требовал турист ответа.

Пока Нинон объясняла про атлантов, мужчина в усах успел уйти достаточно далеко. Его крепкая длинноногая фигура маячила у следующего перехода.

Нинон, конечно же, помчалась за ним. Просто так, без всякой надежды. Он, этот человек, радовал ее уставший от

всякой обыденности глаз. И все. Конечно же, никаких надежд, что появление такой красоты возможно в её, Нинон, жизни.

«И всё-таки – кто он, и откуда?» – глядя на его широкую спину, думала она.

И тут роскошный мужчина поднял руки вверх, приветствуя кого-то и рванул через дорогу, не дожидаясь зеленого свет.

Нинон увидела на той стороне женщину и девочку лет десяти. Женщина была несколько уставшего вида, держала большую сумку и вяло улыбнулась рванувшему к ней красавцу.

Он обнял разом и женщину, и девочку. Просто сгреб их в свои сильные руки. И они уже вместе пошли в сторону этих самых атлантов, куда все туристы так стремились. По объятиям и тесноте, в которой шли они, Нинон поняла, что это, конечно же, жена его и дочка.

Она не удержала своего любопытства и приблизилась к ним на возможное расстояние.

Семья говорила по-французски. Нинон не угадала. Он был французом. И еще она была в недоумении от облика его жены. Тоже мне, француженка – мятая вся какая-то, без красок – серая мышь.

Нинон глубоко выдохнула весь из себя воздух и перешла на другую сторону улицы, чтобы не видеть эту облезлую женщину рядом с предметом её влюбленности, пусть и случай-

ной – незнакомца.

Нинон еще раз оглянулась на семью, туристическим шагом идущую по туристическому маршруту, а ее, Нинон, адресу – то есть месту жительства. Они уходили, и Нинон вдруг показалось, как она видит, что загнутые кончики его роскошных усов опустились слегка, поблекли.

Она пошла к себе домой и думала: «А если бы». Если бы этот роскошный француз был рядом с ней, то усы у него не ронялись бы никогда при встрече с ней.

Она бы всегда была в форме. Но честно думалось ей еще о том, что тень тогда от этого француза казалась приятной и прохладной. Но при воспоминании о ней теперь Нинон вздохнула, будто тень эта в бейсболке там, на переходе, была ледяной.

*Пье-де-пульная тетрадь,
9 ноября 2020*

Ремонт

Чтобы любить ремонт – нужно быть оригиналом. Большим и редко повторимым. Татьяна и была такой. Дело, наверное, было в проблемном детстве, жили они в маленькой квартирке, где отец семейства, чтобы как-то увеличить неучтенные квадратные метры, все надстраивал палаты и антресоли таких размеров, где можно было лечь, поспать, как в вагоне поезда. У Татьяны было любимое место на палатах, из вкусно пахнущих свежих досок над окном, откуда хорошо был виден просторный двор, и легко читались события, случавшиеся там. Татьяна любила подолгу глазеть в эту прорезь в большой и немного тревоживший её мир.

Она подолгу лежала на этой верхотуре, потолки были высоченные, и была у нее возможность несколько свысока смотреть на родичей, пивших чай где-то глубоко внизу. Родичей было много, они были повсюду, и Татьяна, при первой возможности, сбегала от их суетных разговоров к себе на верхотуру, с книжкой или с учебником. Она и уроки наловчилась делать в своем «пенале», как насмешливо называл эти палаты отец.

Сколько она помнит, отец всегда или что-нибудь строгал, красил, стучал молотком. И в квартирке их крошечной стойко держались запахи большого вечного ремонта или строй-

ки.

Татьяне это вовсе не мешало, а наоборот – призывало ее к какому-то созиданию, к движению в нем, в этой жизни, в нужную сторону.

Не стало отца, и жизнь сразу окрасилась в прочные тона и полутона неустроенности.

И Татьяна первая сбежала. Правда, ей было немного жалко своей антресоли, она скучала по привычному виду из окна. Но тянуло к новому. И она сдалась охотно этому зову будущей своей жизни.

Дальше все было скучно и банально. Институт, замужество, развод, опять замужество и снова развод. Она, наконец, устала от этого однообразия жизненного, и однажды, после очередного развода, чтобы не впасть в уныние, вызвала ремонтников. И началась у Татьяны другая жизнь. Она поначалу оказалась совсем несозидательной, а разрушительной. Ремонтники вначале выломали все двери в комнатах, потом попытались сделать то же самое и с окнами. Слава Богу, Татьяна пришла в себя и остановила их в неумелой прыти.

Ремонтники исчезли, а Татьяна села на опрокинутое ведро посреди комнаты и заплакала от очевидной разрухи.

Ремонтники оставили после себя запах краски, старого дерева и ужаса, что это – навсегда.

Татьяна поплакала немного, а потом пришла к спокойной прекрасной мысли – надо все делать самой.

И она взялась за ремонт. И больше не отпускала его от се-

бя. Сама все закупала, подбирала. Даже верстачок себе приобрела небольшой. Одна маленькая комнатка превратилась в склад строительных материалов. И в доме Татьяны вновь поселился звук и аромат большой стройки.

Ремонт никогда не кончался, и это только радовало Татьяну. Любой свой промах или ненужную лень, и нежелание участвовать в ненужном мероприятии, она объясняла просто: «Ох! Ремонт! Простите, некогда».

Иногда, на вопрос когонибудь из свободных мужчин «не надо ли помочь?» она отвечала всегда «да». Это был тест на настоящность этого мужчины. Обычно большинство из них сразу исчезали после призыва поработать на импровизационном субботнике.

Но Татьяна не огорчалась вовсе, а наоборот – радовалась своей свободе, своему ремонту, и вовсе не собиралась его заканчивать.

Но её праздник неожиданно закончился приходом участкового. Его сопровождали соседи снизу.

– Вот! На вас жалоба...

И Татьяна вдруг впервые услышала, как ее ненавидит соседка, которую достал и мешает жить «запах краски и дров». Она так и сказала об элегантных досках, которые доставили вчера Татьяне из ремонтного магазина.

– И стучит, и стучит. И строгает. И так воняет. Весь дом в ее ремонте.

Участковый взял с Татьяны слово, что она поскорее за-

кончит свой ремонт, и ушел.

Соседка сбежала вниз, грохнув сильно дверь своей квартиры.

Татьяну сильно огорчило вторжение в ее личную жизнь. Она, естественно, считала, что ремонт на всю жизнь – это ее личное дело, её пространство. И в него, это пространство, никак не вписывалась ни соседка, ни участковый.

Татьяна погрузилась в невеселые свои раздумья. С Ремонтом расставаться не хотелось, она с ним сроднилась, ужилась, как с родственником.

Конечно, от ремонта настоящего осталась одна видимость его. Нужно было только выбросить мусор строительный, банки с засохшей краской, да полы намыть. И живи себе. Но такая жизнь казалась Татьяне скучной и непосильной от этого.

Она залезла на любимые свои палаты. Они были совсем не такие, как у отца, тогда, в детстве.

Вид из окна был скудный. Одни гаражи для машин. Пузатые автомобили, такие же пузатые их хозяева. На них было смотреть муторно.

Татьяна окинула весь свой дом строгим взглядом рассерженной хозяйки.

Но что-то нужно было делать. Решение пришло быстро и решительно.

Она решила переключиться на уборку своего жилья. Это тоже можно превратить в нескончаемый процесс.

Чтобы убрать здесь как полагается – нужно очень много потрудиться. Чтобы осмысленно убрать всё, повесить занавески, привести в порядок дубовый почерневший паркет, нужно много времени.

И за этот срок уборки и созидания прилежной жизни она так устанет, что пора будет опять начать ремонт.

Не спрашивая разрешения ни у соседки, ни у участкового. Она решительно взяла огромный мешок для мусора и стала туда бросать банки от засохшей краски. Она прибирала свой дом и думала о том, что, пожалуй, эта работа будет труднее любого ремонта.

К вечеру она взялась за дрель, чтобы повесить шторы. Но тут вспомнила о соседке, которая так же яростно отреагирует на звук дрели, отложила дрель в сторону и забралась на свои палаты.

Она вдруг догадалась, почему так была привязана к процессу ремонта в доме. Это была тоска об отце, о доме, где не только пахло свежей стружкой, но свежим хлебом. Он всегда был в доме свежий, потому что большая семья съедала всё до крошки. И от этого была шумной и веселой. И никому никогда не было дела до её наивных размышлений, где она, лежа на своих досках на верхотуре, чувствовала себя свободным человеком. Ей не досаждали мелочами и нытьем.

Все были сыты и довольны после ужина.

А отец смотрел на их щербатый потолок и, вздыхая, мечтательно говорил:

«Ох! Ремонт бы сделать».

Мать вздыхала в унисон с отцом и каждый раз отвечала:

«Может, летом...».

Они обнимались и хохотали, глядя на щербину в потолке, оба понимали, что ремонт им просто не по деньгам.

Но отец разводил немножко штукатурки в ведре и заделывал трещину. Он работал на высоте палаты, где лежала с очередной книжкой Татьяна, смотрел на нее, улыбаясь, и ласково подмигивал.

Обо всем этом вспомнилось Татьяне. И она не стала вешать никаких штор, а продолжит потихоньку свой ремонт. Только инкогнито.

Повеселев, Татьяна взяла два мешка с мусором и прошла мимо дверей соседки пешком до баков во дворе.

Она видела, как соседка смотрит на нее в окно. Она даже видела улыбку на ее лице победителя.

Татьяна пришла домой и тут же вызвала бригаду ремонтников.

Это была ее жизнь. И победителем в ней могла быть только она.

Пье-де-пульная тетрадь,

9 ноября 2020

Всего-то

Дожив почти до сорока лет, она заметила вдруг, что не встретила ни одного доброго, искреннего человека. Хоть и жила она в большом городе и работала в крупной многолюдной фирме, в её жизни оказалось сильно отсутствие внимания, заинтересованных вопросов к ней о жизни. Она их очень ждала, участия кого-то в своем проблемном и тяготном бытии.

Но никто не стремился к общению, все дружили и доверяли свои секреты исключительно телефону или интернету.

Все искали безопасные лазейки, чтобы не глаза в глаза, а одним глазом в смартфон, и слушали её вполуха, и не задерживали на ней своего драгоценного внимания.

Она со стороны не виделась другими. Вот как бы ее и нет. Отдавали распоряжения, передавали бумаги какие-то, тексты и другую мертвую информацию. Иногда говорили «спасибо», но это не адресовалось ей, Лиде, а повисало безадресно в охлажденной кондишеном воздухе офиса.

Лида пыталась сблизиться с кем-нибудь, но поняла, что не видят её вне работы. Ну, нет её. И она вдруг решилась.

Раз не встретила никого из добрейших и искренних, и понимающих – сама такой стану. И меня кто-то встретит, кто ищет настоящего в этом мире.

Лида стала размышлять и представлять себе, как он должна измениться, чтобы её присутствие было кому-то в радость. Она обратилась с упреком к своему поведению. Вспомнила, как вчера нагрубила уборщице и даже пнула её ведро с водой. И вода расплескалась в лужу, а уборщица смиренно и молча стала собирать лужу шваброй.

Лида даже не извинилась, потому что опаздывала, а впрочем не извинилась бы в любом случае. Не было такой привычки извиниться перед обслуживающим персоналом.

Потом она вспомнила, как всегда толкается по утрам, входя и выходя из метро, как старается, чуть дыша от брезгливости, к этому многоголовую, работает, грубо довольно, локтями, чтобы выбраться скорее на волю, на воздух.

Упрекнула она себя и за редкие визиты к маме и брату. Как-то не тянуло ее туда. Они жили давно отдельно, и Лида как-то привыкла к этой вольготности. Она даже избегала видео-связи, потому что ей было неприятно видеть родные лица, искаженные призрачным эфиром.

Все эти свои недостатки Лидия честно признала, и перед сном, почти счастливая, дала себе слово – попробовать по-другому прожить хотя бы завтрашний день. Довольная собой, Лида так отчаянно уснула, что утром просто проспала – впервые за последние лет десять.

Чтобы совсем не опоздать, она вызвала такси, и пока вызывала машину, летала по квартире, одеваясь в случайный гардероб, впервые не продумав к нему аксессуары, выбежала

из дому, чуть не сбив у лифта соседа. Хотела извиниться, но услышала в свой адрес «куда прешь?», нажала кнопку вниз. Уже хорошо, что не ответила ему грубо, а пролепетала нежным тембром: «Доброго утра». И улыбнулась.

Лифт увез её, а то бы она увидела растерянное лицо соседа.

И метро ей отменил ее крепкий сон, она ехала на такси, это была классная машина, она раньше не присутствовала в таких, и конечно, она ехала и внимательно рассматривала город, который, надо сказать, сильно изменился. Появились новые многоэтажные дома. Которые трудно было заметить из подземки.

Лида анализировала вчерашний свой обет по поводу достойного поведения и на всякий случай поблагодарила таксиста витьеватой длинной фразой.

Он молча рванул с места, не услышав ничего. Спешил, как всегда, к следующему заказу.

Но, несмотря на то, на невежливое равнодушие таксиста, она вдруг почувствовала, что от сказанных теплых слов, торопливо сказанных ею, ей стало весело, и она легко, без лифта, вбежала к себе на этаж.

Никто и не заметил маленькое ее отсутствие. Зря она волновалась.

Потек обыкновенный рабочий день. И Лида особо не вникала в рутинный бег его, пока не пришло время обеда. Она вышла на большую площадь перед офисом и пошла в кафе,

где она обычно скучно питалась. Площадь была густо заставлена машинами, Лида ручейком протекла между ними, чтобы сократить путь к точке своей общепита.

Внезапно, перед входом в кафе к ней подошла бабуся с белыми астрами.

– Купи, детка. С дачи вот, свеженькие.

И Лида, неожиданно для себя, купила астры. Благодарная бабуся пожелала ей:

– Здоровья, счастья, благого дня, – и ушла.

А Лида слушала её очень внимательно, и вдруг спросила сама себя. Что это такое с ней, и зачем она купила совсем ненужные ей цветы?

Но тут же, вспомнив благодарным светом вспыхнувшее лицо старухи, поняла разок, что все сделала правильно.

Поела она обыкновенно и невкусно, а, уходя, все равно улыбнулась официантке.

– Как вы легко ходите на таких высоченных каблуках.... Красиво.

Женщина просияла и ответила:

– Привычка. Цветы не забудьте свои, – напредила она.

Лида подхватила свои астры.

– Спасибо, все было вкусно, – соврала она, но почему-то ложь эта маленькая не была обременительной. А, наоборот, развеселила.

На входе на свой этаж она услышала:

– Какая роскошь! От кого? Тайный поклонник? – спроси-

ла ее амбициозная всегда Лера из соседнего отдела. Обычно она Лиде никакого внимания не уделяла.

Лида только хотела опять соврать, что да, от поклонника, и вовсе не тайного, но тут увидела вчерашнюю уборщицу, с тем же ведром и той же шваброй.

Внезапно для себя, она быстро подбежала к этой троице.

– Простите, не знаю вашего имени, – услышала Лида свой изменившийся уверенный голос.

– Возьмите, это – вам, – она протянула астры. – Извините меня за вчерашнее.

Она сунула цветы.

– Надя. Надя я, – робко ответила уборщица, уронив швабру и взяв в охапку цветы.

– Ну, вот, теперь знакомы. Я – Лида.

Она шла в свой кабинетик и думала о новом своем знакомстве. И какая-то невероятная радость распирала ее. Она включила ксерокс и легко стала исполнять работу, исполнение которой всё откладывала.

И еще она представила себе, как придет завтра на работу и когда встретит уборщицу, а она её обязательно встретит, она поздоровается приветливо «здравствуйте, Надя». Ей так захотелось, чтобы наступило это завтра, а с ним – и состояние в ней справедливой радости, что она уже готова была сейчас выбежать в коридор, чтобы сказать «здравствуйте, Надя». Всего-то.

Но тут зазвонил телефон. Звонила мать и намекнула Ли-

де, что в ее возрасте стыдно бегать в девицах, и еще, что у нее намечается выход в свет – так она называла пенсионерские свои посиделки, и нужно обновить гардероб и шляпу. На её жаркий призыв помочь ей, мать имела ввиду исключительно финансово, Лида не сдержалась и нагрубилась – так длинно и нескладно она объяснила, что никому не позволит учить себя личной жизни.

– Ты неисправима, – повторяла мать.

Вдруг Лида перешла на какой-то защитный крик:

– Я – исправима. Исправима! – и отключила телефон.

И вдруг, вместо обыкновенного чувства вины перед родительницей, она готова была выкрикнуть «ура-ура-ура». От чувства свободы от деспотии и присмотра матери. И ура!

– Кому «ура»?! – заглянул в кабинет водитель Митя.

– Мне – «ура», – ответила Лида и легко почему-то рассмеелась.

– Что? День удался? – поинтересовался водитель. – Может, домой подброшу – свободен?

– Ура! Ура! Едемте, Митенька, – засияла Лида.

И когда они ехали, Лидия почему-то смотрела в окно автомобиля и уже знала, что никогда больше не спустится в метро.

Пье-де-пульная тетрадь,

11 ноября 2020

ЭТЮД С КОТОМ

Она видела, как грабили ее дачу. Как вынимали стекло на веранде, и один из пары воришек забрался, довольно ловко, в покалеченную раму.

Вернее, дача была ее учителя, профессора. Она была уставшей аспиранткой, и профессор благородно повелел ей пожить до выходных у него на даче.

Вручил ключи и рукопись статьи, которую она должна загрузить в компьютер, с которым у профессора не сложились отношения.

Лене не спалось, и она вышла в ночной туман. Свет в доме был погашен, и это усыпило все воровские страхи и осторожности.

Она стояла в кустарнике шиповника во дворе, и ей было хорошо видно, как пара мужиков, посветив себе фонариком, стали осваиваться на веранде. Они настолько были уверены, что хозяина в доме нет, что открыли холодильник, вытащили оттуда бутылку водки и круг копченой колбасы.

И больше им ничего было и не нужно, они так же, через выбитую раму, покинули веранду, но не ушли, а присели прямо во дворе, за сколоченным из досок столиком. Стали выпивать и закусывать.

Лена боялась шевельнуться от необычности этого зрели-

ща.

Испугалась, а потом поняла, что два этих, немолодых уже, мужика вовсе не воры, а мирные выпивохи, которые, хоть и украли пару бутылок и колбасу, но Лена услышала, как один сказал:

– Всё, хватит. Он – мужик богатый, и не заметит.

Они мирно сидели за столиком под фонарями и беседовали. Густой туман опускался клочьями прямо во двор, валялся на траве и надежно прятал Ленку от нежелательных гостей. Хотя они заметили бы ее вряд ли, и без помощи тумана.

Они пили и сплетничали о каких-то своих рабочих делах.

Вдруг к ним из темноты, прямо на стол прыгнул котяра. Хвост – трубой, и тут же был приласкан и угощен колбасой. Лена увидела в освещенном от сигарет пятне, как один нежно гладит кота и услышала:

– Взял бы домой – так моя выгонит, вместе с этим котом.

– И моя не примет.

Они разом тяжело вздохнули и разом выпили.

Лене очень хотелось в дом, она вышла прогуляться в легком халатике и шлепках. От сырого тумана ноги начали мерзнуть.

– Нехилый домик, – равнодушно оценил один из них.

– Простаивает – редко приезжает. Он – врач, профессор, конечно при деньгах.

Машины в гараже нет – значит в городе.

Они поговорили еще о каких-то пустяках, допили и, приласкав кота, бесшумно ушли.

Только Лена хотела выйти из своей засады, как один из мужчин вернулся, и аккуратно и умело вставил раму на место.

– А то вдруг – воры, – сказал он товарищу, и они покинули двор, пройдя при этом настолько рядом с Ленкой, что она ярко учуяла и запах водки, и дух краковской, которую, между прочим, она купила для себя.

Но ей не жалко было этой колбасы, какое-то удивительно непривычное их поведение и отношение к тому, что они делали, оставило на Лену сильное, просто ударное впечатление.

Друзья ушли, кот исчез тоже. Лена слышала, как они долго и тщательно закрывали калитку.

Это их забота о чужом добре умилила и рассмешила Лену.

Вслушавшись, как в темноте удалялись голоса ночных гостей, она, пробежав по влажной тяжелой траве по тропинке к дому, забежала, закрыла дверь на все замки и так, не зажигая свет, смотрела в темное окно во двор.

Мужчины, конечно, не вернулись, а Лена утром встретила хозяина дачи, который приехал на выходные с семьей и друзьями. И на вопрос профессора «как спалось?» – улыбнулась, кивнула, мол, все хорошо, и не стала рассказывать о ночных воришках.

Она чувствовала почему-то себя их сообщницей. И её

невиновность трудно было доказать, ведь из кустов шиповника она спокойно могла позвонить в милицию. Но ведь почему-то не стала.

Она только намекнула профессору на плохо державшуюся на веранде раму. Тот только отмахнулся, самоуверенно сказал:

– Не полезут. Побоятся. Я здесь в авторитете, – и засмеялся.

«Ну, и хорошо», – подумала Лена. – «И пусть не знает».

А когда она уезжала домой, то за калиткой увидела ночного кота-пришельца. Он был худ и хром. И Лена, проходя мимо, сказала:

– Привет, сообщник!

Кот конспиративно шмыгнул в ближайшие кусты.

*Пье-де-пульная тетрадь,
11 ноября 2020*

Ажур!

Захар шел погруженный в свои глубокие философские мысли. Сильно обремененный и утрамбованный жизнью аж до талии, он редко улыбался. Ходил с умным и мрачным видом и иногда замечал, как на тротуаре обходят его люди, на всякий случай избегая его тяжелого взгляда. На всякий случай лучше обойти этот мрачняк. И никто из осторожных этих пешеходов и представить не мог, что Захар был парнем веселым, добрым и остроумным, и учился на курсах повышения квалификации. А квалификация у него была достойная – он был педагогом. Преподавал любой предмет в училище для неблагополучных детей, которые не освоили среднее образование. Бывшее ПТУ, по-современному – колледж.

Захар не любил детей, но для этих недолюбленных делал исключение. Он мог возглавить, объяснить любой урок, особо не отягощая знаниями своих подопечных.

И вот шел Захар на свои курсы повышения квалификации, и был совсем унылым и мрачным его взгляд. Как вдруг его глаза как будто споткнулись, Захар подпрыгнул от нечаянного испуга.

Его обогнала барышня, у которой под мышкой была отрубленная мужская голова. Глаза у головы были открыты,

рыжие волосы торчали во все стороны. Голова проплыла прямо мимо глаз Захара, и он с трудом не ойкнул. Так разжалобил его вид этой безжизненной головы.

Наверное, он все-таки издал невнятный какой-то возглас, потому что девица, которая несла под мышкой это чудище, рассмеялась, толкнула дружественно Захара и игриво спросила:

– Испугался? Это – манекен.

И, захохотав, пошла дальше по своим делам, неся бездушного манекена под живой своей подмышкой. И рыжие космы его проплывали мимо прохожих. Но никто не испугался этого болвана так, как Захар.

А он стоял на том месте, где его застало это происшествие и не мог сдвинуться с места.

То, что отделенная от туловища голова плыла между людей, и никто этого не то, что не пугался, а не замечал вообще. Всклоченная манекенская башка проплывала в толпе, плясая открытыми своими глазами на людей. Будто примерялась к каждому из них.

Захар пришел в себя, наконец, и вдруг быстро рванул следом за девицей с манекеном под мышкой. Надо сказать, что она, на своих длинных ногах, сильно преуспела – ушла далеко. Но Захар догнал ее и довольно грубо остановил.

Девица оглянулась и, конечно же, не узнала Захара. Весело смотрели на него четыре глаза, голубые живые и синих два – манекена.

Захару стало не по себе.

– Что? – коротко спросила его девица.

– Как вы можете. Вот так. Голова под мышкой. Как просто... нельзя так. Вы бы хоть завернули его...

– Слушай, ты... иди себе... Как мне удобно, так и несу.

– Нельзя так, – мямлил Захар. Он вдруг понял, что все его разумные рассуждения об эстетике здесь вовсе не подходят, и убедить эту смешливую девчонку, что нельзя с чужой головой, пусть даже и манекена, ходить по улице и пугать людей – невозможно.

Смешливые глаза девчонки рассматривали Захара. Его серьезный вид рассмешил ее еще больше. И вдруг она просто сказала:

– Помог бы лучше, знаешь какой он тяжелый, этот болван?

И она сунула свою ношу Захару. Тот, неожиданно не противясь, принял ношу. Сунул голову манекена к себе под мышку.

– Здесь недалеко. Вот спасибо вам, – защебетала девица и потащила Захара, взяв его тоже под руку. И Захар пошел рядом с этой голубоглазой красотой, как тот безмолвный болван, которого уже он нес. И не было в нем уже возмущения неэстетичностью зрелища – головы под мышкой, а была тихая горделивая радость, от того, что он идет рядом с такой красоткой, и на них оглядываются люди.

Он даже представить не мог, что оглядываться могут на

голову под его подмышкой.

Как легко и славно он познакомился с милой, такой простодушной девушкой. И так неожиданно всё.

И ему лучше бы не знать, что вечером новая его знакомая звонила подруге:

– Ну, ты молодец, подруга. С этим манекеном придумала. Да! И завтра, и послезавтра. Спасибо. Он – мой, познакомились. Полный ажур.

А Захар лежал дома на диване и размышлял о том, что пришлось ему сегодня подвинуться и уступить в своих эстетических запросах, но не очень страдал от этих потрясений в своем мировоззрении. Знакомство с такой хорошенькой барышней того стоило. Диалектика.

И Захар встал с дивана и пошел читать конспект по этой самой диалектике.

*Пье-де-пульная тетрадь,
12 ноября 2020*

Общение

Ночью в окно кто-то сильно постучал. И ничего в этом не виделось бы странного, но Ольга жила на последнем этаже, под самой крышей.

Но постучали ещё раз, и Ольга, чуть напуганная, подошла осторожно к окну и, спрятавшись за штору, пригляделась. Был ранний рассвет, и она увидела что-то большое, непонятной формы, болталось непонятно на чем. Видно, что на улице был сильный ветер, и Ольга не сразу поняла, что это ветром сорвало с крыши дома тарелку антенны, которая болталась теперь на длине кабеля, у самого Ольгиного окна. И, при особой силе ветра, задевала белым своим краем, как крылом, карниз, стучала в него, как гость.

Зрелище было таким странным, но Ольга, поняв исходные стука, открыла окно, чтобы антенна не разбила стекло.

В открытое окно хлынул ветер, и с ним – влажная штормовая свежесть. И антенна вдруг, будто обрадовавшись, что не одна теперь, завертелась вдруг в бешеном каком-то вальсе.

Ольга попыталась поймать ее, но побоялась остро-тяжелых проржавевших ее краев, отпрянула от окна. Ветер вдруг утих, и антенна зависла нарядным блюдом, зазывая иностранными знаками на белом своем вогнутом пузе.

Ольга, улучив момент затишья, выглянула в окно и посмотрела вверх. С крыши антенну держал достаточно толстый кабель, но он был очень туго натянут под тяжестью тарелки, что очередной сильный порыв ветра мог свергнуть эту тяжесть вниз, во двор.

Ольга подумала, что нужно вызвать спасателей, и только она так подумала, как антенна завертелась в очередном своем кружении. Да так ловко у неё это получалось, будто она радовалась нечаянной своей свободе, возможности потанцевать перед этой милой женщиной в окне.

Ольга пошла надела куртку с капюшоном и села в кресло перед открытым окном, которое нельзя было закрыть, его непременно бы коснулась танцующая антенна. И тогда уж ему несдобровать.

Так и просидела Ольга остаток ночи у окна, любясь необычным балетом у себя за окном.

А антенна, радуясь своей легкости и кружению нечаянному, несвойственному её предназначению, всё кружилась, кружилась, будто звала, приглашала ее на танец, исполняя на ветру чистые па вальса.

Утром кто-то вызвал спасателей. Приехали крутые ребята, разом подтянули и закрепили огромными болтами плясунью опять на крыше.

Ольга из своего окна наблюдала за их ладной работой, и ей почему-то было жаль эту белобокую тарелку, которая так совершенно исполняла ночью фуэте.

И еще подумалось ей, что это необычное зрелище видеть была удостоена почему-то только она. Почему? Никто не ответит. И это не огорчало, а, наоборот – укрепляло ощущение доверия к ней и ее некоторой, может быть, избранности. Будто ей доверили тайну.

*Пье-де-тульская тетрадь,
12 ноября 2020*

Новенький

Он был редким человеком. Он видел сны с комедийным уклоном.

Жена его постоянно будила, потому что он хохотал во сне. Но обидно было то, что снов своих он не помнил, а в реальной жизни смеялся он редко, даже улыбался как-то чуть, тайно, кривовато, чтобы не заметили.

Должность у него была такая. Он был начальником отдела в крупной корпорации. Работал трудно, под пятой вечного страха – быть уволенным. Олег и сам не совсем понимал, почему так боится увольнения, но он боялся. Поэтому строг был со всеми по-настоящему, спрашивал скорой и честной работы от сотрудников. Но и сам не плошал при этом. Точен, аккуратен, подтянут.

А еще его уважали за то, что он всегда давал деньги в долг. Всем и всегда. И ему, как ни странно, эти долги возвращали.

Олег не расслаблялся сам, и с подчиненными держал нужную строгую дистанцию. В корпоративах никогда не участвовал, но деньги на это мероприятие давал всегда.

Однажды ему сверху, по чьей-то рекомендации, прислали пацана, лет двадцати. На вопрос что он умеет делать, парень честно и нагло ответил: «Ничего».

Олег порадовался его честности и взял в штат на самую

легкоответственную должность.

Пацан пожал плечами и занял стол с компьютером. Сам выбрал, ни у кого не спросив. Олег хотел сделать ему замечание, но тот так же нагло сообщил, что ему надо поближе к окну: «Я люблю вид из окна».

Олег вздохнул, подумал, что этот молоденький нахал даст фору любому насупленному боссу. Только тем, что ему плевать и на босса, и на стол, и на все это окружение.

Он был явно нездешним, на нем светилось облако легкомысленного отношения ко всему происходящему.

Олег вздохнул и подумал, что надо будет с ним поостроже, с этим пацаном.

Он попросил секретаря его не беспокоить и принести кофе. А сам стал смотреть с высоты законный пейзаж, с густым лесом вдалеке и маленькими планерами над ним. Там была лётная школа. Для детей, типа стажера, которого ему сегодня навязали.

Что-то тревожило Олега. Какое-то новое впечатление родилось в нем только что, после встречи с этим мальчишкой. Олег осознал, что в нем всплыла черным айсбергом зависть. Давно это чувство не содрогало так крепко Олега. Он завидовал. Завидовал невыносимой свободе в этом пацане. Он вел себя так, будто знал самое главное в жизни, согласен с этим главным, остальное – пусто проносится мимо его сознания. И это знание главного давало ему спокойную независимость от всего того, чем жил, и боялся потерять, Олег.

Этот парень не боялся ничего. А такого состояния Олег в своей жизни не испытал ни разу.

Олег потерял интерес к чашке остывшего кофе и вышел из кабинета. Проходя мимо новенького, он чуть притормозил, чтобы понять, чем тот занимается в рабочее время.

Первое, что бросилось Олегу в глаза – то, что парень сидит в наушниках. И, видно по движению ритмичному его фигуры – он слушал музыку.

Олег хотел подойти и сделать ему замечание, но понял, что делать этого не стоит. Не услышит его пацан этот, даже если снимет наушники.

Олег заинтересовался этим молодым человеком, спросил у секретаря о нем. Та тут же выдала:

– Он – сын..., – фамилию она произнесла шепотом.

Олег отпустил секретаря и стал размышлять над услышанным.

Как все обыкновенно. Сынок чей-то, обязательно глуп, нерадив и грош цена его независимости, если она повязана бантом папиной фамилии.

«Вот пойду и сделаю ему замечание», – решил Олег и направился в отдел.

Он хотел подойти к новичку и спросить, что за музыку он слушает на работе. Но, когда подошел к этому легковесному юноше, понял, что ничего не сможет ему сказать.

Он остро почувствовал опять в себе желание вот так как он, сесть за чужой стол, не спросясь, надеть наушники и слу-

шать музыку, не спрятавшись от коллектива за большим монитором. Олегу подумалось о том, что никогда не уходили от него всякие страхи и зависимости. Сначала – от матери. Потом – в школе, потом – жена. Теперь вот – его место начальника повязало его сильно.

Место, конечно, было денежным, со связями и командировками за рубеж. Удобное кресло. И, компенсацией за свой страх потерять эту производственную роскошь, он орал на других, поселяя в них тот же страх, как продолжение своего. И все они были связаны этим страхом, чурались друг друга, боялись мелких доносов в устной форме, сплетен всяких, и прочих издержек офисных отношений.

Олег вернулся к себе в кабинет, но мысль убрать с глаз этого смельчака не оставляла его. Не хотелось терпеть его присутствия, даже неделю или две. От него исходила угроза. Спокойная величавая жизнь Олега оседала бабой на чайник, когда он видел, встречал этого парня, даже на лестнице.

Его вольность не укрощал даже дресс-кодовый костюм и галстук. Похоже, что он пользовался незнакомым Олегу одеколоном под дерзким названием «Свобода».

И тогда однажды, на правах своего служебного положения, Олег подошел к этому отпрыску, который в середине рабочего дня сидел на подоконнике и смотрел в окно, попивая кофе.

Когда Олег подошел к нему и только открыл рот и вдохнул, чтобы сделать ему замечание, тот вдруг весело сообщил

ему:

– Видели самолетики? Класс! Надо будет разузнать, что там за контора.

Олег хотел рассказать ему, что это – авиашкола, для таких вот детишек, которым в будущем грозит приобретение личного авиатранспорта. Но, вместо этого, спросил вдруг:

– Как это тебе удастся?

– Что? – не понял тот.

– Эта твоя независимость и бесстрашие, – с некоторой иронией произнес Олег.

Генка, так звали его, узнал Олег – слез с подоконника, глянул на него очень внимательно и произнес:

– Я временно тут. Вообще! Помнить надо о временности всего, – он засмеялся и пошел выбрасывать стаканчик в урну.

А Олег пошел, в сильном раздумье, к себе.

И правда. Чего бояться. Сутулишься. Он зашел к себе в кабинет и долго смотрел на летающие самолетики. Там, за лесом.

Он вышел из кабинета, быстро прошел к месту Гены, снял наушники с его коротко стриженной головы.

– Там спортивная школа по пилотажу.

И вдруг, неожиданно, пожал мягкую, почти детскую руку пацана.

– Спасибо себе.

Вернулся к себе и, боясь передумать, написал заявление

об уходе. И, не дожидаясь чьих-то решений, пошел вон из офиса.

Олег вдруг почувствовал невероятное облегчение, как будто глиняный кувшин страха, в котором он сидел все это время, разбился. Олег даже невольно отряхнулся.

Он рассказал за ужином жене подробности своего увольнения. И обалдевшем лице шефа. И об этом пареньке из будущего, и рассказал это так весело и с таким смехом, что жена прерывала иногда его, как ночью, когда пугалась его смеха во сне.

*Пье-де-пульная тетрадь,
12 ноября 2020*

Стена

Феликс и сам понимал, что чего-то не хватает им в отношениях. Казалось всё мирным и прекрасным. Позади был развод. Но прошел он очень интеллигентно, никто ничего не делил. Обошлось без взаимных претензий. На том и кончились их, тянувшиеся два десятилетия, узы, которые больше смахивали на вериги. И добровольно носить эти вериги Феликс, ну совсем, не хотел.

Поэтому, освобождаясь, выйдя из зала суда, он готов стрижом взлететь, прочеркнуть иероглифы нового счастья в небе – и лететь, лететь, не присаживаясь, как это умеют делать только стрижи.

Чтобы составить пару этой птичке он был тяжеловат, поэтому он сел в свой черный джип и укатил. Быстро-быстро. Так боялся он, что какая-то случайность остановит его и вернет в семейную непогоду.

За ту сторону семьи он был спокоен. Сыны выросли, обеспечивали себя сами, да и мать не бросят. И это было нормально. И то, и это – всё было нормально. И новые отношения ликовали свою победу, только Феликс получил новую и весьма странную зависимость.

Он и дня не мог прожить без звонка в прежний дом.

Там снимали трубку и весьма невежливо бранились, и не

очень хотели с ним общаться. А он – хотел. И ничего не мог с этим поделать, поскольку придти и поговорить с женой бывшей он не мог, он сам себе не разрешал такой визит.

Недостойным ему казалось переступить порог дома, который он столь немилостиво оставил. Но позвонить-то он мог.

И он звонил. Утром, днем, вечером, пока не слышал голос, знакомой интонации которого он так щедро радовался.

Вот и сейчас, сидя в доме их общих когда-то друзей, ему крошились в память обрывки прошлого. Он даже сидел на том стуле, венском, с изысканной спинкой, который обожала она.

Садилась под светлый круг торшера, и этот свет выглядел сиянием у нее над головой.

«Ну и что, ну – сидела. Забудь», – говорил ему друг Виктор. – «Мало ли кто и где сидел. У тебя же всё хорошо?»

И, не дождавшись ответа, опрокинул стопочку водки, переключил канал телевизора на политическое шоу.

Феликс же на дух не выносил любые шоу. Считая их дурной самодеятельностью. Он взял сигареты со стола, вышел на лестницу покурить как бы.

Но вышел он – позвонить. Конечно, к ней. Он хотел, чтобы она привыкла к его частым звонкам, к возможности хотя бы нормально общаться. Он не понимал её неукротимости.

Она сняла трубку и вдруг смилостивилась, и позволила себе длинный монолог.

Он вслушивался и с трудом понимал, что говорит она о

стене. О высокой, беззаконной и страшной, в их дворе.

Стена была сплошной, незыблемой, капитальной, без единого окошка в ней. Тянулась по периметру и была окрашена в рыжий цвет. «Охряный» – как сказала жена.

– Ты помнишь нашу охрянку? Ну, так вот, я давно в окно не выглядывала, а тут выглянула, а там – окна пробиты. На целый этаж окон. Со ставеньками жалюзовыми. Белыми. Как на Кипре, помнишь?

Феликс не понял, чему так она рада, этим окошкам и ставенькам.

Но, вслушиваясь в прежнюю веселую звонкую интонацию в голосе жены, он не стал спрашивать ни о чем, боялся спугнуть мажорную ее тональность.

И еще ему было приятно, что вспомнила она об их последней поездке в Венецию. Там они сидели в таверне с такими вот ставеньками и ели вкусную какую-то рыбку.

– Представляешь, – всё еще взволнованно говорила жена. – Прорубили окна в старом фонде. Мы-то думали, что нельзя, а оказалось можно, – радовалась она.

Он ничего не понимал в её рассуждениях, но поинтересовался, почему ее это так волнует.

– Оказывается, всё можно. А помнишь, мы хотели, когда вселились, нам отказали.

Он этого ничего не помнил, его не интересовали чьи-то окна. Стена эта охряная. Он все это уже забыл, вот только бы голос ее многозначительный, многокрасочный – слушал

и слушал.

Но она не дала ему такой возможности.

– Ты не помнишь, как нам не разрешили окно в стене проделать? Ну, знаешь, – она положила трубку.

«Вот опять!» – подумал Феликс. – «Что, зачем, почему».

Он со злостью выплюнул окурочок.

Но, возвращаясь от друзей, он сделал круг и проехал мимо их дома и этой стены. Стена была на месте, закрывая звездное небо, но в уголке этой мрачности светились окошки милым теплым светом.

Феликс даже сосчитал их. Аж семь их случилось. И даже он смог разглядеть ставеньки, о которых говорила жена. Они белели невпопад как-то, но как бы предвещающая этой стене еще много окон и много света. И еще было окошко маленькое круглое – ванной, скорее всего.

«Трудно ей было толком рассказать. Бестолково говорит всегда», – с досадой подумалось Феликсу. И он решил завтра с утра позвонить, и они подумают вместе об окошке в длинной, бесконечно-глухой стене их квартиры. Раз теперь можно.

Феликс повеселел от этой мысли, сел в машину и поехал домой. Жил он в новом престижном доме, со сплошной стеклянной стеной. И в доме от этого было много света, солнца и звезд по ночам.

И не надо было заморачиваться какими-то пробуравленными в толстой стене окошками и радоваться нелепым, в

этом городе, ставенькам-жалюзи. И еще Феликс почему-то удрученно предположил, если бы им удалось в темной своей квартире прорубить дополнительное окно, то может и не ушел он сюда, в этот стеклянный, призрачный ненадежно-стью пенал. И жили бы они за милыми жалюзовыми ставеньками, в нерушимом своем уюте.

«Вот», – подумал Феликс. – «Будет завтра о чем поговорить с этой ненормальной».

И он легко уснул, как человек, не изменявший своим привычкам.

*Пье-де-тульная тетрадь,
13 ноября 2020*

СВЯЗЬ

Ее вдруг накрыло неожиданное открытие в себе. Смысл её жизни был в пульте от телевизора. С утра она была вне себя. Перетряхнула постельное белье у себя, у детей. Обшарила все возможные места, двигала тяжелые кресла, отодвинула даже диванный уголок на кухне, заодно вымела всякий сор за ним.

Посмотрела даже за цветочными фиалковыми горшками на окне. Мало ли. Выгребла ящики письменного стола, нашла в них старую переписку, на которой обязательно задержала бы свое внимание и, возможно, перечитала бы их со слезой. Но сейчас, она швырнула подальше все, задвинула ящики. Было не до сантиментов. Пульты не было. Молчал экран в привычную жизнь.

И это коробило, тревожило, оглушало. Она прошлась еще раз взглядом по знакомым предметам, вычисляя в голове, куда и как она сунула этот пульт.

Она включила магнитофон, потом приемник. Ничто не помогло. Хотелось привычной картинки. Даже непристойная реклама порадовала бы ее, если бы она нашла пульт.

Почти автоматически, она пропылесосила квартиру, намыла полы.

Прибралась у детей в комнате, хотя разрешения от них

получено не было. И будет ей скандал.

Но ее это беспокоило меньше всего. Беспокоило её отсутствие новостей. Она привыкла с утра быть в курсе всех событий. И была, ложное, может быть, впечатление, что она участвует в них, и жизнь накачивалась, как насосом, всякими смыслами, радостями, огорчениями.

Она перевесила шторы на окнах, поменяла постельное бельё, сунула в машину, перед этим тщательно прощупав, под одеяльник.

Пульты не было. Взясась было за обед, но поняла, что с этим не справиться без пульта. Она как-то не включалась в жизнь.

Пыталась читать, но это требовало внимания и усилий. А их не было. Она будто сдулась.

Презирая себя за столь неприличную для ее лет зависимость, она решила выйти в магазин, отвлечься и купить чего-нибудь к обеду, поскольку с готовкой его не справилась.

Из магазина она шла медленно, неохотно открыла дверь в свое холодное и неудобное, без экрана, жилище. Она решила позвонить старшему сыну, чтобы спросить, можно ли купить пульт для этой марки телевизора.

Сын был на работе и сильно занят:

«Мама, перезвоню», – и дал отбой.

Она затосковала еще больше.

Неужели этот умный предмет не включается без пульта. Должны быть какие-то кнопки на всякий случай.

Кнопочки были, но ничего не включали. У них была другая функция.

Она с неохотой отстала, наконец, от телевизора. Пронзительная тишина в доме не давала сосредоточиться на самых привычных вещах. Она хотела испечь блинов, но первый блин, и второй, и третий, не получились, потому что не светилося в углу кухни волшебное это пространство с картинками мира и эпизодами чужой жизни, в которые она, пусть и невнимательно, всматривалась и вслушивалась, но была тем не менее в курсе, и мысленно давала мудрые советы участникам шоу.

Время, хоть и тянулось жевательной резиной, но перевалило к вечеру.

Шевельнулся ключ в двери. Пришел, наконец, младший сын.

– Мама, чуть не умер. Глухой день. Вместо мобилы взял пульт от телека. Жуть.

Он вынул из ранца пульт, бросил на кухонный стол и убежал к себе в комнату.

И тут же она услышала, как он стал с кем-то жадно болтать по телефону. Она глянула на пульт, лежавший на своем привычном месте. У него был какой-то замызганно-виноватый вид, как у беглеца. Улыбнулась, взяла его в руки, протерла спиртовой салфеткой и нажала кнопку. Загалдел, оживился дом.

Она зашла к сыну и, видя как он вернулся в свой мобиль-

ник, видя его взъерошенное счастливое лицо, как после долгой разлуки с кем-то дорогим и нужным, она тихо прикрыла дверь и пошла к себе на кухню.

Проходя мимо большого зеркала в коридоре, она старалась не смотреть в него, потому что боялась увидеть свое счастливое лицо – такое же, как у своего младшего сына. Сына, который по ошибке своей и детской рассеянности указал ей на все утерянные ею смыслы. Но ей хотелось поскорее забыть об этой нелепой случайности.

«Но для чего-то он их перепутал», – коварно теребила ее мысль. Но она тьфукнула на нее и стала допекать неполучившиеся поутру блины.

*Пье-де-пульная тетрадь,
19 ноября 2020*

Брызги

Он всегда в каком-нибудь кармашке пиджака или рубашки носил песочные часы. Окружающим была непостижима эта его страсть к часам такого рода. Предполагали конечно, что профессия прицепилась к этому подходящему атрибуту. Он был врач терапевт. И в основном принимал у себя разговорчивых, и весьма, старушек.

Так вот, через эти самые часы он намекал на то, что время приема ограничено этой самой щепоткой песка, который неподкупно, равнодушно – перетекает из одной колбочки в другую через горлышко, почти незаметное из-за своей узинны.

Но Борис это отрицал, он объяснял свою слабость к этому предмету, как к волшебству, необъяснимому фокусу.

Время, упакованное в стеклянные колбы, давало иллюзию неуходимости его.

Раз, перевернул снизу вверх – и вот оно, время, которое только что было прошлым, становится настоящим. По кругу и высоте перемещается, но не сбегает. Его можно потрогать, взять в руки, вернуть, созерцать уход его и вновь вернуть.

И Оно – послушно и ограничено пространством. И никакого тебе тиканья. Тишина и торжественность.

Одним словом, завораживающее общение со временем. И

оно правильно настраивает, помогает прибывать в нужном тоне мудрого философа.

Борис даже к барышням, на встречи всякие, запускал часы эти самые песочные, ставя их на ресторанный столик и пугая их своей оригинальностью, и как бы спешностью, по призрачным таинственным делам.

Борис был холостяком. Как он сам себя называл – древним холостяком. Он ценил свою свободу, его почти не тянуло на подвиги семейной жизни. Но иногда он, в надежде, бежал на случайные встречи к очередной даме. И всегда при нем были песочные часы. Причем разного калибра: от пяти минут до получаса и часа.

Последними, впрочем, он редко пользовался. Популярнее всего были десяти-пятнадцати минутные. Становилось Боре скучно – и он, ссылаясь на вышедшее время, убегал, ссылаясь на свою занятость.

Борис прекрасно справлялся со своей жизнью один. Были друзья, конечно, компании и приятели. Но он ни к кому не прирастал. С трудом находился в чужом пространстве и скорее рвался из него наружу. Благо, песочные часы всегда были при нем. И конечно, приносили за него извинения.

Борис с утра сегодня был сильно не в духе. Пригорела глазунья, сбежал кофе. С утра звонила соседка и просила вечером быть дома, собрание какое-то товарищества, о котором Борис не имел никакого понятия.

Но главная гадость обрушилась на него прямо на выходе

из ворот. Накануне был дождь, и проезжавшая в эту минуту машина, попав колесом в невидимый ухаб, облила Бориса, как из ведра. Щедро окатила от очков до ботинок. Вода была холодная и грязная.

Борис сразу ослеп, стекла очков сильно пострадали.

Он прытко отскочил в сторону, но это не помогло.

Борис ослеп и оглох от испуга и внезапной ярости. К чести сказать, машина далеко не уехала, резко затормозила, остановилась. И из нее вышла женщина. Борис в это время протирал очки, к его счастью, потому что на ту красоту, которая вышла из машины и подбежала к нему, можно было смотреть только в солнцезащитных очках.

Женщина была взволнована и, подбегая к нему, пролепетала о прощении. Лепетала о том, что яму она не заметила и честно признала свою вину.

Бориса смутило это пылкое раскаяние, но он молчал в ответ, потому что был ошеломлен лицом этой женщины.

Оно было ярко, глазасто, улыбочиво и еще с милыми ямочками на щеках и подбородке.

Перед Борисом стояла воплощенная случаем его мечта. Он думал, что такого не может быть. Ан нет. Вот!

– Садитесь в машину, я отвезу вас в магазин, купим вам одежду, или домой? – спросила она с особой доброжелательностью.

Борис объяснил, что ни в какой магазин не надо. И что он живет вот здесь, за этими воротами.

Женщина сразу засуетилась и вдруг, неизвестно откуда, извлекла визитку, как фокусник, и протянула Борису.

– Может быть позвоните. Я чувствую себя виноватой, испортила вам костюм. Да еще белый.

Борис взял визитку и женщина сразу стартовала. Видно было, что сильно опаздывала.

Борис вернулся домой, снял одежду, сунул в стиралку брюки и рубашку, переоделся и все думал о красивом лице незнакомки. Хотя, почему же незнакомки? Он уже выучил визитку наизусть. От фамилии, имени, отчества до трех офисных телефонов и ее мобильного. Профессия ее обозначалась весьма неопределенно: старший менеджер. Но это Бориса волновало мало.

Он решил ей позвонить вечером – и позвонил.

Женщина на его звонок отреагировала весьма странно, не сразу вспомнила конфуз утренний с машиной и лужой.

Но, вспомнив, согласилась встретиться.

Борис, стараясь не проиграть ни в чем этой красоте, выбрал лучший ресторан для неё, лучший костюм для себя. И волнуясь перед встречей с этой неожиданной красотой, он даже не посмел взять с собой песочные часы, главный его атрибут коротких знакомств. Ему хотелось вечно разместиться с этой прекрасной женщиной и улыбаться её роскошным ямочкам. И говорить, говорить с ней, поскольку Бориса сразил тембр ее голоса. Мягкий и низкий.

Борис пришел в ресторан первым, сел за заказанный сто-

лик, положил цветы в хрустящем целлофане. И вот вошла она. Проем дверей осветился её золотой аурой. И это было волшебю.

Борис, однако, заметил, что она в утреннем наряде, видно приехала прямо со службы. Борис встал ей навстречу. Он выглядел несколько комично в своем тщательно продуманном наряде.

Она его не сразу узнала, только когда он сделал несколько шагов навстречу ей.

– Ох. Воды..., – нетерпеливо сказала она официанту и плюхнулась на стул.

Официант кивнул послушно и стал наливать ей воду.

Она же вынула из сумки мобильник и положила его рядом на стол. А потом достала оттуда же стеклянную колбочку, инкрустированную серебром, и поставила тут же перед собой.

Это были песочные часы. Время пошло.

Борису хорошо была известна продолжительность этих часов. Полчаса.

И как бы извиняясь, она сказала:

– У меня полчаса всего. Уж простите.

И Борис впервые пожалел, что он не взял свою пятиминутную колбочку с песком. А то бы случился достойный пас. А так его не случится.

Он смотрел на струившийся песок, и ему очень хотелось уйти.

Что он и сделал. Плюнув и на красоту эту неземную, и на песочные часы, которые так больно его сегодня ударили. И Борис добежал до дому, уже зная, что песочные часы перестали быть его любимым предметом. И весь его философический вздор, которым он оправдывал свою к ним привязанность, смыло грязной водой из лужи, которую было трудно заметить.

И еще он почему-то понял, что время – оно круглое.

*Синяя тетрадь,
19 ноября 2020*

Пустячок

Маленькая женская хитрость, в виде щетинистой швабры на длинной палке, проплыла мимо лица Георгия, едва не задев очки. Георгий возмущенно ткнул эту наглую швабру подалее от лица. И возмущенно крикнул что-то хозяйке этой самой швабры, которая небрежно несла её на своем хрупком плечике.

Девушка даже не оглянулась. Тогда Георгий догнал ее и спросил:

– Разве так носят швабры?

– Вы хотите, чтобы я на ней улетела? – и девушка невозмутимо пошла дальше.

Они вышли на мост через городскую широкую реку. И мост был длинным и бесконечно гремящим – столько пробегало по нему, перпендикулярно речному течению, автомобилей.

Георгию не удалось проскочить и обогнать щетину нависшей над ним угрозы.

Он вдруг понял, чтобы избежать столкновения с этим, невероятным для центра большого города, предметом, надо просто идти рядом.

И он пристроился к девушке, хоть и был раздражен её вопиющему способу переноса швабры. Девушка оказалась

очень даже симпатичной, но Георгий ей явно не нравился. На все его приличные и остроумные вопросы она только фыркала оскорбленно. И даже не удостоила его, пусть краткой, но вежливой беседы.

Георгий отстал. Тем более узкий тротуар уже заканчивался, и можно было обогнать и девушку, и швабру, с их грубостями.

Георгий с облегчением отделился и вышел к переходу, но не утерпел и оглянулся, не нависла ли сзади над ним угроза девушки со шваброй.

Не нависла. Георгий увидел, как незнакомка перешла мост на ту сторону. Зависла на секунду, чтобы переложить швабру на другое плечо. И тут же пошла через мост назад. Георгий сильно удивился и стал наблюдать.

Швабра зависла над крепким мужчиной в белых брюках и темных очках.

Девушка очень ловко, видно тренированно, поддела мужчину за очки.

Георгий думал увидеть скандал. Но незнакомка так роскошно улыбнулась жертве, тут же опустила швабру, с извинениями.

Дальше они пошли вместе, и уже мужчина нес швабру, но палку держал, как трость.

Георгий стоял и с улыбкой наблюдал, как мужчина заботливо держал девушку под локоток, и они уже спускались с тыльной части моста.

Георгий пошел своей дорогой и чувствовал себя отвергнутым. И удивлялся хлопотливому и коварному женскому уму. И потом в течение всего дня он с горечью метался в догадках, почему же его отвергли.

Неужели дело в белых штанах и темных очках. И тут его пронзило.

Конечно же, мужчина тот, неотвергнутый, оказался иностранным туристом. И к нему применила эта красавица маленькие свои женские хитрости, в виде щетинистой тяжелой швабры.

И, найдя достойную и не обидную причину своей отверженности, он успокоился. Надо будет рассказать другу Хриstackису, чтобы не попался. Это был коллега Георгия по аспирантуре. И он был из Греции. Мало ли.

*Синяя тетрадь,
21 ноября 2020*

Экипировка

Если бы человек мог побороть вечный свой страх перед жизнью, он, просыпаясь по утрам, вскидывал бы руки в сладких потягушках и говорил: «У меня хорошие предчувствия на этот день». И все бы сбывалось.

Но это только в теоретическом мудреном замысле, а на самом деле Светлану редко посещало хорошее предчувствие, поэтому она по утрам произносила свои волшебные слова: «Пусть повезет». Иногда помогало, но большей частью мера эта была несостоятельной, и прилетали всякие мелкие пакости, ну уж совсем из странных мест.

Вот сегодня она нашла в почтовом ящике извещение на ценную посылку.

Она даже не удивилась и хотела положить в нужный ящик. Но адрес был написан её. Посылка предназначалась именно в «кв. 9», то есть её.

Она еще раз осмотрела извещение, она даже понюхала его, все больше удивляясь случившемуся. Она ни разу в жизни не получала посылок.

Она даже немного испугалась. Света не любила сюрпризов, опасалась их. Она поднялась к себе в квартиру, разделась, умылась, все быстро, скоро, и решила позвонить на почту, узнать откуда и от кого ей пришел этот загадочный пред-

мет.

Ответили ей сразу и четко. Посылка из города Мухаби от некоего Мурзаева В.П.

Света долго пила на кухне чай и обдумывала ситуацию. Никакого Мурзаева В.П. из города Мухаби она не знала. И что он прицепился к ней со своей посылкой?

Проще было пойти и получить её, чтобы все пришло в ясность. Но сегодня уже она не успевала, а завтра у нее выходной. У почты то есть. Придется ждать до понедельника.

И эта возможность окончательно испортила настроение. Она уселась у ноутбука и отыскивала город Мухаби. Прочитала о нем всю информацию. Это не принесло радости. Наоборот. Она расценила как издевательскую шутку с этой неопознанной посылкой.

Дальше – хуже. Ком страхов рос, катился огромным снежным комом, хоть на дворе была осень, и снега пока не предвиделось.

Что бы эта посылка могла означать? Бомбы, подарок от забытого ею человека... Другие возможные предметы в голову не приходили.

Настроение испортилось окончательно, и очень не хотелось ждать решения этого ребуса до понедельника.

Тут раздался робкий звонок в дверь. За ней оказался дворник Рашид с женой Алей. Они недавно стали жить в дворницкой, но всегда, почти в пояс, вежливо кланялся ей, встречая по утру.

Света сильно удивилась, не хватало еще таких гостей.

– Что случилось? – почти испуганно спросила она.

Рашид на плохом русском просил у нее прощения и спросил получила ли она посылку.

Светлана ушам своим не верила.

Дворник с женой Алей, оказывается, дали ее адрес, чтобы она получила для них посылку, так как у них нет прописки, нет адреса, и паспорта пока нет.

Есть только дворницкая.

Света хотела накричать на них за такое самоуправство. И какое они имели право, и прочие возмущения.

Жена Рашида робко объяснила ей, что, дескать, муж очень хвалил её, как добрую женщину – спасибо.

– Спасибо, – говорила жена. – Вы нас так выручили.

Света ответила, что сегодня они уже не успеют, а только в понедельник.

Рашид глянул на часы.

– Очень срочно, дорогая, едем, друзья довезут. Только паспорт захвати.

Опешившая до пика самого от такой наглости Света почему-то стала одеваться.

– У нас тут с адресом никого нет, – лепетала Аля.

«А я у них как бы есть», – подумала Светлана. – «С чего бы? Это?»

– Вы – добрая, Рашид рассказал.

Как ни странно, от повторения об её доброте смягчилось

сердце Светланы. И вдруг опять страх екнул внутри.

– А что в посылке, ребята, все законно? – строго глянула она на супругов.

– Альпийская снаряжения, – сказал Рашид. – Мы зиму здесь хотим. Вот пересылают. Мы там раньше работали. Упаковали, ну спасибо. Такие хорошие люди. Все упаковали, все отправили. Ты прости, но в дворницкой номера нет, адреса нет, – пошел по кругу Рашид.

Светлана, как оглушенная, ехала с четой дворников к почтовому отделению на такси. Таксист общался с четой на родном своем языке.

Светлана была не рада неожиданному своему приключению, но, в конце концов, почему бы не оказать услугу? Они ведь правы, без адреса существующего им посылку не пришьешь.

Когда Света заполнила бланк, и ей вынесли достаточно большой ящик, судя по виду носильщика – и тяжелый, Света неожиданно попросила решительно:

– Откройте прямо здесь, – и посмотрела на Рашида.

– Да, да, – засуетился он.

Ящик открыли. Зазвенела освобожденная тяжелая цепь с двумя мощными карабинами. Рашид повесил цепь на себя. Он выглядел очень довольным. В ящике еще лежали трос, альпинистские ботинки и что-то еще из нужной альпинисту экипировки.

Все было сложено обратно в ящик, только цепь осталась

висеть на Рашиде.

– Спасибо... А то снег скоро, сосульки у вас тут, – и вышли из почтамта, захватив свой драгоценный ящик.

Они той же машиной вернулись в маленький их дворик, где только и почувствовала Света себя в безопасности.

И хотя Света никакого криминала в пережитом только что ею приключении не нашла, но не понравилось ей что-то, в использовании ее в этой странной поездке на почту.

И какое они имели право кому-то, в каком-то другом городе, давать её адрес, чтобы получить свой «альпийский» дворницкий инвентарь.

Разумеется, она права, никакого не имели, разве что исключительно потому, что считали ее добрым человеком, которому они могли доверить получить свою драгоценную амуницию. Доверие это, наверное, дорого стоило, но Светлану обуяло вдруг тяжкое предчувствие. Что её развели на что-то нехорошее.

Она понимала, что это начало чего-то большого, еще несовершившегося, но неизбежного, обязательного, как сосульки зимой. Которые могут легко упасть на голову хорошему человеку.

На следующее утро, выйдя из дома, она столкнулась с Рашидом. Тот, как всегда, с горячей улыбкой, поклонился ей.

Но Светлана сделала вид, что не заметила этого благородного жеста и быстро прошла мимо.

*Синяя тетрадь,
23 ноября 2020*

Вселенная Беж

Нет ничего интереснее для нее, как знакомство со жгуче-бежевой кофейной пенкой. Она варила этот любимый напиток с таким вниманием и любовью, что присутствующие, если таковые были, тихо завидовали.

Пена шептала что-то, глядела на рисунок, который сотворила она, перемешивая, когда уже выключен газ. Пузырьки таяли, лопались, опять вздувались, создавая полную иллюзию бежевой какой-то вселенной. Которая родилась от ее руки и зажила тайной своей, непостижимой жизнью.

Такой ритуал Лена исполняла каждое утро, вне зависимости – просыпалась она одна, или с кем-то.

Впрочем, последнее случилось крайне редко с ней.

Когда-то её маленькая дочка, прочитав «Золушку», сделала странный вывод:

– Это о том, что главное – вовремя уйти. Тогда – будет везение. Вовремя сбежать, чтобы тебя искали и страдали об этом.

Лена выводы дочери услышала и, с удивлением, согласилась с таким выводом.

Да, вовремя сбежать. Остаться тайной, и пусть бегают и ищут.

Лена неоднократно сбегала в самый странный момент. Уж

совсем неподходящий, казалось бы. Таинственно исчезала, но почему-то ее никто не искал. Не скучал по ней, не спрашивал у знакомых. И забывали о ней тут же, на любой стадии грядущих отношений.

Золушки из нее не получилось, но она не сильно горевала об этом. Недосуг. Она имела свой дом, которым занималась всегда.

Дом был стильным, здесь было строго все функционально, но все гости замечали легкий флёр богемности, который исходил от самой хозяйки. И, накрывая, сближал, охмурял всех находящихся в нем.

И в гости к Лене стремилось много народа, а она не спешила ограничить этот шквал охотников посидеть, поговорить, выпить чего-нибудь из настоящих, с какими-то гербами и вензелями, вин.

Дочка Лены давно выросла, жила с каким-то селадонем, но он ее берег, любя пестовал. Она родила ему славных двух мальчиков. Но жениться не спешил, и Лене давно хотелось расколотить один из его фирменных глиняных горшков о его, седую уже, голову.

Но дочку все устраивало, так что горшки остались целы. Обошлось без скандала.

И они иногда появлялись у нее, как говорил этот старый сожитель её дочери: «на бокал кофе».

«Подавиться бы тебе», – вспомнила с нелюбовью несостоявшегося зятя.

Кофе сегодня получился на редкость, с каким-то оптимистическим уклоном.

Лена рассматривала картинку на пенке, как вдруг позволили в дверь. С большим сожалением она отошла от турки, чтобы открыть дверь.

За дверью стояла дочь с двумя своими ребятами и огромным чемоданом и такой же объемной сумкой. Дочь молча прошла, поставила чемодан, бросила на пол сумку.

– Мы сбежали, – и весь комментарий, который она услышала от дочери.

Лена сняла с ребятшек легкие курточки и пустила в самую большую комнату.

– Можно всё, – разрешила она пацанам, а сама пошла на кухню. Там сидела, и уже рыдала, дочь.

Поцеловав дочь в теплую макушку, Лена успокоила.

– Давно пора. Что ты в нем нашла? Что он тебе такого дал в жизни?

– Пацанов, – утирая слезы, ответила дочь. – И он их любит, я надеюсь...

Она опять заплакала.

Лена глянула на свой кофе, который она не успела прочитать. Пенки уже не было, погасли пузырьки. Это была обыкновенная черная жидкость без аромата и того самого духа, за который Лена любила пить его свежее-горячим.

Она повернулась, мельком глянула на дочь, на уставший её чуть растрепанный вид.

И Лена вдруг вспомнила:

– Золушкой значит сбежала.

Дочка не поняла, о чем это она.

И Лена рассказала ей концепцию сказки, которую вывела дочка, будучи совсем малышкой.

– Вовремя сбежать.

Дочка рассмеялась воспоминаниям матери.

– И потерять туфельку, которой у меня, увы.

– Молодец, главное сбежать. – уверенно говорила мать.

Так они просидели на кухне за остывшим кофе с сухариками.

Зазвонил телефон, Лена подошла и долго слушала, а потом совсем неинтеллигентно рыкнула:

– Приезжай, и захвати с собой туфельку, хрустальную – это твой последний шанс.

И она отключила трубку.

Дочка с сыновьями жили у Лены уже вторую неделю, селадон не появлялся и не звонил.

Лена уже перестала беспокоиться за семью дочери, все равно поступила она правильно, не дав дочери шанса быть когда-нибудь оставленной.

Всякое бывает, они не понаслышке знали.

Но в воскресенье вдруг в дверь позвонили.

За ней оказался несколько испуганный селадон. Он стоял с цветами, коробкой. Шагнул неуверенно в дом.

Пацаны бросились к нему, сильно обрадовавшись.

Он отдал Лене цветы и как-то совсем неуверенно произнес:

– Вы про туфельки какие-то говорили... Вот... Достал, из Милана. Хрустальные почти.

Он протянул дочери коробку.

– И еще, Елена Степановна, я прошу руки вашей дочери, – сообщил он вдруг как-то без паузы.

Лена согласно улыбнулась, но про себя подумала: «Надо же, как правильно поняла её девочка смысл сказки». Расшифровала и применила. Работает.

Туфельки оказались совсем не по размеру. Но кого это теперь интересовало?

Лена пошла на кухню варить кофе, чтобы приблизить к себе, рассмотреть и понять эту бежевую вселенную. И Лене казалось, что она со всем этим справляется... И кофе никогда не сбежит от нее, она следит, и немного хотелось ей, чтобы и за ней так же присматривали.

Чтобы не сбежала.

*Синяя тетрадь,
24 ноября 2020*

Оазис

Люди в последнее время потеряли свою сюжетность. Судьбы их и интересы сплелись на просторах интернета. А там – не до изысков и сюжетов. Главное – свое пространство организовать и сразу почувствовать уникальность своего бытия.

Влад скучал по нормальному общению человеческому и поэтому, по утрам, а то и вечером, выходил на свою охоту за сюжетами.

Даже сегодня, в постылый холод, вышел.

Он внимательно вглядывался в лица прохожих, желая, через их отстраненность, поймать любопытный взгляд в его сторону или хотя бы на пролетевшую мимо ворону.

Все шли, держась, как за спасательный круг, за плоские смартфоны, будто подключены были к общей электрической сети. Впрочем, так оно и было.

Влад перешел улицу с одной стороны на другую и двинулся по второму кругу.

Влад уже понимал, что и сегодня он придет с пустотой, как вдруг, проходя по мосту широкому, каменному, он увидел на поверхности канала имитацию зеленого газона на деревянном помосте.

На нем уже устроились рыбаки, веселые мужики были ни-

чуть не удивлены деревянному настилу с травой на полови-
ну реки. Они просто радовались ему и обживались.

Влад с мостика вслушивался в их приглушенный разго-
вор и понял, что это снимали какое-то кино и вот – остави-
ли декорацию. И Влад понял, что они не против были, если
бы данная декорация осталась навсегда. Им было удобно. И
правда, у них сильно клевало, они таскали рыбешку не пер-
еставая.

Понаблюдав немного за этой идиллией, Влад отправил-
ся дальше своим путем. Но что-то мешало ему, он сменил
свою обыкновенно решительную походку на мямлинский ка-
кой-то шаг и вернулся опять на мостик.

Один из мужиков, будто поняв о нем что-то, позвал при-
хватывающим жестом руки.

Сам от себя такого не ожидая, Влад спустился по гранит-
ным ступенькам к ним. Он поздоровался с ними и стал на-
блюдать за их ловкими движениями. На лице его отплясы-
вала зависть к этим рыбакам, которые, среди этой колючей
зимы, нашли зеленый оазис и радовались этому, не придум-
ывая себе лишних проблем.

На искусственном газоне отдыхали местные утки, которые
не могли поверить в это недоразумение, что – привычная зе-
леная трава, но не съедобная. Подплывали новые и тут же
начинали щипать искусственную зелень. После чего, рассер-
женные, уплывали, подальше от непонятного.

Влад долго стоял и смотрел на этот неожиданный оазис.

Он даже подержал удочку, пока ее хозяин согрелся чаем из термоса.

Вечер наступил быстро и разом.

Мужчины стали собираться домой. Счастливые лица выражали полноценный сюжет – надо находить радость повсюду, даже среди этих странных забытых декораций.

Влад очень тепло попрощался с рыбаками. И вдруг один из них сказал, пожав ему руку выше локтя:

– Не хандри. Это вредно. Приходи завтра сюда. Я тебе спиннинг прихвачу, поучаствуешь.

И они разошлись. Мужики пошли по узким улочкам центра к себе домой, а Влад спустился опять на газон, присел там на кнехт и вдруг понял, что ему сейчас предложили сюжет, достойный неуловимого смысла жизни.

И Влад уже скучал по рыбалке. И ушел в состоянии ожидания завтрашней рыбалки.

У ног Влада спали, утки, засунув для безопасности голову под крыло. Они никого и ничего не боялись. И похоже, этот зеленый помост тоже был им подарком.

И Влад подумал, что бы такое ему надеть. Чтобы не замерзнуть завтра, какую куртку, какие сапоги. И, размышляя о приятном, он благополучно дошел домой.

Утром, с поздним рассветом, Влад утепился и пошел к мостику.

Но там уже ничего не было. Ни помоста, ни травы. Одни утки плавали на освободившемся пространстве.

Рыбаки не пришли.

Наверное, они уже знали, что ночью позорные остатки съемок убрали. Руководство города гневалось, экологи уже выставили протестующий пикет.

Влад постоял немного на мостике. Он понял, что мгновение радости, случившееся с ним вчера, уплыло вместе с помостом с искусственной травой. И это сильно его огорчило. Он смотрел на уток внизу и надеялся, что они разделяют с ним эту горечь утраченного.

Ему очень хотелось в это верить.

И еще он вспомнил вчерашних рыбаков, общение с ними, простое и недвусмысленное, которого ему, Владу, так не хватало.

И казалось нормальным, что эти чужие люди прочитали о нем всё и, не осудив, пригласили на встречу. Которая, вроде, и не случилась, но это уже было не по их вине.

*Синяя тетрадь,
25 ноября 2020*

Знаки препинания

Она жила без знаков препинания. И использовала в своей этой странной жизни восторженный восклицательный знак. И поступки, и речь ее были скоростными до лихачества, речь – быстрой, схожей с лепетанием, порой мало осмысленным. Но, несмотря на эти внешние недостатки и отсутствие степенности, она была очень человеком надежным. И окружающие люди относились к ее метеорному состоянию, постоянного сбега, надрыва от этого сбега, все же с большим доверием.

Потому что ясная в ней доброта была притягательной. А на всегдашнее мелькание ее, появления и исчезновения, и шумное ликование при этом, восторжение, не оставляли в стороне. Человек, увидев ее однажды, был обречен на дальнейшие плохие и хорошие изменения в своей жизни. Не все хотели этого или стремились к общению с ней. Но её это интересовало мало, она втягивала людей в свой водоворот существования, и они, попадая туда, пропадали, или их выносило на другую широту и долготу низменных своих координат.

Она с утра до ночи носилась на своем спортивном «Порше» по городу, и собирала от людей «спасибо», как грибы. И с полным лукошком таких благодарностей, она, бывало,

засыпала прямо в машине.

Крепко и спокойно спала в неудобной позе, не придавая этому, ну никакого значения. Едва открыв глаза, она выпивала минеральной воды прямо из бутылки и ехала по своим делам нового наступившего дня, ненавидя при скорой своей езде каждый светофор лично, если он вдруг делался красной помехой в делах нового дня. Успешного, иначе и быть не могло.

Но сегодня, проснувшись как всегда – на заднем сиденье своей машины, она не сразу поняла, где она находится. А находилась она на штрафстоянке, куда её благополучно в ночи доставили эвакуатором. Накануне был какой-то вязкий день, и она, сильно устав, остановила машину где-то на окраине незнакомого ей места и уснула, накрывшись старой дубленкой, которая всегда валялась на заднем сиденье. И часто служила ей теплым одеялом.

Поскольку своего дома у нее еще не было, она снимала квартиру в центре, но как-то там не прижилось, и поэтому часто ночевала в чужих домах или в машине. Машины у нее было аж две. «Порше» – для удобства и джип – для поездок за город. Обе машины были похожи на авоськи.

В их салоны были напиханы все ее вещи. Здесь легко можно было переодеться, умыть лицо из бутылки воды и поесть сухариков или печенок, которые всегда находились тут же, в пакете, который удобно висел на крюке.

Но, однако, Ося, так звали ее, от слова «оса», наверное, и

за ее постоянное жужжание и желание передвигаться.

Итак, Ося проснулась на штрафстоянке.

Она резко встала и стремительно вышла из машины. И, не менее стремительно, налетела на охрану – как они посмели!

Надо сказать, что охранники испугались внезапному появлению этой пигалицы, которая размахивала перед ними своими мелкими кулачками.

Но, поскольку Осе стало быстро очень скучно, ей пора было ехать в свою жизнь, где её ждали люди, она безоговорочно оплатила все штрафы и, окрыленная свободой, пошла к своей машине.

А там уже стояли кругом местные автолюбители. Машина очень им приглянулась. Ося зарделась горделивостью и подошла.

– Нравится! – утвердила она настроение сборища. – Красавица.

И она, нырнув за руль, приветливо попрощалась нетерпеливым взмахом руки и укатила подальше от этих завистливых взглядов.

Но что-то было не так. Ося не могла никак сообразить, что такое случилось с нею, что в голове у нее вертелся неожиданный откуда родившийся вопрос – как это могло случиться с нею? Случившееся накрыло ее тревогой, к которой она не была привычной. Ося была смущена таким пустяком, что её не заметили в машине. Конечно, в машине было темно, и она с головой была укрыта уютной дубленкой. Но что-то

теребило и беспокоило Осю в случившемся в эту ночь.

Как можно было не заметить человека? Погрузить его, как мешок с картошкой. И увезти в незнакомом направлении. Сгрузить его почти в чистом поле, взять за это большие деньги. Еще не извиниться и наорать. И Ося вдруг расплакалась. Слезно и громко. Она ударила по тормозам, остановила «Порше» и оглянулась.

То, что увиделось, вызвало еще больший поток слез. Она стала плакать навзрыд. Будто впервые увидела салон своей машины в потертостях и грязи. На полу валялись замызганные пакеты и шкурка от банана. Заднее сиденье было в обертках от конфет, пол был засыпан очистками от арахиса. Орешки, которые она обожала грызть при езде.

В этой несурзости и сиротской заброшенности своей машины, она, как в зеркало, увидела себя. Она вдруг осознала, что, застряв там, на платной стоянке без денег, она бы осталась там навсегда. Никто бы не стал выкупать её. Все считали, что она богатейшая особа. Может, оно так и было, но Ося хорошо запомнила те несколько минут страха перед охранниками стоянки. Что было бы с ней, если бы она не нашла свой бумажник, который выпал из ее кармана, когда грузили подло на эвакуатор. Ося с ужасом шарила по полу машины, пока нащупала кошелек под сиденьем.

Да, эта находка стерла страх перед охраной, но Ося хорошо запомнила это противное состояние бездомной кошки.

Ося вздохнула, утерла слезы. И решила сегодня никуда и

ни к кому визитов не наносить.

– Домой! – приказала она «Порше».

Ося нажала на газ и объяснила машине:

– Да, знаю, знаю! Дома нет. Своего. Будет! Сегодня же займись! Куплю. Я тебе слово даю!

И опять через все эти прокриканные ею восклицательные знаки, Ося поняла, что это правильное решение, может первое и единственное, родил в ней страх. Страх перед возможной неожиданной эвакуацией.

Нужен был уже дом, где никто не посмеет сдернуть тебя с теплого места и вывезти тебя в чисто поле неодушевленным грузом.

Очень этого Осе не хотелось, и она сделала первый взрослый вывод из этого странного случая.

– Как это могло случиться со мной?

И это был первый в ее беспечной жизни знак препинания. Знак Вопроса.

*Синяя тетрадь,
22 декабря 2020*

Подкидывш

Женька никак не могла понять, откуда в ней гвоздем сидит эта досада. Все вроде бы прошло превосходно, всех она одарила своей щедростью, бодростью, радостью.

Она давно, очень давно, намечала эту поездку на первую свою родину, где много лет остались и живут семьями ее двоюродные и троюродные, к которым она почему-то хотела приехать победительницей, и получить реабилитацию, за свою странную, с их стороны, непутевую жизнь.

Перед отъездом она составила длинный список людей, которым была должна визит и подарок.

Ночь она ехала в пустом вагоне, не спала, но и пообщаться было не с кем. А так хотелось.

Под утро начали мелькать на маленьких станциях знакомые названия. Она удивилась тому, как на рассвете поезд долго ехал меж перелесками и полями, промелькнуло красивое светлое озеро, все в камышах. Вода в нем была чуть розовой от рассвета. И на эти десятки километров не увиделось ею ни одного жилья, ни одного человека.

Полный простор и дивный, не оскорбленный присутствием людей, пейзаж.

Ее встречали как знаменитость. Все родственники стояли на платформе и с горячим любопытством ждали ее схода со

ступенек.

И она сразу почувствовала, как одинаково, блиц-скоростно, были увидены и её морщины, и ее длинное итальянское пальто.

Ей почему-то сразу захотелось вернуться в вагон. Но было некуда отступить.

Братья подхватили ее под руку, нырнули в вагон за ее многочисленными чемоданами и сумками.

Ее шумно окружили, целовали в щеки и повели к машине. Она села с кузеном и его женой, и они поехали.

Потом случилось невероятное. Неделю её катали из дома в дом, усаживали за стол и все спрашивали о чем-то, не слушая при этом ответов.

Она сидела за одинаково накрытыми столами и жевала салатные листы. Чем огорчила всех. Никто не знал о её вегетарианстве.

А еще главной причиной ее визита в этот город был только что вышедший сборник ее рассказов. Он выглядел очень скромно и, подписывая его очередному родственнику, Женька ясно понимала, что ждут от нее совсем не этого, и что не будут прочитаны ее рассказы никогда.

Кузен, даже чуть бравируя, сказал, что отвык читать бумажные книги, но обещал сделать усилие.

– А почему ты не сделала в электронном виде? – посожалел он.

Но тут же забыл о книге и задал главный для всех вопрос.

– Тебя он содержит все еще? Ну, молодец.

Это он восхищался бывшим мужем, крутым и богатым, с которым она только что развелась. Сделала такую глупость – все судили именно так ее непристойное поведение.

Она всем этим людям была интересна и привлекательна только своим очередным срывом в жизни. Такого мужчину не удержала. Горемыка. Была неумеха, нелепая такая, такой и осталась.

Но она нравилась им теперь больше, потому что не вызывала зависти, которой терзались они, пока она там, в столице, жила почему-то в роскошном доме, вращалась на верхо-турном элитном уровне.

А теперь, вот книжицу кому-то привезла. Лучше бы мужа своего знаменитого. Он бы написал им заветный автограф на обоях в каждой гостиной.

Женька, когда ехала сюда, думалось ей, что погостит месяц-другой. Она скучала по этим людям, с которыми вместе прожила первую половину жизни. А случилось неожиданное – Женька резко встала из-за стола с красивыми салатами, вышла в прихожую.

И уже через минуту она садилась в такси.

– На вокзал, – приказала.

Глядя на знакомый и совсем неродной город, она вдруг поняла чем так оскорблена, и щека ее, почему-то одна, горела как от пощечины.

Еще сидя за столом, Женька увидела, как только что под-

писанная ею книжка была брошена женой брата на компьютерный стол, но не задержалась на полированной его поверхности, а упала с него на пол.

– Потом достану, сейчас все за стол, – увела ее от этого зрелища жена брата.

Женька скромно тогда, как бы не заметила этого, но щека ее правая вспыхнула именно тогда.

Пришлось сесть за стол. Её сильно зажали охочие повидаться какие-то люди. Она никого почти не узнавала. А может, и не хотела никого узнавать.

И вот она ехала на такси на вокзал. Она уедет домой ближайшим поездом. Хорошо главную свою сумку она всегда носила с собой. И уедет со счастьем.

Вот только одно ее огорчало, она все слушала этот звук шлепка упавший за стол ее книжки.

Женьке вдруг стало невыносимо жаль эту книжицу. Лежит там под чужим столом. Как подкидыш. Подкидыш и есть. И когда о ней вспомнят, и обнаружат разве при генеральной уборке. А найдут, все равно читать не станут. И Женька поняла, что реабилитация себя, за которой она ездила в свою прошлую жизнь, не случилась.

И не случится уже никогда.

Женька, выйдя из такси и направляясь к кассе за билетом, вдруг подумала, что не зря произвела этот вояж, теперь она хорошо знает, что скучать и виниться не перед кем и не за что. Еще она подумала, надо было бы позвонить брату и ска-

зять, что она уезжает.

Но звонить Женька не стала. Она вдруг почувствовала себя той книжкой, которую так небрежно бросили на стол. Под стол. И когда о ней вспомнят – не знамо.

И Женька не стала звонить. Никому.

А за столом родные не сразу обнаружили ее уход. А заметив, испугались чуть, но кто-то объяснил охотно и понятно:

– Устала с дороги, отдохнуть надо.

– А ключи, у нее есть ключи?

– Есть у нее ключи. Не потеряется. Позвонит.

И шумное застолье продолжалось.

А местный знакомый песик дожевывал под столом книжицу. Жевал спокойно, будто понимал, что не будет за это наказан.

*Синяя тетрадь,
25 декабря 2020*

Сказка

Оля знала всегда, что для исполнения жизни ее в удовольствии, ей нужно было крутое мужское плечо. И чуточку чьей-то виноватости. Желательно, обладателя этого же плеча, которое приютило бы оконфуженное чем-то Олино личико. Прижать плотно жадно, в ключину этого плеча, и оно сразу впряжено, как конь, и будет тащить все неприятные отчаянности и слезы от нее.

Но плеча этого, с удобной ключиной, Оля так и не встретила. Мужчины всё попадались хлипкие, тихие и какие-то вполне равнодушные. Мужчин в окружении достойных не было, но виноваты в этом были все.

С утра Ольга вставала не с той ноги, мрачно смотрела в окно, где уже орали дети, которых вели в детский сад, а они этого не хотели. Напившись невкусного чая, съев постный бутерброд, Ольга вышла из дома, чтобы начать свой трудовой день – такой же скучный и невкусный, как её завтрак.

А работала Ольга в библиотеке. Библиотека эта, хоть и носила титул городской, и имя великого поэта, но адрес её был окраинный, далекий.

Читателей здесь было безнадежно мало, она удручала Ольгу каким-то своим заброшенным сиротством, и Ольга нашла это заброшенное обшарпанное здание, как себя. И са-

ма подставляла библиотеке, как силачка, свое острое плечо, агитируя новых читателей, приводя почти за руку новых людей. Она дозванивалась местным и дальним знаменитостям, приглашая их на встречу с читателями. Выбивала деньги из начальства на оплату этих встреч. Знаменитости приходили на встречу, а читатели – не всегда.

Сегодняшний день должен быть рядовым. В читальном зале стояла затхлая какая-то тишина. Ольга включила кондиционер, чтобы прогнать и тишину и затхлость.

Вдруг она за первым столом увидела стриженную голову читателя, который пришел как-то раньше неё. Надо же.

Помощница поздоровалась с Ольгой тихо и сказала:

– С открытия сидит, знаете с чем? Сказки Андерсена попросил. Смешной такой..

Оля посмотрела на читателя. За столом сидел молодой и крепкий мужчина и напряженно читал.

Ольга была заинтригована. Ей было не совсем понятно, что такой сильный и современный, крутой и смелый мужчина читает сказки.

Она подошла и вдруг неожиданно спросила:

– Вам все понятно?

Парень очень даже обрадовался её вопросу.

– Ой, ничего не понятно, – честно признался он. – Вот она сказала мне – читай «Голого короля». Прочел. И что? Я-то здесь при чем?

Ольга, совершенно заинтригованная, выслушала напори-

стый и шумный монолог читателя.

– Я ей – руку и сердце. А она отказала и не объяснила почему. Причина, говорит, тебе никто не скажет что «король голый». Это я-то голый? У меня все есть, и даже в кубе. Я ей – все, что захочет. Вот даже позорно в библиотеку пришел, будто не мог в планшете прочесть. Нет! Другое впечатление – это она говорит. Не вижу связи. Король-то голый, а я при чем, – он все шумел, Ольга его не одергивала, все равно читателей, кроме этого качка, не было. Ольга даже пыталась объяснить ему суть сказки.

Но тот был обижен, захлопнул книжку, сдал ее и убежал из зала.

Ольга сидела в размышлениях о том, что где-то была женщина, у которой хватило ума и мужества отказать такому вот плечистому красавцу. Да еще и состоятельному. Ей вспомнились широкие плечи парня, и она примерила их к себе. Так и упала во впадинку предплечья лицом. Ох, даже дух захватило!

А Андерсена она бы ему прочитала бы сама. Хотя, о «голом короле» она умолчала бы.

И тоже не посмела бы сказать этому, уверенному в своей правоте по жизни человеку, что король-то – голый.

И еще ей подумалось о том, кто она, эта достойная тетка, которой важнее важного, чтобы ее избранник читал сказки, да еще в зале читальном библиотеки.

И ведь прочитал. Дело за малым. Понять и признать. И

вдруг Ольга почувствовала себя виноватой, что не объяснила этому пришедшему к ней человеку смысл претензий его девушки. Объяснить, почему он видится ей голым. Именно ей, его избраннице.

Сказать ему простые слова, доходчивые и мирные. Но она пыталась найти эти слова, которые он услышал бы и понял. И не находила их. Все сводилось к одному – она согласилась с незнакомой ей избранницей плечистого клиента.

Ему, действительно, никто не скажет «король голый», потому что никто из его окружения не читал никаких сказок. А если кто и читал, то не осмелится, видя его широкие плечи и непонимание слов в настороженных глазах.

Ольга вздохнула. Поставила томик на нужную полку, и опять ее накрыло желание прижаться лицом к этому мощному плечу и забыть обо всем на свете. Даже об умных сказках.

Она долго оставалась в этот день на работе. Вышла когда уже были густые сумерки, и Ольга почему-то пошла пешком. Спешить ей было не к кому и некуда, а пешком – это и полезно, и время съедается. А с ним – и пустые ожидания чего-то абстрактного и оторванного от всех привычных сутей здешней жизни.

Она вышла на центральную улицу, остановилась на светофоре, решая – идти дальше пешком или сесть в какой-нибудь маршрутный автобус. Зажегся зеленый, и она уже ступила на зебру, как вдруг перед собой рядом увидела, за стеклом высокого какого-то автомобиля, своего сегодняшнего чита-

теля. Рядом с ним сидела девушка в темной челке и очках. Она внимательно слушала, что ей говорил плечистый сосед, слушала серьезно так, не улыбаясь. А плечистик все говорил, говорил. И был взволнован, будто экзамен сдавал.

Ольга невольно улыбнулась серьезности этой парочки в авто. И поняла, что мужчина экзамен сдал. Судя, как окунула лицо в букет белоснежных роз, она сдерживала изо всех сил свое счастливое сияние и согласие на все, что случится с ними.

Ольга пропустила машину с парочкой счастливцев и, дождавшись своего зеленого, пошла на остановку. Ей захотелось скорее домой. Она решила сегодня не лениться и заварить себе настоящий чай, а не из пакетиков.

А еще она приготовит свои любимые сдобные булочки. Маленькие и кругленькие. И знатно поужинает. А может, на аромат ванили заглянет Игорь Степанович, который давно находит любой предлог для визита в ее дом. Но она как-то не привечала его. Он был тощ, хил и не очень умен. И росточка очень среднего. Но он любил её булочки, и они могли подолгу беседовать вечерами. А когда сидишь в слабоосвещенной кухне, в низких удобных креслах, то совсем не зрится какие у кого плечи. А лицо Ольга ретушировала мягким светом кухонных бра, и все недостатки его таяли, как и сладкие булочки во рту.

Впрочем, Игорь Степанович не обращал внимания на такие пустяки. Ольга зачем-то рассказала ему о читателе сего-

дняшнем, плечистом и странном.

Игорь Степанович понял все с полуслова. И они долго смеялись над глуповатой нынешней молодежью.

Только о счастливом финале в высоком автомобиле Ольга почему-то умолчала. Ей показалось, что этот финал для их отношений с Игорем Степановичем как-то неуместен.

*Синяя тетрадь,
28 декабря 2020*

Протест

У него было странное, «трамплинное» лицо. Короткий нос, и еще больше коротенький подбородок, стремительно превращались в длинную, очень толстую, белую шею – и лицо от этого было похоже на лыжный трамплин.

Человек он был тяжелый – и характером, и телом. Очень требовательный был к этому миру, к людям в нем. Ну, очень уж они ему не нравились своим тотальным невежеством, и ленью.

Сам же Лев Антонович был тружеником. Он был главным редактором толстого, когда-то, журнала.

Журнальчик изменил формат и тираж. Но дружный коллектив его, под руководством Льва Антоновича, не сдавался, толстел и лихо критиковал плохую жизнь незрелой политической части населения.

– Нерв! Обнаженный нерв – найти! Написать об этом, и все сплотятся вокруг нас.

Какой нерв, у кого найти, он коллективу не объяснял, но коллектив сам тащил эпатажные страницы, сочиненные за ночь у компьютера. Главное – чтобы шеф прочитал и был доволен.

Но это случалось редко. Лев Антонович всегда был всеми недоволен и гневлив. Но коллектив к этой его исполнитель-

ской манере уже привык и чутко угадывал, что нужно положить шефу на стол. И главное – при этом быстро уйти. А потом всё образуется.

Сегодня утром всё было как обычно. Секретарь Ксюша подготовила всех на совещание. Все явились. Не было только Льва Анатольевича.

Все сидели больше часа и мирно беседовали в ожидании начальника. Все знали, что он где-то наверху выбивает очередной бонус для журнала. А там сразу быстро не получится.

Наконец раздались торопливые шаги, и влетел довольный, с улыбкой удачливого человека, Лев Антонович.

– Ребята! Все просто! Она подписала все. Я ничего не понял, правда. Ни одного вопроса. Ничего не спросила. Даже не посмотрела на меня. Раз! И мы в победителях.

Лев Антонович с легкостью раскурил свою любимую сигару, скинул свой фирменный пиджак. И тут коллектив безбоязненно рассмеялся. Девицы опустили глаза, но тоже, стусевавшись, хихикали.

Лев Антонович ходил с сигарой во рту, жестикулировал и восхищенно рассказывал о своем главном визите.

Увидев довольные и смеющиеся лица подчиненных, он милостливо разрешил идти домой.

– Отпразднуйте нашу победу! Но завтра – сюда! Утром – без опозданий.

Коллектив дружно смылся, и в коридоре долго еще слышался чей-то смех.

Лев Антонович тоже стал собираться домой. Он сегодня – победитель. Правда, его чуточку настораживало, что шефиня чуть ли не сразу выставила его. Обычно, она въедливо и долго расспрашивала, зачем и кому нужны деньги. А сегодня, только увидела его, разом все подписала. Знает, наверное, о его заслугах, о нужной эпатажности журнала, любимого журнала большинства передового читателя.

– Ксения, сделайте мне чаю, – сказал он секретарю. – И позвоните моей жене. Пусть заедет за мной. Сюда. Ничего не успеваю.

Ксюша ушла, а он скатил свое толстое тело из кресла на кабинетный диван.

И тут он увидел незастегнутый напрочь гультфик, и торчащие, красным в цветочек клинышком, его трусы. Лев Антонович не веря своим глазам в испуге быстро прокрутил светскую хронику всего сегодняшнего дня. И обмер, и весь покрылся липкой испариной. Он мысленно отследил весь свой маршрут и схватился за кудрявую свою голову. И надо же, никто за весь день не сказал ему об этой неловкости. Не намекнули даже. Он и проходил с этим позорным клочком в цветочек по всем инстанциям нужных ему людей.

Он зло дернул молнию, застегнул штаны и пошел к секретарю.

– Почему не сказали? Даже не намекнули?

Ксюша растерянно хлопала глупыми ресницами.

– Я думала, что это вы в знак протеста, – лепетала она.

Лев Антонович ринулся в коллектив, к самому старому своему приятелю.

– Ты почему не сказал? Не узрел? – тихо поинтересовался он.

– Узрел! Но я думал, что это в знак протеста.

Лев Антонович был вне себя от этой глупости. Но потом он сел на стул, спокойно подумал о случившемся, и вдруг понял, почему там, в верхнем кабинете, ему подписали все бумаги согласием. Она тоже, наверное, узрела в красном флажке, торчащем из штанов, какой-то протест. Или это зрелище вызвало неловкость у начальницы. И все таки, Лев Антонович был склонен думать, что и наверху увидели в этом случае форму наглого его протеста.

Тут за ним приехала жена. И, выходя с работы и садясь в машину, Лев Антонович решил сегодняшней конфуз взять на заметку.

«Протест – так протест», – хмыкнул он, сильно довольный таким поворотом конфуза в свою пользу.

«Надо будет над этим подумать», – призвал он себя. И уехал на очередное телевизионное шоу.

Боялся он только одного, что жена не одобрит такой способ протеста. Она была у него традиционно-ценностной женщиной. Лев Антонович был неглуп в молодости. Знал, кого выбирал.

Синяя тетрадь,

28 декабря 2020

Круговерть

Она боялась по утрам его ухода из дома. Перед тем, как захлопнуть за собой дверь, он, будучи в постоянном утреннем своем раздражении, мог сказать ей «дура ты бесконечная» или что-то в этом роде – и уходил.

А она с этим должна была прожить день. Почему «дура» и почему «бесконечная» – она думала об этом. Мысли эти сильно горчили. Но самое трогательное в этих отношениях было то, что она маялась от тяжелого его посыла. А он забывал об оскорбительно сказанном тут же за порогом. Она не сразу поняла эту его особенность, хотела приучиться не обращать внимания, но ей не удавалось.

Когда однажды он, уходя из дома на службу, опять бросил в ее адрес обидные какие-то словечки, она вразумила его в раз сильным пинком, да таким сильным, что он едва устоял, но ключи от машины выронил – и они исчезли в глубоком лестничном пролете, тихо звякнув где-то внизу.

Муж оторопел, но высказаться ему было уже некому. Люда захлопнула дверь. Потерев ушиб, Аркадий стремительно рванул вниз за ключами, забыв о пинке тихой своей жены. Нужно было искать ключи.

Он мигом пролетел все двенадцать этажей. Замер на площадке первого. Ключей здесь не было. Аркадий, нагнув-

шись, чуть ли не руками обшарил всю площадку, но ключи не находились. Аркадий чертыхнулся и, делать было нечего, побежал на маршрутку.

Целый день получился мрачным и пустым. Работа не клеилась. Аркадий позвонил жене, чтобы та вышла и поискала брелок с ключами.

Но Люда не взяла трубку. Она была в унылых раздумьях о том, что Аркадий сильно был унижен ее пинком, и не простит, и не придет домой. И вообще, эти отношения могут легко обозначить развод.

Люда переживала сильно, но к телефону не подходила. Боялась гнева мужа.

Удивилась, увидев машину у дома. Очень удивилась. Что могло случиться?

Весь день она тревожилась приходом Аркадия, а Аркадий, едва отсидев, как срок, свой рабочий день, помчался домой.

Нужно было найти ключи.

Застав дома жену, он спросил, сдерживая любопытство:
– Что это было утром?

Людмила, которой очень хотелось наорать, тихо сказала:
– Я – не дура...

– ... Бесконечная, – ничуть не раскаивался Аркадий.

Потом они, тихо переругиваясь, искали брелок с ключами. Даже позвонили в квартиры на площадке, опросили дворника, но, увы, ключи пропали.

Унылые, они вернулись домой. Аркадий был зол, Людмила плакала. Она понимала, что муж был таки прав. Она и была, и есть «дура бесконечная». И что теперь будет с ключами? Они были не продублированы. И в машину было не попасть.

Супруги легли спать раздельно.

Людмила лежала и думала, что она бы всё отдала, чтобы найти эти ключи. Но где? Куда они улетели?

Аркадий лежал и думал, какая его Людмила дура бесконечная. Оба молчали.

А в квартире несколькими этажами ниже не спала еще одна парочка. Огромный тяжелый дядька вертел на толстом пальце брелок с ключами и орал.

– Откуда у тебя ключи от машины? Кто тебе ее подарил? Где поставила? Говори!

Жена обнаружила ключи в своей большой хозяйственной сумке, когда пришла из супермаркета с пакетами снеди.

Когда она освобождала от них сумку, то увидела незнакомый брелок с ключами. Она сильно удивилась и пошла к мужу, узнать не его ли это ключи.

И получился скандал. На две семьи, по одному и тому же поводу.

Утром Аркадий вызвал мастера, чтобы тот открыл машину.

А из парадной вышел разгневанный муж и, далеко не отходя, размахнулся посильнее и швырнул брелок в кусты. По-

дальше. Но, наверное, нажал на кнопку сигнализации. И она сработала. Аркашина машина сработала и радостно завопила.

Аркаша, не веря своим ушам, выглянул в окно. Так и есть, орала его «КІА».

Он кубарем скатился с лестницы и тут столкнулся с обалдевшим от приключений толстым соседом.

Аркадий подбежал к машине, попытался ее открыть. Тут сосед что-то начал соображать. И подошел с вопросом.

– Вы теряли ключи?

Аркадий кивнул. И тут оба мужика запрыгнули в ближайший кустарник и стали дружно искать заброшенные сюда, по слепой гневливости, ключи. И они нашлись. Они повисли на ветке шиповника, как на новогодней елке.

Аркадий схватил их и побежал к машине.

Успокоенный и притихший слегка, толстяк пошел к жене, желая всё-таки уточнить, как попали в её сумку ключи от чужой машины.

– С неба упали, что ли?

Жене было нечего ответить, кроме как:

– Может, и с неба.

А повеселевший Аркадий следующим утром, уходя на работу, хотел воздержаться от грубого раздражения, но, поцеловав жену в щечку, не сдержался и прошептал ей на ушко:

– Дурочка ты моя, бесценная, – и покрепче зажал ключи в кармане пиджака. На всякий случай.

И Людмила впервые не оскорбилась, и даже не обиделась.

Толстый сосед извинился перед женой. Но сомнения всё еще одолевали его.

Ну как ключи с двенадцатого этажа упав, попали точно в сумку его жены? Это казалось ему маловероятным.

А жена его в это время лежала с закрытыми глазами, будто спит, и думала: «Жаль, что всё так просто разгадалось».

Тривиально и скучно. Ей было бы интереснее не знать и не понимать явление с этими ключами. Тайна – она всегда притягательней.

*Синяя тетрадь,
29 декабря 2020*

Неблагодарный

Он даже не знал о себе, пока не услышал:

– Неблагодарный.

А когда услышал этот приговор в дватый раз, и от близких, и от дальних, задумался об этом.

В чем была эта его неблагодарность? В том, что в его лексиконе не присутствовало слово «спасибо». Но у него ни разу не возникало желания произносить его впустую.

И кому было говорить «благодарю», когда только и слышен грубый или приказной тон, или отказ в доверии, в самой неизысканной форме.

Он давно ушел из дома, от вечно поучавших его ором родителей.

И с братом не общался лишний раз, чтобы не видеть вечный мрак на его братском лице.

И женился он рано, думая, что уж в его доме все будет по-другому. Ан нет.

Недовольная жена, униженная бытом, дети, которых он, путая, так и не выучил, кто из них кто. Понятно, это требовало определенного усилия – они ведь были близнецы, но жена почему-то обижалась, когда он их путал.

У него была странная и постыдная мечта – сидеть в баре. Сесть там и навсегда, заняться любимым делом – молча на-

блюдать за суетой жизни всех посетителей. И бара, и улицу было хорошо видно, если сесть у окна.

Он никогда не пил, заказывая себе кофе, оплачивая его, как за коньяк и получая разрешение от бармена, спокойно себе сидеть и разглядывать всё, хоть и внимательно, но отчужденно.

Это было любимым его занятием, и он последние десять лет, каждый свободный день и выходные – просиживал в баре. Он менял очередность баров, у него были любимые места в них, любимые бармены, которые приветливо несли ему его заветную чашку стоимостью с бутылку коньяка, и больше не смотрели в его сторону, относились к нему, как к стулу у стойки.

Дмитрий даже немного стыдился своей привязанности к бару. Трудно объяснить, на самом деле, притягательность их для него, совсем непьющего человека.

Более того, когда пришло время жениться, потому что невеста была на сносях, из ЗАГСа сразу ушел в бар. Это было единственным жестким условием его женитьбы. Родственники пытались было возмутиться, но он смешно возразил, что пойдет в бар сразу, до ЗАГСа. Родственники гневно замолчали.

– Неблагодарный, – услышал он тогда так часто, как отказался от позывного «горько» на отвергнутой им свадьбе.

Все обошлось. Он сидел тогда в своем любимом баре и немного горевал о потерянной свободе, о будущих детях.

Думал об этом без всякой радости и жизненного тонусного подъема. Ничего его в тот день не радовало – он впервые заметил, что в баре не было семейных пар. Влюблённые иногда, и редко, мелькали, а так, в основном, ищущие все свое и приключений, мужчины и женщины.

Дмитрий уже давно отслеживал и узнавал отношения этих недолговечных парочек. Чувствовал на расстоянии все их нюансы краткосрочных отношений, о которых Дмитрий теперь мог только мечтать. И он остался в первую семейную свою ночь в баре. Беседовал с мужчинами о политике, Америке и почему-то Литве. Хотя он никогда не был ни в той, ни в другой стране. Но ему было интересно, и домой он пришел только под утро. Пришел трезвый и это отвело от него словесный скандал.

– Неблагодарный, – только и сказала ему заспанная мать жены. Но ему было все равно, и оскорбленные его неблагодарностью родственники уехали тут же утром.

Он вздохнул с радостным облегчением. И поскольку это было воскресенье, пошел в бар.

Его бодрило здесь всё. И добреющие от выпитого улыбающиеся лица. И хмурый уставший бармен, по губам которого он узнавал название коктейлей или сорт пива.

Вереница, слепая, постоянная, лиц непонятным образом укрощала в нем весь негатив, всякое раздражение к пустякам.

Здесь Дмитрий чувствовал причастность к жизни. Разно-

образии ее воодушевляло его и успокаивало. Здесь он узнавал от посетителей одни и те же новости, только в разной интерпретации, аранжировке, можно сказать. А лица, дополнительно промелькнувшие за окнами, казались ему загадочными, и после исчезновения их из поля зрения, Дмитрий еще долго думал о возможной их жизни и ее вариациях.

Иногда, сидя в баре, он подумывал и о себе. Почему так жалко живется ему там, вне бара.

Его работа, хоть и была хорошо оплачиваемой, но не любимой, жена была, хоть и любимой, но ее было как-то много и громко. И он никогда не говорил ей слова благодарности, она бы их просто не услышала. Она жила с телефоном в руке, вела блог матери близнецов и была в этом деле большим докой и хлопотуньей. Дмитрий понял это сразу и не приставал к жене ни с какими пошлыми любезностями и благодарностями. Он ей, как бармену, поднимал руку, приходя или уходя из дома. И она равнодушно поднимала руку, в которой не было телефона.

И ничего другого уже не могло произойти в их жизни, которую дополнительно украшали и цементировали милые близняшки. Впрочем, они тоже полны были своих интересов, и им было уже как-то не до родителей.

И это Дмитрия радовало, и он мог не спешить покидать бар. Наслаждался тем, что никому нет до него дела, а ему не нужно говорить поспешно-приличные слова благодарности.

И это добавляло Дмитриной стати какой-то пригодности.

Но все оборвалось странным и малопонятным образом.

Когда он пришел, то бармен Петя подозвал его к себе.

– Слушай, здесь такое дело, ты не ходи сюда больше. Ты вызываешь подозрение у определенных людей.

Дмитрий не понял.

И тогда Петя пояснил:

– Думают, что ты филёр, следишь. Прибьют ненароком на всякий случай. А кстати, я и сам в тревоге, зачем ты все сидишь, сидишь. Так что побереги свою жизнь, – Петя повернулся резко к нему спиной.

И тут из Дмитрия выпрыгнуло непроизносимое им слово.

– Спасибо, спасибо.

И он как-то даже испугался своего страха и этого слова.

В другие бары Дмитрий не пошел и вовсе. Он потерял к ним всякий интерес.

И более того, он с ужасом увидел и здешнюю нелюбезную публику, и грязь на полу, и мокрые разводы на столе.

И окно, в которое он любил рассматривать прохожих, показалось ему грязным и мутным.

Дмитрий, выскочив из бара, все шел, шел по улице и не мог остановиться, проходя мимо, мимо зовущих знакомых вывесок баров, к которым его так тянуло. Где было так спокойно всегда, и казалось, проза жизни, плесневелая и злая, не достанет.

Достала. Куда же было идти?

Конечно, он пошел домой.

Жена удивленно вскинула бровь, но подала ему в коридоре домашние тапочки и удалилась с телефоном.

– Спасибо, – сказал Дмитрий в спину удалявшейся жене и заметил про себя, что ему удобно говорить это слово. И он, запев речитативом это «спасибо» на все тональности и лады, нагнал жену в конце длинного коридора и пропел ей прямо в ухо слово благодарности.

И Дмитрий вдруг понял, что никогда больше не пойдет в бар, а будет дома. Ему стало приятно быть первооткрывателем темы благодарности в себе. Старая блажь сбежала, уступив новой. Но Дмитрий надеялся, что это вовсе и не блажь, а навсегда.

*Синяя тетрадь,
2 января 2021*

Невесомость

Сначала он смотрел на себя как на космонавта, который обнаружил вдруг себя в состоянии невесомости.

Он чувствовал, будто тяжеленные гири вечных обязательств отстегнулись от ног, и он стартовал в эту самую невесомость, где был одинок и свободен.

Леонид радовался этому новому в себе состоянию, хотя было немножко стыдно за жалкий свой отъезд, можно сказать побег, от своей большой любви, которую звали Катей, в которую он был влюблен чуть ли ни с первого класса, и к ногам которой намеревался сложить всю свою жизнь.

Оно бы может так и случилось, но Леониду пришлось уехать в другой город, он поступил в аспирантуру. И сначала подлой этой разлуки, он каждый день звонил, а то и не один раз, слал послания, и действительно скучал по Катерине, он даже подыскивал квартиру, чтобы снять и призвать её к себе.

Но как-то так случилось, что квартиру он снял и дешево, и в центре города, но когда он в первое утро проснулся в ней, он был полон каких-то новых ощущений, невнятных, непривычных, но очень приятных почему-то.

Во-первых, он проснулся очень ранним утром. За окошком свиристела тонюсеньким голоском птичка, будто призы-

вала его открыть поскорее глаза и увидеть рассвет.

А он был розовый и добрый. В маленьком облаке застрял веселым спектром луч встававшего над городом солнца.

Зрелище было настолько необычным, вернее забытым. Такой рассвет он видел в далеком детстве у моря. Но как-то это тогда было не так отдельно красиво. И быстро позабылось. Леонид стоял у открытого окна, смотрел, наслаждался и даже подсвистнул птичке. Устроил им короткую переключку.

Зазвонил телефон, и Леонид, с сожалением отрываясь от всего утреннего великолепия, пошел на его избитый и пошлый музыкальный сигнал.

Звонила Катя. Хоть и это было не ее время. Она любила поспать.

«Может случилось что-то?» – подумалось Леониду. И он вдруг отошел от телефона подальше, не включился в привычную связь, а пошел в ванную, потом на кухню, сварил себе кофе. Телефон звонил несколько раз. Потом стали звякать сообщения.

Вот тогда и почувствовал Леонид себя космонавтом.

Ему вдруг хорошо стало в этой милой квартирке с рассветом в окне. Он вдруг очаровался необыкновенным состоянием покоя и отрешенности от всего, с чем связывал его неумолкающий аппарат. Он включил автоответчик и стал пить кофе из чужой чашки.

– Вот сейчас пойду и куплю себе чашку, – легко решил

он. И легко пошел и купил.

Пока он ходил в посудную лавку, выбирая себе чашку, он вдруг осознал, что совсем не думает о Кате, о городке, в котором она осталась. Ни о ком, даже о родителях. Ему было хорошо одному в этой новой невесомости свободы.

И он не скрывал этой своей распутной и нелегальной радости, зашёл и купил себе новый телефон.

Ну, совсем новый. Номер которого он решил никому не сообщать, а если, то с большой осторожностью.

Он старался не вспоминать ни о ком, и ему это очень даже удавалось, более того, он заметил умничку-красавицу девушку, которая шла с ним к университету.

Еще минута, и он заговорил бы с ней. Но она с кем-то остановилась, но Леонид был рад этой новой готовности догнать незнакомку и сделать её знакомкой.

Леонид все еще настороженно прислушивался к этой новизне в себе, но день прошел стремительно и легко.

Леонид приехал домой только к вечеру. Посмотрел пропущенные звонки. Их было полста. Он не стал уточнять от кого. Ему это казалось уже скучным.

И вдруг, как бы сам в голове определился вопрос: «А так можно было поступить? Раньше?»

И тут же высветилось на закатном солнце – «Можно».

Леонид созерцал закат из кухонного окна. И ему подумалось еще, как удачно, что в квартире окна на две стороны...

Две стороны – это всегда удобно.

А родителям он позвонит потом, и скажет, что у него все нормально, всё путем.

До других Леониду дела не было никакого. Он и представить не мог, что Катя уже ехала к нему, не зная адреса, нужного телефона, но твердо ведая, что она его найдет. Ей, по крайней мере, очень этого хотелось.

Еще Катя знала, что с Леонидом случилось что-то плохое и невообразимое. Она ехала его спасать. И спасет, если достигнет такой же невообразимой невесомости.

Билет, по крайней мере, она взяла в одну сторону.

Леонид ещё не знал о высоком порыве Кати, он сидел на кухне, пил что-то из новой своей чашки и прикрывал слабое чувство вины красотой уходящего в закат солнца.

И уже с тихим восторгом ожидал утра и возвращения Светила. И обязательно птахино свистание, на которое он обязательно откликнется своим. И это будет уже завтра.

*Синяя тетрадь,
4 января 2021*

Почему не лаяла собака

/рождественский рассказ/

Был долгий зимний вечер, и было скучно. Никуда не хотелось, выюжило там сильно, ноутбук надоел, с его паскудным характером и гонорливостью, желанием взять за шкиряк и не отпускать. За это он был закрыт и брошен в угол, и чуть не упал за диван. Рита никак на это не отреагировала, а накинув куртку с капюшоном, зачем-то вышла на балкон. Подышать, а еще побросать снежками в прохожих. Ей нравилось, когда от удара слетала шапка у жертвы, и он, ничего не понимая, настороженно оглядывался вокруг, но никто никогда не смотрел наверх, и Рита даже не пряталась, а загребала снег с перил, лепила уже следующий снежок.

Но и это надоело. И очень быстро. Рита вернулась в теплый свой дом, пошла в прихожую снять куртку, как услышала, что кто-то постучал в дверь. Очень тихо и робко.

Она подошла, прислушалась. Постучали опять, очень осторожно.

– Кто там? – гаркнула Ритка, как можно громче.

За дверью была тишина.

Ритка глянула в глазок и никого не увидела. Между тем, в дверь явно стучали.

Ритка ушла в комнату, но немного испугалась необъясни-

мому стуку.

Стук прекратился, но сразу же раздался звонок.

Ритка в глазок увидела лицо незнакомого мужчины, который приветливо помахал ей рукой.

– Откройте, пожалуйста, это ваш сосед.

Ритка открывать не спешила, а довольно грубо спросила:

– Что надо?

– Это ваша собака, стучит нам в дверь.

– Нет у меня никакой собаки, – Рита решила ни за что не поддаваться на провокации.

– И чья же это собака?

Рита глянула в глазок, но опять никакой собаки не увидела. О чем и сказала соседу.

– Конечно не увидите, она низенькая. По-моему, такса.

Ритка, наконец, сдалась и приоткрыла дверь до длины цепочки.

И правда, такса тут же просунула морду в эту щель и почти сразу просочилась в квартиру. Она была рыжая с очень длинными ушами и хвостом – широким как у бобра.

– Ты куда? – растерялась Рита. Но такса исчезла на кухне.

– Но это не моя собака, – сказала в щелку соседу Рита.

– А непохоже, – сосед, успокоившись, что собака нашла свой дом, ушел к себе.

– Спасибо бы сказала, – проворчал он недовольно в адрес Риты.

Рита захлопнула дверь и прошла на кухню. Такса лежа-

ла у батареи, видно, отогревалась. Она не поднялась, только отбарабанила широким хвостом торжественную дробь радости.

И услышав, как она стучит об пол хвостом, Рита поняла, что она и в дверь стучала именно таким способом. Видно, хозяин научил, а может, и сама догадалась.

Рита к собакам относилась спокойно, никогда даже не пыталась завести у себя дома никакую животинку. А тут – на тебе, целая собака, в ошейнике и знающая азбуку Морзе, которую выстукивала хвостом.

Собака казалась очень приветливой, была упитанной, гладкой такой, что было понятно, что она, если и потерялась, то недавно.

Рита догадалась налить собаке воды в плошку, которую потом не жалко будет выбросить. И предложила ей сосиску холодную, прямо из холодильника.

И то и другое псина проигнорировала, она будто приклеилась к теплу батареи. И вскоре уснула, забавно похрапывая и дергая лапками, во сне явно кого-то догоняя.

Рита отошла к себе в комнату и стала думать, что делать с этим подкидышем. Скорее всего, собака потерялась, и её ищут. Но как она добралась к Рите на девятый этаж?

Рита стала планировать свой завтрашний день, включая собаку. Понятно, с ней надо погулять утром. А для этого нужен поводок. Рита быстро нашла в шкафу длинный ремешок от собственных брюк.

«На утро обойдется. А днем заеду в магазин, куплю шлейку и миску какую-нибудь».

Рита стала весело думать о завтрашних хлопотах. С работы, по такому случаю, придется отпроситься. И еще, нужна подстилка. Хотя, есть старый меховой жилет. Рита нашла жилет и положила к батарее в коридоре, как бы место для собаки обозначила.

И уютно так получилось. Правда, собака об этом не знала, она так и спала на кухне. Несъеденная сосиска лежала рядом.

Рита по-настоящему взбодрилась и открыла ноутбук, чтобы узнать подробности, как жить с таксой-найденным.

И уже знала, что утром нужно будет пойти с собакой к ветеринару. Риту очень это взволновало. Она с детства боялась любого похода к любому врачу.

Рита так увлеклась изучением советов в интернете, что вздрогнула, когда рядом кто-то тихо гавкнул.

Возле нее сидела рыжая наглая морда и гавкала. Собака явно просила чего-то. И Риткин вечер заполнился всякой новой суетой.

Она искупала собаку. А сняв ошейник, прочитала на нем ее кличку «Веста». Красиво. Потом она сушила пса полотенцем, потом долго уговаривала съесть сосиску. Рита глянула на часы. Был первый час завтрашнего дня, который обещал быть с новизной, и интересным от этого.

Риту разбудил будильник. Она почти проспала и поняла, что с собакой гулять уже нет времени.

Веста же спала еще на её диване, проигнорировав старый жилет в коридоре.

Она приветливо отбила дробь своим толстым хвостом, утреннее приветствие новой хозяйке. Она, не спеша, соскочила с дивана и пошла целенаправленно в коридор, явно собираясь гулять.

Что было дальше – Рита не любила рассказывать, и даже вспоминать.

Нацепив на Весту ошейник и завязав крепким узлом свой ремешок, Рита, накинув дубленку, пошла с собакой к лифту.

Метель уже успокоилась, и снег сверкал чистотой своей утренней.

Каково же было удивление Риты, когда Веста, со знанием дела, сильно и уверенно, потянула в нужную ей, собаке, сторону. Она неслась на коротеньких своих лапках, и с такой силой тащила Риту, что та подчинялась этому собачьему странному желанию.

Веста подбежала к такой же желтенькой девятиэтажке и уверенно остановилась у второго подъезда.

Кто-то, выходя, открыл дверь, и Веста рванула внутрь, уверенно и быстро. А дальше по ступенькам – и так до девятого этажа. А подбежав к двери, радостно подала голос – низкий и глухой бас, а потом стала нюхать дверь одной из квартир. И Рита увидела, как она, став боком к двери, стучит в нее хвостом.

И дверь открыли почти сразу. Мужчина, пузатенький, и в

тельняшке, обыденным голосом сообщил.

– Веста пришла. Ура!

И ничего не объясняя, закрыл дверь перед Ритой.

Рита слышала, как радостно лаяла Веста, и ропотливый голос ее хозяина.

Она ничего не поняла об этой парочке, только подумала о своем ремешке, который остался на собаке, но потом решила уйти от двери этой как можно быстрее. Потому, что абсурдность всего, что произошло с нею, не вмещалась и не объяснялась никак.

Она быстро дошла до своего дома. И согласилась с тем, что дома были похожи, и собака легко перепутала их. И видно, что не впервые приводят ее домой посторонние люди. Это и объясняло тусклую реакцию хозяина на появление его собаки.

Рита хоть все объяснила себе. Но все равно чувствовала досаду. А еще было жалко своего кожаного ремешка. А досада была на таксу, вернее – на её отсутствие.

А когда Рита увидела на полу кухни несъеденную сосиску, она обиженно подумала, и чем это ее кормит хозяин в веселой тельняшке, что она от сосиски отказалась.

– Веста – богиня-хранительница очага, – прочитала Рита в интернете.

– Подумаешь, – сказала Рита отсутствующей гостье. – Больно надо...хлопот с тобой...

А сама вдруг поняла, что ее дом, чистый и наглаженный,

был очагом только при появлении в нем той самой рыжей Весты. Но решиться на животное в доме Рита не смогла.

«Очень уж хлопотно», – подумала она, убирая в коридоре непослуживший местом для собаки меховой свой жилет и выбрасывая собачью плюшку с водой в ведро.

Так стало привычнее. А скучать не дадут воспоминания об этом нелепом случае.

Маленькая тетрадь,

7 января 2021

Столкновение

О таких как она киношники говорят «уходящая натура». Потому что натура эта, уходящая, могла длиться минуты при рассвете или закате, а могла быть осенней или летней. А уходящей она называлась потому, как позволяла себя наблюдать очень коротко и не считалась ни с чьими желаниями или возможностями. Эта уходящая натура жила своей самостоятельной значимой жизнью, и потому была так ценна и драгоценна.

Ирина, хоть и не работала в кино, но выражение это хорошо знала, понимала и прилежно к себе применяла. Ей было за сорок, она была одинока, но добра ко всем. Она помнила, знала все обо всех и каждом, кто окружал её. Была внимательна, была домоседкой, но и в гостях была желанной особой, потому что обладала во всем чувством меры, темпом камертона. И никогда не передаривала чужие подарки.

Ирина была услужлива, но без излишней назойливости, и никогда не обременяла окружающих долгим своим присутствием.

И надо же такому случиться именно с ней, милой скромной и вежливой.

На закате, когда она шла тихо себе от автобусной остановки к своей многоэтажке, на нее стремительно вылетел бегу-

щий мужчина и вдруг схватил ее под руку, мило склонил к ней свое раскрасневшееся испуганное лицо и прошептал, довольно четко и веско, как собаке приказал:

– Рядом, – взял её тяжелый пакет с картошкой, и они пошли рядом, как семейная пара. Мужчина нес ей на ухо какую-то околесицу, она испуганно слушала его. Они шли в ногу, а когда из-за дома выбежали два господина, таки-просто обнял ее за плечи.

Гаишники пробежали мимо и не обратили на них никакого внимания. И скрылись у шумного проспекта. Как только это произошло, мужчина опустил с Ириного плеча руку и сказал просто:

– Вы меня выручили. Очень.

Ирина догадалась, что это за ним бежали взмокшие гаишники.

Ирина улыбнулась незнакомцу.

– А что вы натворили?

Мужчина ей не стал объяснять подробности, а отдал ей пакет с картошкой и побежал в другую сторону.

Ирина дернулась от этого неожиданного пассажа и не успела даже ничего сказать от возмущения и наглости – мужчины и след простыл.

Только и остался у лица пивной дух незнакомца.

Ирина даже обиделась на такое бесцеремонное с собой обращение, но – делать нечего, распрямив плечи, потащилась домой с пакетом картошки, и некоторой досадой, что всё

это было с ней так коротко.

И рука на плече мужская, и свободная от ноши рука, и чужой голос в ухо: «Улыбайтесь, мы – семейная пара... Улыбайтесь. Смотрите на меня... Понежнее».

Это длилось всего несколько минут, но Ирина будто вторглась в свою обещанную, но несостоявшуюся семейную жизнь. И ей так понравилось, очень. И тяжелая рука на плече, и нежное «улыбнись».

Ирина посмотрела вслед убежавшему мужчине, но его уже, видно, далеко унесло, на парусах страха быть пойманным. Он знал, от чего бежал. И Ирина, очень кстати, оказалась на пути этого забега. И она, возможно, спасла этого парня от крупных неприятностей.

Ирина подумала об этом с нежной какой-то радостью.

И хорошо. Ну и пусть! Убежал. Но это же все было – и угроза ему, и ее помощь в спасении. И это была тайная связь, тайная договоренность между двумя. Надежная, и навсегда, потому что они вряд ли увидятся.

Ирина дотащила с тяжелыми пакетами до своего подъезда.

Она нажимала кнопки на домофоне, а сама, не оглядываясь, ждала, вдруг та же рука возьмет у неё сумки, и скажет «улыбнись». Но, вместо этого, сзади вбежали орущей стайкой чужие дети и, сильно топая, побежали к лифту.

Ирина не поехала с ними. На свой второй этаж она могла и пешком. И не спеша, чирикавая по ступенькам высокими

каблуками, она шла и думала, ей было интересно, что натворил этот бегущий мужчина. И ей почему-то очень хотелось, чтобы всё обошлось, и его не поймали.

И вдруг она, даже с какой-то неожиданной ревностью, подумала, что он может пристроиться и еще к какой-нибудь тетке. У него это так ловко получилось. И странно было, что она совсем не запомнила его лицо, хоть и смотрела на него, и улыбалась ему, по его призыву. Но страха своего она уже не помнила. А только обнявшую ее тяжелую и крепкую мужскую руку.

И за эти минуты она поняла, что ей доверила жизнь нечто драгоценное, незнакомое ей, но необходимое очень кому-то. Ведь бежал он к кому-то.

Ирине хотелось, чтобы он добежал.

И она вдруг подумала, хоть и не работала в кино, что успела запечатлеть сегодня в нескольких мгновениях «уходящую натуру». Хоть «натура» не ушла, а убежала. Ирина улыбнулась этому необычному сравнению. И хорошо, что она успела столкнуться с ней лоб в лоб.

И пережить при этом благородную счастливую гамму чувств, уставшей семейной жизни полноценной, с обидой и досадой брошенности и нечаянности в ней.

– Надо же, – удивлялась своим мыслям Ирина. Она хотела позвонить лучшей своей подруге Ленке, но что-то остановило её. Ей расхотелось рассказывать никому о только что пережитом, она чувствовала, что делать этого не нужно и

непристойно, будто кто-то доверил ей свой секрет, и уверен, что это не огласится.

И Ирина не стала никому звонить.

Она достала несколько картофелин из пакета, который только что держал незнакомец, и намыв их сиятельно под струей холодной воды, почистила их, пожарила до корочки. А перед тем, как съесть эту роскошь, достала из холодильника маленькую бутылку чешского пива, перелила его в хрустальную кружку. И у нее получился настоящий праздник. Пиво придавало какое-то родство с тем чужаком на улице. И с убегающей его натурой.

*Маленькая тетрадь,
12 января 2021*

Девочка в розовом

Она шла осторожно по людному тротуару и старалась обходить скользкие его щербинки – боялась своей неустойчивости.

Подходя к переходу, взгляд неожиданно выхватил фигуру в нежно-розовом пуховике. Пуховик был расстегнут и по бокам мутнел грязноватыми разводами.

В пуховике находилась девочка-подросток. Её худенькая стать была в сильном беспокойстве. Длинные темные волосы были неопрятно взъерошены, похоже, их давно не мыли. Девчонка металась у магазина на углу с таким вселенским испугом, глаза ее были полны ужаса и тревоги.

Она держала маленькую свою ручку у рта, как бы придерживая крик, готовый вырваться из этого худенького тельца, который, наверняка, призвал бы проходящих мимо людей, и призвал бы к помощи.

Регина заметила, что ногти на маленькой ручке аккуратно подпилены, хоть и не покрыты лаком, виден был их ухоженный и опрятный вид. И это никак не вязалось с грязными потеками на розовой куртке.

Девчушка оглядывалась, будто искала что-то. И вид у нее был такой забитости и странности, что непременно требовал помощи.

Все это Регина осознала в какие-то несколько секунд, но зажегся зеленый, и она поспешила на переход, и вообще – она стремилась завершить поскорее свой поход по мелким своим делишкам. Надо было купить свежую прессу и зайти в аптеку.

О девчонке тут же как-то забылось, и мигом как-то улетучилось желание броситься на помощь этому испуганному существу и узнать, что стряслось, и помочь, обязательно помочь. Может, она просто деньги потеряла и боялась домой вернуться с пустым пакетом, который был у нее в руках.

Он был пуст, ветер легко мотал его из стороны в сторону, как и полы расстегнутой куртки, и прядки включенных волос.

Но перебежав на ту сторону, Регина отвлеклась на обновленную афишку местной филармонии и про девчушку забыла.

Она, даже с каким-то воодушевлением, купила газеты, потом зашла в цветочный, купила пакетик с удобрением для своих оконных цветов, оставалась только аптека. Еще издали она увидела ледяную корку на ступеньках. И приняла собранно-устойчивое положение, приготовилась ухватиться за удобную ручку двери, как вдруг почувствовала, что кто-то будто приподнял её, поставил подальше от удобной ручки, а дверь перекрыла огромная, бесконечно широкая мужская спина. Еще один такой же, широкоспинный и широкогрудный, в черном костюме, распахнул дверь и, придерживая ее,

пропустил в аптеку худого старика, сутулого и высохшего. Старик, шаркая, прошел в аптеку, и парни закрыли дверь для других, пока он был там.

Возмущению Регины не было краю. Она стояла за широкой спиной охранника и не могла спуститься, повсюду были его плечи, руки, ноги, в черном.

Наконец, дверь распахнулась широко-широко, и опять появился старикашка. Пока он ковылял по скользким ступенькам, охранник держал, один – дверь, другой – его, под локоток.

Они вдвоем почти несли под ручки худенького, и в тяжелых модных ботинках, старого своего хозяина.

Регина заметила стоящий перед аптекой «Бентли» и прикрывавший его от проезжающих машин – черный джип.

Регина заметила, что старичок был модно одет – в пуховик без рукавов, и в красивую спортивную шапочку, лихо довольно завершавшую его внешний вид.

Дверцу «Бентли» открыли, старик довольно быстро и привычно залез в салон. Охранники тихо закрыли дверцу – без всякого, даже малого, хлопка, и кортеж уехал. Исчез. Будто его и не было.

Регина всё еще стояла на ступеньках, оскорбленная, просто оглушенная таким обращением с собой этими пришлыми кортежниками.

Она долго приходила в себя, и вид у нее был, наверное, необычный, потому что какая-то молодая женщина подошла

к ней и тихо спросила все ли с ней в порядке.

Регина рассеянно ответила кивком и тут – увидела себя в витринном стекле. Она увидела испуганные и растерянные свои глаза, распахнутую куртку, она даже не заметила, когда она её расстегнула, ей было душно, наверное. И шапку свою она держала в руке и не помнила, когда она это сумела, так грубо подвинула её эта спина в черном.

В выражении своего лица Регина колкой болью вдруг узнала девушку у магазина.

И странное глубокое сожаление, что не подошла к ней и не спросила, чего она так испугалась. А если она потеряла деньги, то просто дать ей этих денег. Ведь это так просто было сделать.

И зачем она так рванула на зеленый свет, она же не «Бентли».

И Регина с безнадежностью подумала о девочке в розовом. Скорее всего, она не встретит её еще раз. Она попыталась проанализировать, почему она не подошла. Конечно, загорелся зеленый, но дело было в другом. Она мельком подумала о возможных последствиях. Девочка была явно из неблагополучной семьи. Регина опасалась чреватости добрых своих порывов.

А еще подумалось ей, что охранник, так грубо отжавший её от двери, тоже видел в ней женщину, и малого благополучия, вернее, вовсе не увидел её, расценил как помеху.

Регина не была рада позднему своему раскаянию. Но на

всякий случай прошла возле того магазина на углу.

Но девчущки той уже не было.

И Регина, вздохнув об этом, подумала с горькой иронией: «И зачем этому старикану прокладывали так рьяно путь в аптеку, охранники его». Ему стоило лишь пальчиком своим сухим поманить – и аптека бы сама пришла к дверцам пленительного «Бентли».

Такую угарную мощь убедительную, и очень, излучало его седенькое тельце.

И еще Регина слегка удивилась тому, что теперь ее с этим стариком объединяла, одна на двоих, аптека.

*Маленькая тетрадь,
2 февраля 2021*

Настроение

Туман накрыл город шапкой Мономаха, жемчугами в нем сверкали фонари.

Не повезло туристам. Все архитектурные достопримечательности съел туман.

Но Нина была жительницей местной, и поэтому туман этот ее не угнетал, а как-то напоминал своей зыбкостью о призрачности всего тяжелого, бытового и душного. В тумане хорошо гулялось, народу ходило мало, если и были пешеходы, то быстрые и деловые.

Нина любила делать все одна. Ей доставляло удовольствие осознавать, что вот она, наверняка, единственная на всей земле читает, например, в ночи толстый том «Клима Самгина», или утром рано кормит кусочком «Рокфора» милую ворону у себя на окне.

Вот и в тумане – маловероятно встретить знакомых, соседей, или какого-то неприятного прохожего. Неприятного и неопрятного. Туман съедал всякое негативное впечатление.

Нина решительно не знала куда идти. Все тропки и маршруты были давно исхожены. И она остановилась, обдумывая, направо или налево свернуть ей со своей улицы.

– Прямо, – вдруг услышала она четкий мужской голос. Он прозвучал в самое ее ухо, так что Нина испуганно огляну-

лась.

– Прямо, прямо разбогател он, – этот голос принадлежал высокому парню, который в трубку телефона опровергал яростно чье-то богатство. Нина усмехнулась такому совпадению, но пошла, действительно, почему-то прямо, никуда не сворачивая.

Туман низко водил свои хороводы, и церкви стояли как бы без куполов. И это казалось странным и немножко страшным.

Нина вышла на набережную, встала на крутом мостике, слушая эту тихую туманную тишину.

Внезапно, она увидела, как от стены заброшенного здания отделилась тень и пошла в сторону мостика. Нине стало неприятно появление этой тени, и она хотела немедленно уйти. Но пересилила свое пугливое волнение, осталась на мостике. А человек приближался и был почти рядом.

Нина очень трусила, но стояла, не шевелясь, вслушиваясь в чужие шаги. Конечно же, это был мужчина, и конечно же, он был не очень трезв.

Проходя мимо Нины, он даже не взглянул на нее. И она даже чуточку пожалела об этом, потому что мужчина был красив и строг. И, не глянув на неё, скрылся в тумане. Только еще чуть слышались его шаги, а потом и они умолкли.

Нина почему-то поспешила домой. Ей было очень за себя досадно. Всегда она выходит гулять в этот туман, потому что каждый раз ждет, что что-то хорошее приключится с ней.

Что за девчачьи глупые мысли? Но так все и было. Именно так. Разочарованная, неизвестно в чем, и в ком, Нина вошла в свой маленький дворик.

Здесь сверкал наглый фонарь, который сжирал и туман, и ночные звезды на небе. Он сиял, как оглашенный. Смелый и наглый. Но Нине, после таинственной чужой набережной, фонарь показался ярким и добрым малым. Он сиял самостоятельно, освещая двор и приводя в чувство радости всех, кто входил сюда с темных туманных улиц.

Нина села на лавку под фонарем. Она была рада его привычному постоянству.

Нина закурила сигаретку. Пустила струйку дыма на фонарь. Дым закружился, заволновался, и тут же исчез в его свете. Будто его и не было.

Нина посидела еще немного, докурила сигаретку, и почему-то ясно поняла, что разлюбила гулять в тумане. Разлюбила гулять одна.

Туман утратил для нее свою оригинальную прелесть.

– И нечего выпендриваться, – сказала себе она. – Уеду завтра же в Дубай.

От этого легкого решения Нине стало проще. Она без раздражения открыла входную дверь в подъезд, с которой у нее были сложные отношения. Между ними была натянута пружина, которая странно сопротивлялась, не пуская ее в собственный дом. Она растягивалась с каким-то угрожающим завыванием и закрывалась со скоростью гильотины – только

не успеешь убраться пятки. Получишь.

Нина шла на свой третий этаж и думала о возможной поездке, как вдруг вспомнила лохматый туман на набережной, который как бы промокал лицо влажным ласковым пресс-папье, ленивых уток на канале, и воробьев на перилах мостика. И поняла, что никуда она не поедет. И не нужен ей никакой Дубай, потому что и она там никому не нужна. И еще ей было уже просто лень, и совсем нелюбопытны чужие города, чужая жизнь.

Она открыла ключом свою уже дверь и, привычно бросив ключи на стеллаж в коридоре, посмотрела вглубь своего дома. И ей показалось на секунду, что над круглым столом, летучим облаком, присел туман. Он втёк в открытую форточку струйкой, и вот – отдыхает.

Нина зажгла свет. Никакого тумана, конечно, не было. И форточка была закрыта.

Нина рывком открыла ее и вдохнула влажный воздух. Потом открыла еще и окно. Пошире. Будто приглашая туманную морось. На чашечку кофе. Нина сидела перед окном и уже с некоторым отвращением думала о Дубае. И удивлялась, как такая крамольная идея могла придти в ее легковесную голову.

Спала она с открытым окном. Ей казалось, что туман послужит ей уютным одеялом. Скорее всего, так оно и случилось.

Но Нина хорошо спала и видеть этого уже не могла.

*Маленькая тетрадь,
2 февраля 2021*

Не случилось

Она ценила мудрость постепенного старения, которое благородно не пугало и тешило отражением похожести каждый день. Морщины присутствовали где-то инкогнито и, если и появлялись, то это было не вдруг, а по чуть-чуть. Поступательность всего процесса была восхитительно-вежливой.

Галина и сегодня не увидела на своем лице ничего нового. Оно было строгим и невозмутимым.

В глазах было суровое придирчивое внимание. Но совсем недолго кто-то позвонил в дверь.

Галина совершенно равнодушно пошла открывать. Даже не спросив «кто».

За дверью оказался сосед – крепкий, с сединой, Костя. Он улыбнулся ей и спросил:

– Чей «Мицубиси» во дворе?

Галя ответила, что не знает, и слегка удивилась вопросу. Она и «Мицубиси» никак не увязывались вместе. И пора бы уже соседу знать, что у нее никогда не было машины.

– Ну, пусть пропадает, раз бесхозные, – пожал плечами Костя. – Я всех опросил.

Он объяснил, что сейчас будут сбрасывать снег с крыш, а во дворе одна эта машина, всех убрали.

Костя ушел, а Галина почему-то затревожилась за чужое

имущество. Она выглянула в окно – и действительно, во дворе сиротой торчал один автомобиль. Но нужно было что-то делать.

Она накинула пуховик и помчалась во двор. На крыше уже суетились альпинисты. Из сугробов на ней торчали лопаты.

Галина подошла к машине и слегка толкнула. Заверещала сигнализация сразу, но тут же и выключилась. Галина оглянулась, но никто не выбежал на призывный манок сирены.

– Я уже сигналил так, – подошел Костя. – Кто-то чужой поставил. Мало не покажется, – даже с радостным предвкушением улыбнулся он.

Галина его радости не разделяла. Ей погрезилось, что хозяин этой машины в беде, или с ним что-то случилось, если он на крики своего авто не прибежал. И потом, машина была незнакомой, местные авто Галина знала.

Она еще раз толкнула «Мицубиси», и та опять ответила отчаянным ревом сигнализации.

Костя махнул рукой и сделал разрешительный жест людям на крыше.

– Подождите, – не плоше той сигнализации закричала им Галина. – Минуточку...

Она побежала домой, достала из кладовки двуспальный ватный тюфяк, оставшийся от прежней замужней жизни, и спустилась с ним во двор.

Она одна, без всякой помощи, одержимая желанием спасти эту чужую машину, накинула на крышу и растянула на

лобовое стекло тюфяк. Она сделала это так ловко и быстро, что машина даже не квакнула в ответ своей сигнализацией.

Люди на крыше стали работать. Сгребали тяжелый снег к краю и сбрасывали вниз. Он тяжело ухал и ахал, будто ему отбивали бока. На «Мицубиси» тоже падали комки и сосульки. И оставались на мягком тюфяке.

Галина наблюдала за этим из-под козырька парадного.

Альпинисты продвинулись дальше по крыше, а Галина на всякий случай решила не убирать тюфяк с авто, хозяин которого так и не объявился.

– Хорошо придумала, – сказал ей Костя. – Тюфяка-то не жалко.

Галина не стала ему отвечать, потому что ей ничего не было жалко – она была уверена, что владелец такого авто будет благодарен и, может быть, это... Дальше думать не хотелось, а то получалась какая-то монолитная корысть. А таковой и не было. Просто машина была красивой, и Галине думалось, что она спасла её от увечья.

Высотники перешли, наконец, на другую сторону крыши, и Галина вышла из-под козырька. Можно было снимать тюфяк с машины, который смотрелся на ней как-то уж совсем нелепо и странно.

Но её опередили. Во двор вошла толстая женщина в белом дорогом пальто и высоких каблуках.

– Это что за дрянь на моей машине? – она надела перчатки и резко сдернула тюфяк с крыши.

Он плюхнулся на свежий сугроб.

– Ну, что за народ, бросают что ни попадя в окна, – она плюнула в сторону всего тюфяка. И тут же, сев в авто, уехала. Только зазвенели битые сосульки под колесами.

Галина долго еще стояла и смотрела вслед уехавшей машины.

Она не думала, что эта тетка не поняла ее доброго порыва укрыть ее машину. Спасти.

И еще казалось, что будь владелец – мужчина, он бы понял все правильно. Но с этой теткой чудо понимания не случилось.

Галина ушла домой, даже не забрав свой тюфяк, который так ловко исполнил работу спасательного жилета. Ей показалось, что тетка своим плевком осквернила его и привела в полную бытовую негодность.

Она потом видела из окна, что какой-то человечек сгреб этот тюфяк, сложил аккуратно и, оглянувшись по сторонам, утащил его куда-то.

И двор стал опять просторным и снежным.

И не осталось на нем никаких следов осколков неслучившегося понимания.

Разве что сверкали на солнце разбитые сосульки. Они легко отражали солнце.

Маленькая тетрадь,

15 февраля 2021

Тема

«От людей одна боль. Сторонись», – говорила ей всегда мама. Говорила так часто и так настоятельно, что как бы, невольно, подковала ее подковами осторожности и недоверия. И так прочно, что когда Марта выросла и превратилась в высокую строгую девицу, по одному взгляду на нее можно было понять – обойди стороной. И ее обходили.

Она не замечала этого своего странного одиночества. Ей было уютно и спокойно. От одиночества всегда много свободного времени, и это напрягало. Но она с этим легко справилась. Нет, она не сидела в интернете, там было много громких людей. Она и читать не любила. Книги ей казались пустым надуманным миром. Придуманным такими же, как она, людьми, имеющими много свободных, пустых, незаполненных никакими смыслами часов. И там были люди и боль. Тургеневский рассказ «Му-му» надолго запомнился ей, и Марта остыла к чтению. Надолго.

Теперь, сидя у себя на кухне и хлебая жидкий чай из веселой чашки, она придумывала для себя возможное занятие на вечер. Бесшумно работал телевизор.

И вдруг Марта заметила, что её единственная картина висит косо. И сильно косо, так что милый старый скрипач на ней наклонился, будто делая ей, Марте, поклон.

Марта озадачилась. Подошла, поправила картину. Но она опять скользнула в удобную для нее сторону.

Марта вспомнила, как почему-то купила эту картину прямо на улице, у веселого, совсем еще юного паренька. Марте понравилась необыкновенная жизнерадостность, которая исходила от скрипача на картине. Ей даже показалось на миг, что она слышит незатейливый скрипичный звук и легкое притоптывание, отбивка такта. Скрипач был при длинной седой бороде и волосах, охраняемый помятой фетровой шляпой.

– Как его зовут? – спросила она у художника.

– Скрипач, – просто ответил юноша.

Она принесла тогда картину в дом и повесила ее на кухне, поскольку большую часть времени она проводила здесь. Картина висела так давно, что Марта о ней и забыла, а сегодня вот напомнила о себе своим странным перекосом.

Марта опять попыталась выровнять картину. Она висела на примитивном строительном гвозде и легко принимала нужный правильный ракурс.

Но сейчас опять, после усилий Марты – съехала, и скрипач опять, живо и легко – поклонился Марте.

Марта привыкла справляться по хозяйственным и бытовым делам самостоятельно, и поэтому она осторожно сняла картину с гвоздика и стала обдумывать, чем бы ее закрепить, и в чем причина ее неожиданной расхлябанности. Повертев картину и внимательно осмотрев ее изнанку, Марта не обна-

ружила никаких изъянов и попыталась повесить картину на место.

Нет! Опять был крен, будто скрипач ей кланялся и просил о чем-то в этом своем поклоне.

Марта решила оставить все как есть, не стала больше выравнивать картину, и вдруг будто что-то вспомнив, накинула плащ и вышла на улицу.

Там уже бушевала осень, озвучивала опавшие листья красивым шелестом.

Марта быстро дошла до места, где художники выставляли предметы своего творчества. Здесь и соборы, и балерины, и собаки, и кошки, и каналы. И все-все, что может запечатлеть творец своим зорким глазом.

Марта неторопливо обходила стенды и вдруг увидела своего скрипача. На стенде стояла её картина, точь-в-точь. И продавал её тот же мастер, только теперь он уже имел бородку и был в стильной кепке, и красивых очках.

Она подошла поближе к картине и, долго и молча, смотрела на нее.

Нет, это была не её картина, и скрипач на ней, хоть и имел сходство с её Моисеем, но это была молчаливая какая-то, тихая картина. И при всем сходстве с той, что висела у нее на кухне, здесь скрипач не звучал.

– Интересуетесь? – живо спросил художник.

Она вдруг, совсем забыв о мамином наказе сторониться людей, рассказала ему о том, что она купила у него такого

же скрипача много лет назад и попыталась поведать ему, пояснить, о некоем своем разочаровании. Она считала, что ее скрипач – единственный, а тут вот – повтор. И она вдруг рассказала о странном перекосе картины у нее дома, рассказала даже о гвоздике, на котором эта картина висела.

Художник слушал её очень внимательно и, как бы извиняясь за дубль со скрипачом, объяснил ей:

– Тема-то – неисчерпаемая...

– Исчерпаемая, – нагрубила художнику Марта.

– Его хорошо берут. Особенно туристы.

– У картины есть название? – тихо спросила Марта.

– Скрипач, просто скрипач. Музыкант – если хотите.

Художник так и не вспомнил, как и когда Марта купила у него полюбившуюся картину.

– Где же мне упомнить, – будто извинился он.

Марта отошла от картин и вдруг поняла, что общение повергло её в какую-то суетную неразбериху. Ей вдруг представилась улица, по которой веселым оркестром шагают все скрипачи, нарисованные одним ремесленником. Они идут, играя как бы, эти скрипачи, а звука нет, как тогда в ее картине, она хорошо слышала бодрое исполнение мелодии. Она могла ее даже напеть. Да и напевала, когда пивала чай, сидя у себя на кухне и общаясь со старым скрипачом.

Ей стало как-то нехорошо, и она стремительно отошла от художника.

По дороге зашла в строительный магазин и купила дю-

бель, чтобы закрепить картину намерняка.

Но когда она, раздевшись, с дрелью подошла к картине, то увидела, что нет никакого перекоса. И гвоздик крепок, и скрипач стоит себе ровненько и играет. И мелодия на месте, и мятая шляпа.

Марта улыбнулась и не стала искать даже объяснений этому непонятному и необъяснимому случаю. И не стала анализировать и размышлять, как это может быть.

Да, художник был прав – неисчерпаемая тема.

И она прислушалась к скрипачу, надеясь услышать от него подтверждение.

Скрипку она не услышала, не отступала досада и почему-то стыд за всех скрипачей намалеванных. Которые шли большим оркестром в полной тишине.

Марта еще подумала немного, а потом сняла картину и отнесла её в чулан. Подарит кому-нибудь. А на освободившийся гвоздь повесила календарь с видами города.

Так было правильнее, после увиденного сегодня, да и честнее. Снимки города ни на что не претендовали и не сулили ничего.

А художник в конце дня стал собирать свои работы в просторные холщовые мешки. И там было три собора, два канала и аж четыре скрипача.

Он вспомнил странную женщину, которая сумбурно рассказывала о гвозде в стене, который не удержал картину, и не понимал ее возмущения, что он посмел повторить успех

старика-скрипача.

Старик был шикарным и пользовался большим успехом. И при чем здесь какой-то гвоздь?

И он стал грузить свой товар в просторный багажник личного джипа. И уехал. Ненадолго. До завтра. Он осторожно выезжал на проспект, и думалось ему, что день удался. Продав собор и скрипача. И никого не обидел.

Маленькая тетрадь,

2 марта 2021

На лыжах

Этот визит для нее был необходим, хоть и безнадежно ну-ден.

В последнее воскресенье каждого месяца она навещала тетушку, которая жила на другом конце города, в крепком частном доме на земной полянке. Тетушка называла этот дом усадьбой, хотя внешний облик этого строения мог называться скорее избушкой, с печальной одинокой трубой на покатой крыше.

Нинель поместила в багажник своей навороченной машины тяжелую связку пакетов со снедью и другими гостинцами.

Сколько она помнит себя, тетушка была рядом. И ее елейный скрипучий голос доставал шкодливую Нинель все детство, частично юность, и потом в семейной, не очень удачной, жизни тоже частенько поскрипывал однофразно: «а я тебе говорила».

Нинель не то, чтобы любила тетушку, она к ней привыкла как к климатическому аккомпанементу своей жизни.

Вот и сейчас, она слегка улыбнулась, выезжая на главную улицу городка, которая заканчивалась прямо у дома тетки. Дом назывался крайним, хотя за ним теперь гроздьями просторно развалились новостройки.

Нинель ехала и придумывала, как бы ей полегче отказать-

ся от всегдашнего полноценного обеда с первым, вторым и третьим блюдами. Нинель давно не могла есть так много, да еще мелкие, таявшие во рту пирожки. Их можно было под приятный разговор съесть, как семечек, много-много. Да и кто считал?

Они обедали, тихо и тепло беседовали, и время в этой усадьбе было округлым и холостым, как отстрелянный уже патрон. Потому что говорилось всегда только о прошлом, нынешнее было обыкновенно, в нем не было связей между собой, событийности. И поэтому их беседа велась незлобливо, разбавлялась иногда громким смехом. Да, прошлое всегда улыбается, оно безопасно. А в нынешней жизни Нинель не хотела рассказывать тетке о своем диагнозе, об очередном разводе, о том, что дочь сгинула в своей какой-то непонятной жизни, и не звонит.

Всех этих деликатных тем они не касались, как и разговоров о преклонном теткинском возрасте. Деликатность эта обеих устраивала, и поэтому застолья эти тетка любила, а Нелли терпела.

«Ничего», – думалось ей, но все равно ее раздражала, и даже напрягала, нетерпеливость тетки к мобильному телефону. Она требовала выключать его прямо на пороге и не хотела слышать, что могут быть срочные дела, встречи, связь.

Приходилось терпеть полдня и обходиться без предмета, который стал для Нинель лучшей заменой всяким отношениям. Вот только тетушка не была включена в этот мобиль-

ный круг. Телефон – тяжелый, трубчатый, стоял у нее в доме на отдельном столике. Но тетка номер его не помнила и, скорее всего, он был давно отключен за неуплату.

Нинель подкатила к «усадьбе» и слегка удивилась, что тетка не встречает ее на верандочке.

Она не стала вынимать пакеты из багажника, а прошла в калитку, с тревогой прислушиваясь к звуку громкой музыки. И эти звуки слегка озадачили Нинель.

«Телевизор», – подумала она, но, открыв без стука дверь в комнату, еще в сенях она наткнулась на лыжи, которые здесь никогда не стояли.

Наконец, войдя в комнату, она увидела тетушку за столом, накрытым лучшим ее сервизом. За столом сидели женщина и паренек с коротенькой стрижкой. Он говорил громко по мобильному, ел пирожки, быстро, как семечки. Орал телевизор, который тетушка обычно не включала, по крайней мере на полную громкость.

– Привет! – стараясь перекричать звук телевизора, Нинель прошла к телевизору и выключила его. Тетушка встала ей навстречу и мило, как всегда, улыбнулась:

– Вот, гости у меня. Родня, правда, очень дальняя. Но родня моя, значит и твоя. Проходи. Мы уж отобедали. Но тебе супчику налью.

– Не надо, – обиделась почему-то Нинель. – Я только на минуточку.

И, как бы в подтверждение этому, у неё зазвонил в кар-

мане мобильник.

Тетушка на это никак не отреагировала. Она вообще вела себя странно, суетилась, с несвойственной ей услужливостью, заменила тарелки на столе. По комнате побежал котлетный дух.

Нинель присела на краешек стула и спросила:

– Откуда-то родня?

– А, из Мурманска, – быстро ответила тетушка.

– Поэтому – лыжи в сених, велик, – не скрывая иронии вставила, не без иронии, Нинель.

– Это мы здесь уже купили, – стала оправдываться чужая женщина.

– Ладно! Я пошла. Рада, что ты теперь не одна.

Нинель встала и сделала вид, что набирает чей-то номер на мобильнике.

– Да! Скоро буду! Неожиданно освободилась, – не без радости сообщила кому-то Нинель.

Она не стала выслушивать объяснения тетки, кто это сидит у нее за столом, и что это за родня на лыжах объявилась вдруг в ее «усадьбе». Нинель поцеловала тетку в щеку, кивнула на прощанье всем остальным и вышла.

Уже сидя в машине, она вдруг вспомнила об оставшихся в ее багажнике продуктах, она беспечно тряхнула головой – не пропадут! И прибавила скорость. Нинель ехала по оживленному проспекту и просто физически ощущала как уходит из нее первая радость освобождения от визитов к тетке.

Радость эта утекла, а вместо нее проникал в душу холод надвигавшегося цунами одиночества. Нинель сразу поняла, что родня эта приехала всерьез и навсегда. И то, как юноша уминал любимые Нинель слоеные пирожки, она поняла, что не сидеть ей никогда за этим столом. И было странно осознавать, что ей, которая всегда с такой нелюбовной раздражительностью навещала старую тетку, было сильно обидно, что ей вдруг – нашлась! Замена! Так легко и быстро. На лыжах!

Она хотела порадоваться за тетушку, которая теперь не будет одна, но чувствовала только ревность. И детское чувство несправедливости накрыло Нинель, и она заплакала.

Но, вспомнив еще раз две пары лыж в сенях усадьбы, она наконец повеселела.

А подъехав к своему дому и разгружая багажник, она, пожав плечами, повторила, как приговор:

– На лыжах!

И как тут было не рассмеяться? И она рассмеялась.

Маленькая тетрадь,

22 марта 2021

Тупик за углом

Этот узкий переулок интересовал его еще в детстве. Он узкой щелью зиял среди домов и был проводником в неизвестное, и поэтому обязательно это пугало. Но в детстве самостоятельно до него ему было не дойти, в школу его отвозил на машине личный шофер отца. И когда однажды Петя, источенный любопытством, спросил об этом таинственном переулке, шофер равнодушно цыкнул фразой:

«Понятия не имею. А что?» – спросил он, в свою очередь, Петю.

Это «а что тебе?» преследовало его долго. Он тогда был очень удивлен равнодушию шофера. Ему то уж полагалось по должности знать, куда ведут улицы. Но он не знал. А позже, заметив легкую досаду хозяйского сына, пояснил на всякий случай:

«Тупик, скорее всего. Уж больно тесно дома стоят».

И ему показалось, что он ответил на вопрос вполне.

Но оказалось – нет.

Петя закончил школу, учился за рубежом, а потом, уже с женой и детьми, приехал к родителям на какой-то их юбилей. Родители уже жили за городом, в большом современном и дорогом доме. Где, на искусственной лужайке, стояла с розовым выменем гипсовая корова в полный свой рост.

Все это вызывало у Петра только глупую улыбку. Он даже сказал корове «му», приветствуя ее гипсовое достоинство. Но она промолчала в ответ.

И тут Петя увидел, как какой-то мужик протирает влажной тряпкой гипсовые бока, и вдруг узнал в нем старого водителя отца. Петр вежливо приподнял бейсболку.

– Рад видеть вас.

Водитель улыбнулся и признался:

– Я вот теперь по саду распоряжаюсь. Хозяин редко выезжает.

В робком этом старике было трудно узнать высокомерного Пашиного водителя в кожаной косухе и форменной фуражке.

– А что, может, прокатимся до города? – вдруг, неожиданно сам для себя, спросил Петя.

– Хозяина спросить надо. Тогда можно.

Формальности были улажены, и Петя, заняв место на заднем сиденье, как в детстве, поехал в город.

Он даже сам не мог себе сформулировать, зачем он едет. В последнюю минуту в машину запрыгнул сын-подросток и, не слушая возражений, устроился рядом с шофером. Пристегнулся.

– Поехали! – разрешил.

Всю дорогу Петр молчал, он все обдумывал и искал объяснения своему желанию проехать по улицам детства. Это было вполне понятное и объяснимое желание. Кто не захочет

вернуться, в ком отсутствует всенепременное желание при-
быть на улицы детства, где тебе часто разбивали нос и, воз-
можно, унижали, заявиться вот так – победителем, гостем из
другой страны, и чуть поважничать этим? Ведь вполне воз-
можно и давних знакомых встретить.

Но, вместо знакомых, Петр вдруг увидел узкую щель пе-
реулка. Он сейчас не казался Петру таким таинственным и
страшным, но он почти прокричал.

– Стой!

Машины остановились.

Петр почему-то осторожно поставил ногу на мостовую.

За ним выскочил сын.

– Я с тобой, папа.

– Идем, только тихо...

Они перешли улицу. И Петр остановился на входе в этот
проулок, будто просил разрешения войти, как запоздалый
гость.

Он вскинул голову вверх. На крыше первого дома пошла-
ла реклама «Samsung», и он, взяв почему-то сына за руку,
шагнул в проулок, как в реку.

Они шли по пустому проулку, и их шаги хорошо были
слышны. Звук весело отскакивал от домов и радовал слух.
Проулок оказался довольно длинным и становился все уже и
уже. Сын пытался достать до стены противоположного дома.

Ему было интересно и весело.

Петр же все еще был напряжен, его настораживала эта

странная узина, этот архитектурный изыск, вызывая в нем странное волнение.

Сын все прыгал впереди, будто играя с домами в пятнашки, хлопая по стенам ладошкой.

И вдруг Петра будто вздернули на синюю высоту. Проулок вдруг закончился выходом на простор гранитной набережной. И широченной реки в ней.

Ничто не обещало еще минуту назад этого просторного великолепия.

Небо, вода, оружие чайки – все это вызвало у Петра какой-то эстетический шок. Было шумно, красиво и сине.

Даже сын замер, бросив свою игру с домами.

К реке, прямо из проулка, вели сильно выщербленные ступеньки.

Петр осторожно спустился по ним к этому величественному водяному простору.

Дойдя до самой воды, он глянул вниз, и она ему показала стайки головастых мальков и светлый от солнца песок на дне.

Петр показал мальков сыну, но тот мало обратил на них внимания. Он был занят телефоном, и Петр отстал от него. Он сел прямо на песок у воды и почувствовал досаду на сына, который так равнодушен к этой неожиданно взорвавшейся красоте. Но, ропща на сына, он понимал, что ничем не лучше. И если бы он не проезжал мимо на папиной машине, то уже давно обнаружил тайну странного проулка.

Он был таким же нелюбопытным, пешком ходил мало.

Впрочем и сегодня он приехал сюда. А в такие места нужно приходить пешком. И снимать шляпу.

Что Петр и сделал. Правда, на нем была не шляпа, а бейсболка, но это уже не имело значения.

Ему хотелось снять и у сына пикейный козырек, но сын ловко увернулся, не прерывая разговора по телефону.

И Петр с грустью осознал, что опоздал он сюда, в это восхитительное убежище на целую жизнь.

И почему тогда, в детстве, он не внял зову этого проулка. Ведь он был, этот зов. И не надо было слушать ответ дремучего водителя.

Тупика здесь не было никогда. А были – простор и радость.

Петр взял сына за руку и, почти бегом, одолел проулок. Сели в машину.

– Я же говорил, там – тупик, – сказал водитель.

Петр ничего не ответил. И всю дорогу обратно он молчал. И старался не смотреть на водителя. Ему очень хотелось, чтобы этот халдей попросил у него прощения, за неправду, оброненную им невзначай в далеком доверчивом его детстве.

Радовало только осознание, что великолепие это, увиденное только что им, Петром, с ним теперь навсегда.

И это восхищало и успокаивало. И обещало.

Ландышева тетрадь,

23 марта 2021

Шлейф

Она не переставала удивляться крепости ниток и булавок, которыми навсегда было пришпилено прошлое к ее теперешней, как бы свободной и независимой, жизни. Этой обыденной фурнитурой накрепко, длиннющим тяжелым шлейфом тащилось оно, а память пристегивала, пришивала очень настойчиво куски, лоскутки ушедшего уже времени, ничуть не заботясь о том, как выглядит этот шлейф. И, надо сказать, он тащился не кружевным изыском, а неопрятной лоскутной тряпкой. Которую, лучше бы, и не трогать вовсе – можно было наколоться на булавку, и тогда ничтожный шлейф вдруг включался живым экраном, и перед лицом представлялись не всегда приятные картинки. Которых, казалось, не должно было уже быть. А они – были. Прятались в черной пыли пришпиленного шлейфа. Картинка всегда была огорчительной, стыдной и вызывала чувство вины и неловкости.

Вот и сегодня, случился с ней такой укол, о булавку, которая расшпилилась и уколола – неожиданно и больно. И, казалось бы, какие пустяки, кто-то окликнул кого-то: «Андрей, ты? Лазуткин! Ты?»

Возле нее обнялись двое мужчин. Похоже, они давно не виделись.

Но ее уколола знакомая фамилия. С ней когда-то учился

в институте, а потом был отчислен за неуспеваемость, вот такой полный тезка.

Мужчины все еще стояли, в радости встречи, похлопывали друг друга, а она внимательно всмотрелась в одного из них.

Он стоял у открытой дверцы дорогого автомобиля, стриженная голова его озорно улыбалась ежиком.

И вся внешность его кричала о том, что все с ним в полном порядке.

Она вдруг поняла, что несказанно рада благополучной жизни этого человека. Он даже не смотрел в ее сторону, а если бы и глянул, то вряд ли узнал в толстой тетке однокурсницу, которая помогала ему придумывать этюды. Ему они никак не давались. И вообще, он редко ходил на занятия, все больше красиво попивал, вел себя довольно свободно. Хотя институт, где они учились, был творческим, мастерская была немногочисленной. И пьянство Андрея было вскоре замечено. И как-то ее, старосту, попросил на беседу их мастер, интеллигентный пожилой и тихо спросил у неё: «Пьет?»

И она, чуть смутившись, подтвердила: «Пьет».

Она просто сказала правду. А ведь могла сказать «не знаю». Но сказана была правда.

Она вышла тогда из аудитории, и ей было неприятно, что её подловили на правдивости ответа. Она поморщилась, но как-то дела отвлекли ее, и она забыла о случившемся.

Андрея не допустили к экзаменам из-за прогулов и хво-

стов. И вскоре он был отчислен. Он как бы и не понял случившегося. Выпили водочки за расставание – и все.

Она тогда даже пробовала поставить нерадивого студента на путь истинный. Но Андрюша уехал в свой город. У него истина гуляла по другим путям.

И как-то все, и она тоже, забыли о нем очень скоро. И теперь, видя его у дорогого авто, она вдруг рванула к нему, совсем неожиданно для себя, искренне и с дрожанием от страха в голосе, шагнула к нему и, не глядя ему в глаза, сказала, затянувшись сигаретой.

– Прости меня, Лазуткин.

Андрей повернул к ней стриженую голову и удивительно приветливо сказал:

– Вы ошиблись..., – и продолжил свою мужскую беседу с приятелем.

– Ошиблась, – выдохнула она сигаретный дым. – Простите.

И отошла, почти подпрыгивая, перебежала на ту сторону улицы, шла, торопясь, и чувствовала как все легче и легче ступают ее ноги в тяжелых старых сапогах.

Она четко, в необычайно свежих красках, вспомнила свой ответ тогдашний мастеру.

Обошлось все. С Андреем. А вот с ней – не очень. Столько лет она сожалеет о своем правдивом как бы ответе. Правильнее было промолчать, или сказать «нет» или «не знаю». Но она сказала то, что от нее хотели услышать. Вот она, та

самая булавка в ее шлейфе.

И она вдруг физически ощутила, как расщелкнулась булавка, и тяжелый мрачный шлейф стал легче и короче. И ноги понесли ее к метро, где она, толкаясь, вошла в вагон электрички, и все в ней гремело от хорошего веселого чувства. Ну, и пусть. Что он не узнал. Она-то ничего не перепутала.

Она его узнала. И была рада возможности убедиться, что ничего худого с ним не случилось. А только с ней.

Войдя в свой дом, она сняла тяжеленные сапоги и почему-то решила, что не будет их больше носить.

Прошла на кухню. Не зажигая свет, стала смотреть на темный заснеженный дворик. И думалось ей о себе с грустью и нежностью. Она даже чуть поплакала в темноте.

Во двор въехала чья-то машина, осветила фарами двор, и свет этих фар выхватил написанное из баллончика каким-то отчаянным оптимистом – «мусор в окна не бросать!!!»

Она улыбнулась и аккуратно притушила сигарету в переполненной пепельнице.

А Лазуткин подъезжал к роскошному дому в три этажа. Въезжал осторожно в раздвигающиеся для него ворота и вдруг вспомнил почему-то толстую тетку в стоптанных сапогах.

И сказал, обнимая жену, которая выбежала ему навстречу:

– Знаешь, я города стал бояться. Там бродят такие тетки...

И они рассмеялись и пошли в дом, обнявшись.

И Андрей стал у окна и, глядя на яркоосвещенный просторный двор, обнаружил, что все еще думает об этой тетке, которая просила у него прощения. Так трогательно. Жаль, что она обозналась. Но вот интонацию её голоса, дрожание его – надо запомнить. В спектакле пригодится. Нужная интонация.

И Андрей записал что-то в толстую свою записную книжку.

Ландышева тетрадь,

24 марта 2021

Успешный

Он был во всем не прав. Сидел, далеко вытянув ноги и удобно положив одну на другую. Четко были видны чистые подметки белых кроссовок. И было понятно, что он давно не ходит пешком, а ездит на машине. Одежда его была дорогой и классной. О том же кричала оправа очков с дымчатыми линзами. Он был нагл до простоты, и в этом странный вызов тому, кто был за экраном, за объективом телекамеры.

Гришкин знал, что на него смотрят, но это его не только не смущало, а – наоборот, как бы поднимало надо всеми. И высота эта, похоже, очень нравилась Гришкину, и он брызгал в лицо ведущему программы этим своим удовольствием, легко отвечая на не всегда деликатные вопросы.

Гришкин прославился талантом литературным. В свои неполные сорок лет он уже был известным за рубежом, аж в самом Голливуде. Ну и тут, его ценила продвинутая публика за острые слова, да и что говорить – за весь его стиль наглый, как в поведении, так и в творчестве.

Гришкин, ничуть не чураясь своего полного успеха, давил в беседе на значимость своей персоны и сожалел как бы, что всё в этой жизни достигало его насильно, и вручала судьба, как эстафетную палочку, удачу – ярким факелом.

Да. Гришкин так и говорил об этом, прямым текстом. А

задавленные таким признанием, зрители должны были зеленеть от зависти и ощущать себя полным совком мусора, не имеющего никакого отношения к хоть какому-то достойному уровню своего бытия.

Даже ведущий программу понимал, что Гришкина занесло на особо чувствительную закрытую тему, и что его счастливая распушенность несколько раздражает, но не посмел остановить красноречия этого щеголя. А потом, книжки его были очень популярны, и это слегка успокаивало ведущего. Он слышал где-то, что талант имеет право на всё.

Когда время передачи вышло, вышел и Гришкин. Он так стремительно выбежал из студии, что едва не обогнал свои кроссовки. Которые слегка опаздывали за ним. По крайней мере, так это смотрелось в телекамере.

– Куда это он? – удивился оператор. – Я автограф хотел...

– На другой канал, – вздохнул почему-то облегченно телеведущий. – Все нормально.

Оператор обиженно пожал плечами.

Гришкин же так убежал вовсе не на другой канал. Он едва добежал до мужской комнаты. Он давно не видел себя в зеркале, и это его крайне волновало.

Он протер тщательно очки, умыл лицо, причесался и, внимательно осмотрев свое отражение, сам себе помахал рукой. Привет, мол.

Дальше Гришкин действовал совсем уж неожиданно. Читатель и зритель сильно бы удивились такому поведению.

Он заехал в супермаркет и взял там палку колбасы, литровую бутылку водки и коробку мороженого. Со всем этим богатством он заехал в заброшенный панельный дом на какой-то трущобной окраине.

Припарковавшись в просторном пустом дворе, он взял в руки пакет и коробку, и легко поднялся по ступенькам на второй этаж.

Дверь ему открыл мужчина в трусах и голым животом.

– Заходи, – коротко приказал он.

Гришкин прошел на кухню, унылую и темную. Щелкнул выключатель. Чуть посветлело.

– Это – мороженое, сунь в холодильник.

Хозяин квартиры насмешливо крякнул.

– Когда ты запомнишь – нет у нас холодильника. Потому что хранить нам нечего. Съедаем все сразу, – и он рассмеялся своей шутке.

Коробкой мороженого он быстро распорядился. Ребятишки взяли себе по две штуки брикетов, а остальные отнесли соседям. И ушли себе гулять, сильно довольные гостем и мороженым.

Гришкин сел на стул, достал бутылёк и закуску.

Хозяин дома улыбнулся этому провианту и сел напротив.

Окно было открыто. С улицы доносились вопли детей и иногда лай собак. Кто-то даже играл на гармошке.

Гришкин сидел и внимательно слушал. А хозяин квартиры уже был в футболке и длинных трениках, говорил, гово-

рил. Иногда, впрочем, будто очнувшись, прикладывал ко рту указательный палец и говорил:

«Тебе лучше не слушать. Не поймешь...»

«Пойму-пойму», – горячо возражал Гришкин, и глаза его блестели азартом гончего пса...

Так сидели они на тесной кухоньке и беседовали. И никто не узнал бы в Гришкине стильного парня с экрана. Он снял щегольские свои очки и сунул в карман. И стала видна беспомощная близорукость его глаз. В которых был жадный интерес к собеседнику.

За окном быстро темнело. Дети вернулись домой.

Тихая жена хозяина дома вымыла им руки и носы, и они пришли на кухню.

– Поужинаете с нами? – почти шепотом спросила она.

Гришкин будто очнулся. Он быстро стал прощаться. Обнял душевно хозяина, все про спасибо говорил. И даже поцеловал руку хозяйке. И так же, впереди своих кроссовок, выскочил из дома.

В машине он, прежде чем отъехать, вынул из кармана диктофончик и, включив гаджет, отозвался голосом:

– Ты не поймешь. Лучше не слушать.

Гришкин, довольный, выключил прибор и рванул машину с места.

Дома Гришкин, прямо в коридоре, снял с себя джинсы и рубаху. Проверив карманы, бросил это все в стиральную машину.

Гришкин обожал чистоту. Вот только если бы его спросили, от чего он хочет отмыть свою одежду, от визита на телевидение, или к старому товарищу, Гришкин вряд ли бы ответил. Он смутился бы такому вопросу, но, наверняка не растерялся бы, а красиво сказал «от себя, конечно». И ему в голову не пришло бы, что он, может впервые, сказал правду.

Впрочем, Гришкин ничего такого не думал. Он принял душ и босиком прошел на стерильную свою, всю в белом, кухню. Открыл холодильник, ничего не взяв из него, захлопнул дверцу.

Он надел халат, плюхнулся на диван, глянул на часы.

– Пора.

Он включил телевизор. Там шла передача сегодняшняя с ним. И Гришкин не отказал себе в удовольствии посмотреть ее.

Но сегодня почему-то он заскучал. Ему вспомнилась тихая женщина на той, другой кухне. «Поужинаете с нами?»

И Гришкину вдруг стало чуть неловко за себя, что не остался. И подумал, чем они ужинают, если у них нет холодильника. Впрочем, он тут же переключился. Подошел к компьютеру, включил диктофон.

Надо было работать. И тогда все остальное, досужее, разом исчезало. Да, и спешить надо было. Сценарий его ждали аж по ту сторону океана. Сроки были кратчайшими.

*Ландышевая тетрадь,
27 марта 2021*

Поклон

Няма была странной девицей. В свои двадцать лет она заканчивала музыкальное училище по классу фортепьяно, но всем всегда говорила громко, что она терпеть не может музыку и театр, и балет. А ходит на спектакли только потому, что ей нравится, как кланяются в конце. Особенно угодливо и изящно делали это в балете. Поэтому она отдавала предпочтение походам в Большой.

Всех молодых людей своего возраста она называла оборванцами, не взирая на их материальный статус.

Презирала их, этих оборванцев, и всегда обходила их стороной.

«У них все струны оборваны», – поясняла она свою к ним неприязнь. – «Поэтому и оборванцы, или оборвыши. Как хотите».

Няма, как сама себя назвала она – от имени Наташи, и Ямской по фамилии. Получилось короткое, похожее на сигнальный флажок – Няма.

В училище она сразу же освободила себя от пения в хоре и игры с оркестром. Она не умела слушать, и при этом исполнять свою партию, не сбиваясь. Фальшивила очень и была освобождена от таких коллективных занятий.

Но, после окончания училища, Няме пришлось искать ра-

боту. И поиски эти затянулись на лето, потом на осень.

И, наконец – декабрь. Няма обожала Новый год, с его вечным обещанием чуда. Утром она выставила из изоляции елочку с вечными поролоновыми иголочками. Она так весь год и простояла в игрушках и мишуре, затаившись в целлофановом мешке. Для простоты в обращении. Елка была извлечена, Няма аккуратно расправила на ней веточки, встряхнула мишуру. И вся готовность к Новому году. Няма категорически была настроена против всяких банальностей новогодних. Поэтому никакими гастрономическими усилиями не стала себя обременять.

И потом, у нее билет. На балет. Няма улыбнулась такому каламбуру. И она идёт на «Щелкунчика». Тоже новогодняя почтительная сказка.

Няма уже не раз видела этот балет, правда в другом театре, в другой постановке. Но все это было не очень важно. Финал должен быть всегдашний. Они будут кланяться. Солисты и кордебалет. Как она любила видеть грациозно расставленные стопы балерин, и медленные, как в рапиде, поклоны залу, публике, а значит – и ей. Красота этого посыла всегда вызывала в ней необычную, ничем не объяснимую радость. Няма и сама не могла объяснить, что приводит ее в такой восторг.

Но эти реверансные наклоны солисток она рассматривала до малейших нюансов.

И на это действие она ходила всегда одна. Чтобы не было

рядом никаких оборванцев, которые посмели бы отвлечь ее от этого созерцания красоты.

В театре Няма легко нашла свое место и облегченно вздохнула. По обе стороны от нее сидели седоватые пары. Семейные, остепенившиеся и знающие, где и зачем они сейчас.

«Здесь мешать не будут, это точно», – обрадовалась Няма.

И, действительно, балет прошел без помех. Все было достойно, да и кому по силам испортить музыку такого уровня.

Няма сидела терпеливо, только закрывала глаза на появлении Мышиного короля. Уж больно тяжел и мерзок был его костюм.

Всё, занавес закрылся. И Няма, как и весь зал, овацировали громко и сильно.

У Нямы замерло сердце. Вот, сейчас занавес раздвинется, и они выйдут в бесшумном своем поклоне. И будут кланяться ей и аплодисментам. И, чем громче, тем дольше будет их выход. Эти минуты, когда, казалось, хлопанье сдует легких балерин со сцены, Няма всегда ревела. Она не знала, почему, но слезы текли у нее по щеке, унося с собой тушь с ресниц, и все уныния будней Няминой жизни. Ей не хотелось к ним на сцену, она была там, только никто этого не знал, никто не видел. Няма плакала и плакала. Седовласая пара даже обратила на неё внимание. Заглянула в заплаканное лицо старушка.

А Няма, не глядя на нее, жестом руки дала отставку ее

вниманию.

Только бы сила оваций жила подольше. Но это был предпраздничный час. Все спешили ко встрече очередного года. И поэтому овационное оформление было короче, чем обычно. Все побежали за своими шубами. А Няма не спешила. Она вытирала мокрое свое лицо и, не спеша, двигалась к выходу.

Чудо праздника для нее кончилось только что. И, чувствуя себя слегка обманутой краткостью аплодисментов, она натянула на себя старое свое черное пальто, вздернула капюшон, укрылась им и пошла домой быстрым шагом, и опустив голову. Стараясь быть незаметной, чтобы ни один из оборванцев не посмел пристать к ней.

Оборванцы, наверное, это чувствовали и решительно обходили темную ее фигурку.

Войдя в свой двор, она вздрогнула. Мальчишки вовсю запускали петарды. Стараясь не рассеивать свои драгоценные впечатления, она – бегом, без лифта, домчалась к себе на седьмой этаж.

Открыла дверь, шагнула в освещенную одиноким бра прихожую, плюхнулась на пуфик. Слегка отдышалась. А через открытую форточку было слышно различные новогодние звуки. Запускали даже какой-то самодеятельный фейерверк.

Няма разделась, прошла на кухню и подумала, что пора копить на билет. И еще она вспомнила, что раньше весны ей это не удастся. Она признавала только первые ряды в парте-

ре. И себе в этом не отказывала.

Улыбнувшись, Няма зажгла на ёлке гирлянду, включила компьютер, телевизор.

И дальше – как всегда.

*Ландышева тетрадь,
29 марта 2021*

СМЫСЛЫ

Её как-то вдруг стал угнетать возраст. И не то, чтобы ей было много лет – так, едва за сорок. Но она чувствовала, как ретиво время ведет себя, непослушным сорванцом оставляя ее в унынии и хандре, в незнании как опять впасть в радостную пору братания и дружбы с этим временем, когда оно обманывало и сулило вечную дружбу и нерасставание. А теперь – предательски улепетывая, взявши за ручку очередной глупый и доверчивый молодняк, а её оставив небрежно и неожиданно на маленькой типовой кухоньке со старыми, давно не чищенными кастрюлями.

Она сидела на своей кухне без раздражения, любила в ней крошечность и уютность. Но что-то стало настораживать – своей конечностью, точечностью своей конечной.

Она сладко курила свою очередную сигарету, допивала крепкий настоящий чай из прозрачного стекла чашки. В которой пронзительно золотился чай, который по цвету был так совершенен, что его было жаль пить.

Она сделала маленький глоточек и, чтобы избежать этих банальных рассуждений о времени и о себе, решила намыть окна и плиту. Чтобы казалось белее и светлее. Но почему-то желание это испуганно скрылось от четкой мысли, что крайне не хочется делать ни того, ни другого. Не видятся в этой

суете никакие глубокие и нужные этой жизни смыслы.

А другие смыслы тоже не спешили на встречу к ней.

Ей вспомнился вдруг вчерашний ничейный дед. Он сидел на карнизе окна милого местного магазинчика.

Интеллигентного вида дед, в оправе золотой очки, черное пальто, но на ногах – домашние тапочки. Это-то в феврале. Он сидел, опершись на трость, и разговаривал о чем-то, горячо и убедительно кому-то говорил. Совершенно не осознавая, где он. И в нем не было видно никакой испуганности. Он был бодр и с интересом общался, сам с собой.

Мимо шли люди, иногда кто-то пытался выведать у деда, не потерялся ли он. Не надо ли помочь. Но дед от помощи отказывался, вернее – игнорировал любопытство прохожих. И они, с удовольствием и чувством облегчения, шли себе дальше.

Она тогда не стала домогаться у деда-потеряшки адрес его, а сразу пошла себе мимо, потому что почувствовала, как трогательно счастлив этот дед, от непонимания того, что он заблудился. Она почувствовала, как нет в нем никаких страхов, которые жили с ней постоянно, с тех пор, как любимое ее время разгильдяйства и молодости подло сбежало, оставив вопросы и страх за отсутствие ответов на них. Она прошла мимо деда, подумав только, что дед был совсем не прост, домашние тапки – и те были из дорогого магазина. Жил он явно где-то недалеко. И его чистый домашний вид обещал, что его наверняка уже ищут, и найдут обязательно.

Она почувствовала, увидя этого деда, что она уже в его времени, а не с теми девчушками-хохотушками, обогнавшими её, спешившим по своим, ей недоступным, делам.

Почему она вспомнила об этом чужом старике – она не знает, но почему-то она отодвинула от себя чашку с холодным чаем и стала думать о том скандале, который закатил ей утром сын. Без видных причин. Она просто сама по себе была помехой какому-то его замыслу. Чем-то мешала, скорее всего – своим постоянным присутствием. Она почти не выходила из дома никуда, ни с кем. А главное – незачем.

Взгляд ее упал на коробку спичек. Она улыбнулась – какая-то необъяснимая страсть обнаружилась у нее к каминным спичкам. Когда-то давно она увидела эти чудные спички в одном доме с камином. Дом был роскошный, и оказалась она там совсем случайно и некстати. И тогда она увидела этот большой коробок со спичками. Он лежал прямо на камине и заинтересовал ее сразу же.

Она взяла в руки тяжелый коробок и, стараясь быть незаметной, попыталась открыть его. Как ни странно, он легко разъехался и обнажил толстый ряд длинных спичек гулливерных размеров. Серные головки их были такими большими, что казалось – каждая спичка в нарядном розовом сарафанчике. Эти спички в яркости своей были гимном какой-то другой жизни.

«Не рассыпь!» – жесткая рука забрала у неё коробок и положила на место. Похоже, это был кто-то из прислуги.

Её это тогда сильно обидело, и она ушла, что, впрочем, и не заметили. И с того самого вечера она помнила нарядность, вызывающую, этих спичек. Она даже купила себе такую же коробку в супермаркете. А потом еще и еще. Короче, это стало манией какой-то. Она привозила каминные спички из других городов, из-за границы.

Впрочем, и с сыном скандал случился из-за этих самых спичек. Он не понимал смысла этой коллекции каминных спичек. У них ведь не было камина. И что уж совсем было правдой – никогда уже и не будет.

А она всё еще чувствовала, как сулят ей эти нарядные, длинноногие, со скрытым пока – светлым, мощным огнем – камин, и дом к нему.

Она улыбнулась – ну и пусть, нет камина, но ведь и прикурить можно сигарету. Спичка зажглась громким фейерверком, и потом еще долго догорала в пепельнице, бликуя разноцветными огоньками. Не сдавалась угасанию.

Она вылила холодный чай в раковину, докурила сигаретку и опять подумала о времени. И оно ей показалось не таким уж равнодушным, если подарило ей возможность увидеть в простой фабричной спичке для камина – и фейерверк, и деда на окошке у магазина. И не огорчаться отчуждению сына. И чтобы перекрыть все эти текущие неясности в жизни. Иногда нужно полюбить, пусть это и только каминные спички в ярких своих сарафанчиках.

Но даже если просто, по быту – ими удобнее духовку за-

жигать. Ловчее как-то.

А духовка – это дух дома, и другие вкусности. И вовсе необязательно иметь камин, чтобы пользоваться этим любимым предметом.

– Вот именно, – и она зажгла духовку.

Значит, будет обед.

Может и был смысл сегодняшнего дня именно в этом спичечном фейерверке.

Эта простая мысль показалась ей абсурдной, и даже несколько бедной.

И она себя немножко пожалела. На досуге. Пока нагревалась духовка. Она положила коробку с каминными спичками на специальную широкую полку. Почти как у камина – чтобы они были всегда под рукой. Удобно. Ведь она часто курила.

Ландышева тетрадь,

9 мая 2021

Церемониал

Катерина гладила рубашки так, будто это было главным смыслом ее жизни. Воротничок, манжеты – жалобно стонали под нажимом утюга, а она внимательно щурилась – нет ли на ткани залома или заглаженного уголочка. Так же были выглажены рукава, и перед, и зад. Потом рубашка, с почтением, занимала вешалку. Она висела всегда такой красотой, обещала хозяину своему удачный день, месяц, год. Годы. Она проделывала это с удовольствием, а пока гладила – любила вспоминать о чем-нибудь веселом и позитивном. И похоже было, что эти ласковые ее нашептывания распространялись на всех членов семьи, носивших эти самые мужские рубашки.

Катерина любила этот процесс, он ей придавал силы на все время, до следующей церемонии глажения.

И рубашки в её руках становились каждый день новенькими, и вид у них был только что купленной обновы.

Сегодня что-то не заладилось утро. Отключили свет в доме. И муж, не увидя свежей рубашки, наорал на нее и невежливо, хлопнул дверью.

– Могла и с вечера погладить, – укорил он.

Нет, не могла она гладить вечером. За ночь рубашка остывала, обвисала, и у нее утром был вид заношенной вещи.

Катерина знала почему-то, что остывшая рубашка – это как остывший чай. Холодный и скучный. Без флюидов.

Муж ушел в испорченном настроении, пришлось ему надеть пиджак на неглаженую сорочку, а пиджаки он не любил.

Катерина немного огорчилась – и уходу мужа, и на отсутствие света.

А потом, накинув плащик, вышла на улицу. Дома всё равно делать без электричества нечего. И она решила дойти до магазина. Она долго думала, что бы такого ей купить, потом вспомнила, что накануне закончилась в доме курага. И, с чистой совестью, Катерина решительно направилась за курагой.

Но во дворе ей пришлось остановиться. Она вышла прямо на скандал двух соседок. Которые вели громкий спор о проблемах с электричеством.

Катерина прислушалась к их резким голосам, но ей стало скучно, и она зашагала себе по своим рутинным делам.

– Перегрузка в сети, пробки не выдержали.

Убегая от их криков, Катерина вдруг подумала про уют, надо было давно купить новый. Умный и самостоятельный. С паром, с режимами. Но она почему-то не хотела иметь такой уют. С ним не поговоришь, не пошепчешься. Он всё делал сам. Знал как и когда включиться, и выключиться.

Тетки во дворе все орали. Катерина долго еще слышала их голоса.

Она подумала о муже, Викторе, о его гневе на нее из-за

невыглаженной сорочки. «С вечера погладить не могла». Да, не могла, потому что исчезала за ночь забота и любовь к этому процессу глажения, который давно стал для неё главной церемонией дня. Напутствием на удачу ему, любимому, и такому грубому, иногда. И нетерпеливому к тому, что мешало его комфорту.

Но она не помнила обид, они всегда ей казались ненужной суетностью.

Катерина купила несколько упаковок кураги и вышла из супермаркета. Каково же было ее удивление, когда, возвращаясь, она застала все еще бушующих соседок. Теперь тема распри была другой, о парковке. Развлекались.

Катерина вдруг, неожиданно, подошла к ним и спросила: – Девочки, а вы утюг выключили?

Они замолчали на несколько секунд и рванули в свои квартиры.

Катерина улыбнулась наступившей тишине.

Электричество уже дали. Весело гудела стиральная машина. Продолжая свой труд после вынужденной паузы.

Тихо шелестела рядом с ней и посудомоечная машина. Всё стиралось, мылось, сушилось. Все само, решительно и неумолимо, пока режим.

Катя подошла к гладильной доске и хотела включить утюг, и погладить на завтра все разом рубашки, и повесить готовыми в шкаф, рядом. Чтобы вдруг, как сегодня, не попасть врасплох без электричества.

Но что-то останавливало её. Она знала, что гладить с запахом на всю неделю нельзя. Они утрачивают волшебную силу её нашептываний, ее ласки и пожеланий хорошего дня.

А если случится, не будет электричества вдруг, муж надеет пиджак. Ну, и что – не любит пиджаки. А она – терпеть не может гладить рубашки с вечера. И еще ей подумалось, что такое с ней случилось, дающее ей возможность думать о глажении, утюгах, соседях. И о суровости мужа несправедливой.

И она поняла, что если и будет так, и захочется ей вдруг все это оставить и не жить этим – она уже не сможет.

Магия глажения рубашек и ее задействовала. И уже не отпустит. Она не представляла себе утра без этого церемониала в отношениях. И потом она знала, что к удачам своей семьи она хоть как-то причастна.

Вечером муж поцеловал ее в макушку, извинился. И признался:

– Весь день – насмарку. Всё из-за пиджака. Не везет мне в нем.

Катерина пожала плечами, поцеловала мужа в щечку.

День прошел плавно, тихо и мирно.

Катерина перед сном выбрала из высохшего белую в полоску, любимую мужнину рубашку, и положила её на гладильную доску.

– До завтра, – сказала она ей.

И та послушно осталась ждать утра.

*Ландышева тетрадь,
12 мая 2021*

Подсказка

Это всё было очень некстати. Ветер нес колючую порошу, будто брызгал в лицо иголками. Но Георгий должен был дойти до дома, указанного на конверте. Он работал курьером и, как ни странно, любил свою эту непрестижную службу. За свободу, уличные красоты, свежий воздух. Он ходил себе, вышагивая по незнакомым улицам, вглядываясь в необычные, иногда старинные дома. И время, при этом вояже его каждодневном, легко удалялось. День всегда казался коротким.

Но сегодня что-то мешало этому легкому его скольжению. То ли ветер, могучий и холодный, то ли еще что-то, скрипучее и раздражающее. И Георгий не сразу понял, что выводит его из себя простенькая пошловатая мелодия из далекого фильма, смотренного-пересмотренного. Он тогда был так влюблен в эту мелодию, что подобрал её дома на фортепьяно, несмотря на строгое, осуждающее эту простоту «фи».

И сегодня с утра Георгий просто проснулся с этой мелодией в ушах, и она понеслась с ним – и в метро, и в маршрутке, и она оказалась такой приставучей, как дурно воспитанная барышня.

Георгий вышел из метро в самом центре, у собора, и пошел по нужному адресу. Он проходил уже сквер с голым,

недружелюбного вида, кустарником. Как вдруг, в маленькой безветренной нише, у арки входа в этот сквер, увидел скрипачку. Девушка наигрывала что-то, непонятно для кого. Прохожих почти не было, а ветер быстро поглощал слабый звук скрипки и гасил его, как-то немедля.

Перед девушкой стоял открытый чехол, в нем помещалась трогательная коробочка металлическая от монпансье, для мелких денег.

Проходя мимо, Георгий услышал, что играет она Брамса. Играла профессионально, но Георгий решил не останавливаться – он ведь был на работе, а еще ему почему-то не понравилась сама попрошайка. Был в этом какой-то подвох. Хорошее исполнение, шла бы преподавать, а то стоит здесь – почти на паперти.

Георгий поспешно осудил девчужку и пошел себе дальше. Но чем быстрее он шел, тем сильнее мучила его мысль, что напрасно он не поблагодарил хотя бы одной монеткой. Георгий притормозил, оглянулся. Скрипачка играла, но ветер доносил звуки вместе с колючей порошей. Георгий пошел дальше и тут понял, что дурное настроение его куда-то отступило и выскочила из ушей назойливая мелодия.

Приступило что-то непонятное и опять заставило его оглянуться на скрипачку. Она уже не играла, а разговаривала с мужчиной бомжеватого вида, но, что удивило Георгия – он положил в футляр, с низким поклоном, деньги. И тут же отошел.

Георгий стоял, разбирая эту увиденную картинку, и еще раз передумал вернуться. Когда пойдет обратно, то может и остановится у музыкантши. И как она может играть на таком ветру! Какая в этом необходимость? Кому здесь нужен Брамс, в такую погоду? Георгию даже стало жаль её. И он все-таки решил вернуться, послушать скрипку и положить в заветную коробочку от монпансье горсть мелочи, которую уже нащупали в кармане его пальцы.

Он резко развернулся и пошел к арке входа. И вдруг скрипачка заиграла навстречу ему ту самую мелодию из детства, которая только что исчезла из его ушей.

Похоже, скрипачка подхватила эстафету. Каким-то странным образом, она просто с нужного такта стала играть ту же самую мелодию. Как бы приветствуя мудрый и благородный разворот Георгия в ее сторону. Это совпадение так порадовало и поразило Георгия, что он, почти бегом, достиг музыкантши.

Он, не посмотрел ей в лицо, ему было неловко за свои плохие мысли о ней и, будто попросив прощения, он выгреб всю мелочь из кармана и, с каким-то трепетом, опустил в коробочку от монпансье. Звуки сыплющих монеток совпали с ударом соборного колокола. Девушка опустила скрипку, пережидая эти бойцовские звуки колокола.

И тогда Георгий, украдкой, глянул на ее лицо. Она с такой серьезностью слушала мелодию соборных колоколов, не обратив внимания на мелкий звон монет от Георгия.

Он отошел от скрипачки. Шёл по нужному адресу и все думал о том, как она угадала его музыку, на которую мама – и та говорила «фи».

И еще он подумал, что этот мужчина бомжеватого вида заплатил и именно эту мелодию заказал скрипачке. Но и это казалось маловероятным. Но более всего было странно то, что Георгий продолжал свой путь курьера, пытался вспомнить и напеть эту мелодию, но она не давалась. Ушла. Затихли и колокола.

И Георгий шел и однозначно знал о себе сегодня, что он ничего не знает о том, что и как происходит. И его радовало это незнание, а не тревожило совсем. И ветер тоже внезапно стих и отстал, со своей нелюбезной колючестью.

И уже через несколько минут Георгий нажимал кнопку домофона нужной ему квартиры.

И там сразу ответили, и впустили без всяких вопросов. Легко и скоро.

*Ландышева тетрадь,
14 марта 2021*

Причастность

Он шел по улице совершенно свободным человеком. Даже скорее чуть зевакой его можно было определить. Поток людей по дороге к метро был стремительным, но и он не захватил, и не увлек его в свои замыслы. Он обтекал его, делясь на две половины очень занятых людей, а потом соединялся в монолит деловых спешащих пассажиров.

Со стороны казалось, что он нарочно тормозит эту деловую стремительность, но сам Глеб ее не замечал. Он гулял. Гулял не спеша, со вкусом, не стесняясь вглядываться в эти напряженные, озабоченные лица, и сильно сочувствуя им.

На переходе он остановился и спокойно ждал зеленый, как вдруг, тарахтя и гремя, промчалось по зебре стадо рокеров. На втором байке, чуть отдельно, белым флагом – то ли капитуляции, то ли победы, сверкнула невеста в шлеме, и с ландышами. Она крепко обняла впереди сидящего жениха.

Стайка байкеров промчалась с такой счастливой и веселой стремительностью, что Глеб, наверное, позавидовал, если бы в наступившей неожиданной тишине не услышал за своей спиной раздраженный женский голос. Он был громким и настойчивым, и не умолкал даже, пока Глеб переходил проспект. Монолог был шипучим и злым. И в нем ощущались раздражение и нелюбовь. Глеб притормозил, чтобы

пропустить вперед обладательницу этого голоса, а заодно посмотреть на слушающего этот громкий выпад.

Пара обошла его, и Глеб увидел мужчину, который никак не реагировал на злые слова своей попутчицы. Он слегка улыбался и отвечал: «Ты права, ты права. Что тут скажешь».

Женщина не унималась, пара в метро не вошла, а пошла дальше, свернула в ближайший переулок.

Глеб не отставал, и сделал по возможности равнодушный вид выражению своего лица. Хотя мог бы и не делать. Прохожие и так не любопытствовали по его особе.

Глеб подумал, что хорошо бы поесть чего-нибудь. И пиво выпить, но в карманах его было пусто. И еще надо было очень постараться, чтобы хотя бы к вечеру раздобыть денег. Но и эта проблема не тяготила Глеба, он всё шел за той парой и видел, как из последних сил сдерживает себя мужчина.

Наконец, пара остановилась. Оба уже гневно смотрели друг на друга. И видна была готовность обеих сторон на крайние меры, разбежаться – и все тут.

Глеб уже подошел к ним, тротуар был узким, и ему было не обойти их. Он остановился, они сделали паузу и смотрели на него угрожающе почему-то.

Глеб заметил глубокую морщину на лбу женщины. Было похоже, что она часто хмурится.

Спутник её был, наоборот – мягок и свеж. Его готовность к доброму примирению раздражала женщину еще больше. Она отступила на шаг, пропуская Глеба. Но он не спешил.

Нашулав в кармане пластик жевательной резинки, которой угостил его добрый маленький малыш в подворотне, он протянул её женщине и сказал, подражая мудрости Сократа:

– Не ссорьтесь, милые мои. Это чревато бездомием. Гляньте на меня.

Женщина рассеянно взяла пластик резинки и глянула на Глеба внимательно.

А он прошел сквозь них и пошел себе дальше, походкой свободного человека.

Женщина вышла из оторопи и брезгливо швырнула теплый пластик в урну. Вытерла ладонь платком.

– Зря выбросила, – обнял ее мужчина. – Можно было сохранить на память.

– Память о грязном бомже? – удивилась женщина.

– По мне, так это был чистый ангел, – мужчина обнял её, поцеловал в макушку. И они пошли дальше, уже молча. Но молчание это было полно всяких смыслов.

А Глеб шел себе дальше и думал, какая это была удача, что малыш одарил его «жёвой». Он бы, Глеб, предпочел бы другое, но ведь и жёва пригодилась.

И еще он подумал о том, как жаль, что они с женой не встретили, в нужную минутку, такого вот человечка, который отдал бы последнюю жёву, чтобы помирить их.

Но Глеб старался не вспоминать ту, другую свою жизнь, потому что из сегодня, ссоры те, бессмысленные и глупые, по легкомыслию – казались пустячными. А оказались для него

фатальным приговором.

Глеб углубился было в переулок, но быстро понял, что народа здесь мало, и он быстро покинул недоходную улочку и устремился к людям. К потоку их, чтобы он его обтекал, и казалось бы – ты причастен, ты в нем. Глебу нравилось эта причастность, и он ей очень дорожил.

И еще Глебу вспомнилась грохочущая свадьба байкеров, куда они так неслись под белым флагом платья невесты? Который обещал уверенность и свободу. И не поверить в это Глеб не мог. Потому, что чувствовал свою к ним причастность. И сам не мог объяснить, почему. И, как близкий гость, он вдогонку пожелал молодым пожелания.

Глеба обогнал широкоплечий мужчина в джинсах, и такой же рубашке. Через оба плеча на нем, крест-накрест, висела рыжая кожаная портупея. Она была необычной, двусторонней, и на ней болтались по обе стороны тяжелые фотокамеры. Они фиксировали, своей раскачкой на бедрах мужчины, уверенную и стремительную его поступь. Видно, что он спешил на важное дело. В руке он нес еще одну фотокамеру, на штативе. Он спешил зафиксировать какой-то важный момент в жизни. Спешил, и ничего не замечал, обогнул Глеба, будто увернулся от него, и исчез навсегда.

«А хорошо бы это были пистолеты», – подумал, совсем не зло, Глеб.

Впрочем, в этой толчее никто бы не заметил.

*Ландышева тетрадь,
6 июня 2021*

Молчание

Валентина заметила в себе неприятную новизну. Она стала долго, длинно и безапелляционно говорить. Особенно давалось ей это удовольствие в беседах по телефону. Она чувствовала, как угнетает своим напором ви-за-ви, но остановить себя, или окрасить интонацию теплым ироничным тоном, она уже не могла.

Валентина объясняла дурную эту манеру в себе отсутствием постоянного общения. Звонили ей редко, кто – по занятости, а кто – и нежеланию слышать ее агрессивные высказывания по любому поводу и теме.

Она пыталась усмирить себя в этой вредной привычке – судить обо всем строго, без поблажек. Но тогда не получалось беседы, она пошло сводилась к ценам в магазине, или невымытых окнах в доме.

Укрощение себя не удалось, и тогда Валентина попыталась хоть чуточку молчать и слушать собеседника, но эта, уже совсем недоступная вершина, ей не далась.

Об этом горевала Валентина, идя в киоск «Печать» – за газетами.

Она не пользовалась интернетом, а по старой привычке любила скупить все свежие газеты, разной масти и концепций. К ним еще прилагались редкие, «толстые», журналы.

Всю эту кипу Валентина с интересом просматривала на уютной своей кухоньке. Не спеша, вдыхая запах свежей краски из типографии.

Она уже открыла дверь и вошла в знакомое и всегда теплое, тесное помещение газетного пространства и приветливо громко сказала: «Здрaсте». Но тут же споткнулась на безответную тишину.

За кассой, вместо милой Веры Ивановны, которую она знала не один год, сидела носатая тетка, с колючими прищуренными глазками и безо всякого интереса, молча, смотрела на нее.

Валентине тут же захотелось покинуть этот безрадостный уют, но она сдержала этот свой порыв, газеты в доме кончились, свежие журналы – тоже, и она сделала шаг навстречу этой нелюбезной кассирше.

Та не сводила с нее подозрительного взгляда, и Валентина от этого наспех похватила со стенда все подряд, прихватила и журналы. Всё сложила к колким глазам тетки. Та молча стала считать, и очень медленно. Видно, что за компьютером она сидит совсем нечасто. А Валентина всё еще подкладывала новые всякие газетенки.

Густые и низкие брови кассирши чуть дрогнули, но она не проронила ни слова.

Валентине захотелось расшевелить эту кассиршу, спровоцировать её на хоть какую-то реакцию.

Но крепость не сдалась. Недовольство выразили несколь-

ко человек в очереди, которая успела прирасти сзади.

Наконец, пресса была подсчитана, Валентина, сунув ее в пакет, вдруг неожиданно для себя поблагодарила кассиршу громко и приветливо. Удивляясь как бы её вежливости и расторопности.

Но и этот выпад дал сбой.

Тетка в своей невежливости была даже какой-то привлекательной, от ее нахмуренных бровей и темных глаз с прищуром исходила такая энергетика, что Валентина, хлебнув её невзначай, прозрела и увидела на длинном носу кассирши еще и зрелую бородавку. Это открытие потрясло Валентину больше, чем возмущенная очередь. Все в которой спешили по своим неуловимым делам, а кто ведь – и за сигаретами стоял. Их продавали здесь в широком ассортименте.

Очередь роптала, Валентина смирилась – и с кассиршей, и с её бородавкой на носу, ушла из душного помещения. Она даже пробежала несколько метров, чтобы отделаться от этой кассирши, очереди и вдохнуть настоящий жизни впечатления.

Но старуха никак не забывалась.

«И что такое было с ней не так?», – думалось Валентине.

Ну, мрачная, молчаливая. Медленно считает. Она не без удовольствия вспомнила свое милое общение с Верой Ивановной. Они так любили поболтать славно. И очереди у нее никогда не наблюдалось.

Валентина шла в подавленности, давно не ощущаемой ею.

«И что за причина? Пустяки всё. Вот приду домой.

Почитаю газетки. Сварю кофе».

Но не тут-то было.

Валентина, уже на подходе к дому, увидела урну и, уж совсем неожиданно для себя, бросила туда газеты. Вместе с пакетом. Она уже исключила для себя возможность взять их в руки после этой мрачной старухи на кассе. Будто побоялась, что все желчные хвори её перетекут к ней в дом через свежие газеты.

Валентина вытерла пальцы спиртовой салфеткой, которые были у нее всегда при себе. И ей стало сразу легче.

А новости она узнает от соседки. Ха! Которая всегда сиятельно весела, и всегда под рукой. А еще Валентина решила, что надо будет за прессой ходить в другое место.

Она уже знала, что никогда не переступит через порог, за которым сидела невежливая эта кассирша.

А вечером она с возмущением рассказывала своей приятельнице о своем неловком приключении с кассиршей. О её молчании агрессивном и отсутствии реакции, на что приятельница предположила: «Может, она просто глухая?»

Валентину даже обрадовало такое предположение.

Это оправдало бы недостойное поведение кассирши. Если это так, то Валентина даже пожалела о выброшенных газетах. Пospешила. Всегда у неё так. Торопишься с выводами.

Но вдруг она вспомнила, что перед ее приходом кассирша говорила по мобильнику. Да и вряд ли на такую работу

могли взять глуховатую даму. И вдруг Валентина поняла, и даже почувствовала причину этого молчаливого кассиршиного протеста. Это было личное её отношение к ней, Валентине. Которая, мало того, что щеголяет в белых брючках, а они с кассиршей могли быть ровесниками. Белые брючки, шляпа, шейный платочек, и прессы на неимоверную сумму. Сразу видно, тратит без счета.

Вот и кассирша выразила к ней жесткую свою неприязнь. И правда, та сумма, что она потратила на журналы и газеты была легкомысленной.

Валентина, поняв вдруг все разом – и про себя, и про кассиршу, вздохнула с облегчением. И уже не жалела о выброшенных газетах. Завтра она пойдет опять, именно в этот киоск, и попробует приручить злую кассиршу. Зачем ей это было надо, Валентина и сама не понимала.

Разве что научиться у нее выразительному молчанию. Которого так не доставало самой Валентине.

Когда назавтра она пришла в киоск, она увидела Веру Ивановну, её очаровательную улыбку, беглый стук по клавишам кассы. Всё было знакомым и родным. Валентина не удержалась и спросила:

– Что это было вчера? Что сидело?

Вера Ивановна расхохоталась.

– Это я бегала к стоматологу. Хозяйка, это она. Сама сидела – больше никому.

Валентина была в полной растерянности, что не угадала,

она даже не осталась поболтать с Верой Ивановной, купила только телепрограмму.

– Я вчера огазетилась, – объяснила она Вере Ивановне.

Валентина шла домой и улыбалась тому открытию в себе, что случилось накануне с ней. Всё она придумала себе – и старуху, и мрачность её, и выброшенные в урну газеты.

Все это она старательно взращивала в себе из-за отсутствия достойных событий в ее жизни. Ведь ничего вчера такого не случилось. Не обрати она никакого внимания на старуху, с ее художественной бородавкой, а приди она просто за газетами, а не утренней чьей-то улыбкой. Купила бы, расплатилась – и всё. Как те, в очереди, которых она тоже ведь раздражала – тем, что застряла у кассы.

Валентина была недовольна собой, пока не увидела в своем дворике, как местный собиратель картона, довольный, вынимает газеты и журналы из ее вчерашнего пакета и перетягивает его шпагатом. Большой такой, общий из картонок всяких и газет тюк у него получился.

Он поздоровался с Валентиной. И она душевно кивнула ему в ответ. Она и впрямь была довольна, что газеты эти и журналы кому-то пригодились.

Впрочем, это тоже было открытием пустячным.

Валентина, раздраженная своей бестолковостью, с досадой за себя, решила покупать газеты у метро и не замечать, у кого ты их покупаешь. Подумаешь, событие. И Валентина расплакалась. Ей стало жалко покидать Веру Ивановну,

которая, как ей казалось, была привязана к ней. Но, скорее всего, она и здесь не угадала, придавая этому несуществующую значимость, по великодушию своему.

*Ландышева тетрадь,
6 июня 2021*

Бывает

Это был настоящий офисный город. Он был как-то вызывающе задуман автором. Здания были названы, каждое – по времени года: «Зима», «Весна», «Лето», «Осень». А еще был дом с картинками на окнах, художника Бенуа, к сказочной постановке «Петрушка». Персонажи смотрели со стеклянных витражей весело и слегка иронично. Казалось, что они пристально вглядываются в новых людей. Офисный городок этот имел на своей территории даже церквушку. Такую же, в тон комплекса – уютную и золотую.

Костя работал в корпусе «Осень». И поэтому все здесь было выполнено в оттенках охры. Только лебеди, черные, свободно проживали в своих домиках на берегу неглубокого пруда. Они высокомерно выгибали свои шеи и неторопливо скользили по чистой воде пруда. Хозяин этого офисного городка был человеком рачительным и, похоже, во вкусах своих укорота не находил. Поэтому эклектика этого места внушала, если не восхищение, то уж уважение – определено. Люди приходили сюда посидеть на лавочке, которые размещены были с большим интервалом друг от друга, что было умно и удобно. Также байдарками можно было попользоваться. Пристроиться в хвосте лебедей, проплыть за ними, слушая их гортанные беседы.

Костя бежал на работу в это дивное место, как на свидание с той нормальной жизнью, о которой думал, что она будет, непременно будет. Состоится у него. Но она, жизнь, состоялась только наполовину. На эту вот офисную, в этом городке немыслимой красоты и комфорта. А вторая половина жизни Кости удалась не очень. Он жил в узкой квартирке, с маленькой кухонкой, и без ванной. Он поставить хотел душевую кабинку, но сантехник был суров и неумолим:

«Не положено! Угол затопите у соседей».

Так что Костя со своим семейством посещал городскую баню. В этом тоже была своя горечь неудобств, которую Костя чувствовал почему-то как свое унижение. Перед кем? На этот вопрос он и сам не ответил бы. Ну, что баня. Моются люди, общаются. И все нагие, и без аксессуаров привычной жизни, по которым можно узнать, сколько он стоит. Ни часов тебе, ни башмаков фирменных. Все одинаковые, беззащитные и чистые потом.

Костя рвался в свой офис, как в поездку за границу.

Как в Лондон, Париж. Всё в офисе, в его кабинете, было функциональным, удобным и даже красивым. Аквариум с диковинными заселенцами. Стол с компьютером, а еще кресло, которое просто хватало Костю утром, прижимало к своей кожаной груди и никуда не отпускало. Но Косте не очень-то и хотелось. Он даже обед переносил с трудом. В кафе было дорого и невкусно. Поэтому с обеда Костя очень быстро добирался в свой кабинет. И уж там, кормил не спе-

ша рыбок в аквариуме, приводил в порядок счета и договоры. И все это делал с любовью и не спеша.

Но это утро как-то сразу не задалось. Едва он пришел на службу, как его позвал начальник и с улыбкою сообщил, что его, Костю, вместе с отделом переводят в новый корпус.

– Там пока не устроено, но мне нужен ваш кабинетик. Мы расширяемся. А вы будете обживать на новом месте. У вас получится. Вы – человек уюта. И там наведете.

Костя вышел от начальника совершенно сбитый этим сообщением.

Он хорошо знал этот новый корпус, о котором ему сказал босс. Он стоял на самом отшибе городка, и окна выходили на трассу. Он уже был там однажды. И заметил, что туда, в этот корпус, свезли всю списанную устаревшую мебель, столы и кресла – по ним было видно, что давно были в употреблении. Уют с ними было навести непросто.

Но самое главное, что огорчило Костю, это отсутствие любимого вида из окна. Ни байдарок, ни лебедей, ни высоких чистых стеклянных рам. С тугими шпингалетами, ретро-защёлками этих самых рам.

Костя заскучал. Что там, тоска одолела его разом, она всегда была в другой весовой категории. Тяжелой.

Он вошел в свой кабинет и привычно опустился в кресло. Оно еще не знало о грядущих переменах, надежно подставило ему привычные подлокотники.

Костя оглядел стол. Он был чист, ничего лишнего. Хозяин

любил порядок.

Выдвинул ящики. И в них – так, пустяки, никаких папок. Все аккуратно сложено на стеллажах и компьютере.

Костя начал собираться к переезду. Он подошел к окну и стал смотреть на пруд, лебедей, на гуляющих по аллеям прохожих с детскими колясками.

Костю обуяло такое странное чувство, что его засунули в самый глухой ящик стола и надежно задвинули.

Неужели этого ничего уже не будет в жизни его? Та красивая и изящная сторона этой жизни исчезала. Вот он, последний взгляд на нее, эту ускользающую, любимую им жизнь.

И тут взгляд Кости споткнулся об аквариум.

Вот он дурак. Надо перенести туда, в новое место, аквариум. Он, конечно, очень громоздкий, но хотя бы его надо будет перетащить. И кресло свое любимое.

И тут Костя с ясной горечью понял, что не сможет он перенести ни кресло, ни рыбок. Потому, что это ему не принадлежит. Это – собственность этого самого офисного городка. И на этот перенос нужно будет особое разрешение.

Костя даже вздрогнул испуганно, осознав, что ему здесь ничего не принадлежит. И вторая половина его жизни вдруг вильнула хвостиком своим золотым и осталась здесь, в этом емком аквариуме.

Косте сразу захотелось просто уйти. Его здесь ничего не держало. Он пойдет и напишет заявление об уходе.

Но, вспомнив свою узкую квартирку, он почему-то пере-

думал, а вернувшись к боссу, робко попросил его об аквариуме.

Но босс, конечно же, не разрешил.

– Мы туда новый купим и поставим, – беспечно, как-то весело пообещал он.

Но Костя в это обещание почему-то не поверил. И на секунду представив себе, что завтра ему на две остановки придется выходить раньше, он очень обозлился на весь этот несправедливый мир. И почувствовал себя бесправной рыбкой в аквариуме. Вроде и простор, а обман стекла делает ее жизнь невыносимой.

Костя это хорошо знал, он кормил рыбешку эту каждый день.

И подумалось ему, что и правильно – переезд без привычных вещей. Хорошо – никаких воспоминаний.

Он легко, и даже с какой-то радостью, вошел в свою узколобую квартирку, с уверенностью что это у него никто не отнимет.

Кстати, аквариум можно и у себя пристроить на окошке. Пусть не такой объемный, но Костя сделает рыбкам уют. Ведь такое право над ним признал даже сегодня Босс. Он даже, видя Костино убитое лицо, развел руками и сказал спокойно: «Бывает».

Уткнулся в свой компьютер и тут же забыл – и о сказанном, и о сделанном.

*Ландышева тетрадь,
19 июня 2021*

Надрыв

Она была восхитительной. Маленькая, из светло-коричневой кожи, шкатулка. Верхняя крышка опускалась и пристегивалась металлической кнопкой. Закрывалась щелчком – крепко и надежно. Шкатулка была на виду совсем игрушечной, и по вместительности в ней можно было защелкнуть небольшую брошь, или один крупный бриллиант.

Коробочка эта по размерам казалась волшебной, и настолько притягательной, что ее хотелось спрятать в карман. И уйти из гостей незаметно.

Что он и сделал. Это была первая и последняя кража в его детской жизни.

Она обнаружила эту шкатулочку у сына не сразу, он тщательно прятал эту драгоценность, да и взбучки опасался. Но когда она все-таки обнаружила у него эту, такую не его, вещь, соврал:

«Мне дядя Игорь подарил».

Она несколько раз переспросила, уточняя – когда и почему.

«Она мне очень понравилась», – с некоторой неловкостью подтвердил сын. – «И дядя Игорь мне ее подарил».

Игорь был другом их семьи. Сейчас он вел жизнь холостяка, жена и сын уехали жить в Германию. Игорь очень печался.

лился, не скрывал этого, а наоборот – всех собирал в свой дом. И говорил, говорил. Эти посиделки у него многим казались скучными и монотонными. В страдательность Игоря мало кто верил – подумаешь, жена ушла. Тоже событие. И потом, это было много лет назад. Чего уж там причитать.

А Игорь причитал. Не укрощая себя никак в этой страсти.

Игорь и возился с детьми друзей, будто закрывая этим общением пустоты в себе.

И поэтому она ничуть не удивилась такому подарку ее сына. Шкатулочка явно была антикварной, и она, на всякий случай, поблагодарила Игоря при встрече.

– Как подарил? Ничего я ему не дарил. Поиграть дал. Ты тоже, подумай, это – не безделица, это мне от предков. Дорогая вещь, не сомневайся.

И Инна поняла, что шкатулочку нужно вернуть. И она вдруг почему-то обиделась на Игоря. Подумаешь, дорогая вещица.

«Думать надо, а не соблазнять детей», – так подумала она.

Но Игорю пообещала, что вернет. И робко представила себе разговор с сыном по этому поводу.

Но, когда она пришла домой, сын сам пришел к ней и, прямо в прихожей, сунул ей в руку ларчик.

– Отдай дяде Игорю, – и убежал.

Ларчик был еще теплым от детских ладошек, и Инна бросила его небрежно в свою сумку.

Бросила и забыла. Она не стала давить на сына укоризною,

она и так видела – сын все понимает сам. И неловкость ушла, они мирно поужинали, не вспоминая об этом происшествии.

На другой день она зашла к Игорю домой. С трудом найдя в обширной своей сумке вещицу, похищенную сыном, она протянула Игорю.

– Сын наказан, – соврала она.

Игорь быстро взял ларчик в руки и бегло осмотрел. Проверил кнопку-защелку. И остался недоволен. Очень.

– Видишь, край надорван чуть.

Инна присмотрелась и увидела – действительно, краешек у защелки был порван.

– Это я. Зря в сумку бросила. В ней всякое безобразие творится.

Игорь махнул рукой, не без сожаления поставил шкатулочку на закрытую полку секретера и задвинул дверцу. Дав, тем самым, понять, что больше он так не сглупит, и не даст дорогую вещицу чужим.

Он так и сказал «чужим». Но тут же предложил коньяку и кофе, и жареной картошки.

Игорь был всегда хлебосольным.

Инне очень хотелось картошки, и коньяка, и кофе. Но она почему-то стала собираться домой.

Игорь стал удерживать её. Достал рюмки, особые, коньячные. Снял крышку со сковороды. Разнесся по комнате чудный дух укропчика.

Инна не устояла. Они уселись за стол, и Игорь все говорил

о няне, о сыне, о том, как он вырос.

Инна ела вкусную картошку и иногда кивала головой, делая вид, что длинный монолог не скользит мимо ее внимательных ушей.

Вечер прошел незаметно. Кофе был выпит, и Инна по-настоящему стала собираться домой.

– Как ты считаешь, они вернутся?

Игорь с такой надеждой смотрел на нее, что Инна, в который раз, соврала:

– Конечно же.

И повторила:

– Обязательно. Им там без тебя плохо, я знаю.

Игоря глаза вспыхнули, он вдруг поцеловал Инну в щечку, подбежал к серванту и сунул ей в руки злосчастный ларчик.

– Отдай сынишке. Дарю.

– Не надо, – Инна отвела его руку.

– Надо. Там все равно надрыв.

Он так и сказал красиво – «надрыв».

Инна шла по улице домой. Пошла пешком. Шла и думала, как обрадуется сын возврату сией драгоценной вещицы. Он не заметит надрыва. И скорее положит в эту шкатулочку свою какую-то драгоценность. И Инна многое бы отдала, чтобы узнать, как она выглядит.

Что-то вроде крупного бриллианта. А надрыв – он почти незаметен. Для сына – это уж точно.

И как красиво Игорь сказал это, «надрыв». Как будто речь

шла не о маленькой, сломанной чужой теткой, шкатулке, а о чем-то большом и главном.

А может, для него это так и было.

Ландышева тетрадь,

19 июня 2021

Шок

Звонок был неожиданным и, даже по звуку – уж очень громкий. Он звучал как команда собаке «к ноге».

Звонила давнишняя знакомая из Москвы, надумала приехать – повидаться хочет.

Ольга очень удручилась этим ее желанием, потому что с ее стороны эта встреча была просто невозможной. Это был звонок с Марса или Луны, или другой какой-то планеты. Подруга эта была знаменита, богата. И её желание повидаться с Ольгой казалось невероятной какой-то прихотью. Что еще больше не понравилось, что она, подруга, просто поставила её в известность, дескать – буду, встречай.

«Я на пару дней – до завтра!», – и разъединилась.

Ольга долго еще сидела с трубкой в руке, не зная, что ей делать с полученной информацией. Она погрузилась в отчаяние и растерянность. Еще бы. Она оглянула свое жилище беспристрастно, чужим глазом. И погрустнела еще больше. Было от чего. Все, от окон до входной двери, было тускло и обветшало. Окна, правда, она мыла недавно, но прикрыта их чистота была нелепыми самодельными занавесками, с цветными заплатками на старых дырах.

Кухня была тесной и закопченной, а в комнате стояло, во всю его ширь, только кофейное деревце. Оно поглощало все

скромное пространство комнаты, в углу был телевизор, а при нем – диван.

Ольга давно не занималась своим домом, в том плане, что предметы в нем присутствовали – только понятные своей функциональностью.

Даже кофейное дерево было задействовано в быту. Она вешала очки в его зеленых ветках, цепляя их за цепочку. А кадка от деревца заменила журнальный столик, здесь лежали газеты и читаемая нонче книга. Иногда даже подставляла подносик маленький, с чашкой чая и сухариками. Ольге всего было достаточно в её доме – и пространства, и уюта.

Она уже стала думать, куда она разместит гостью на ночь, и улыбнулась своему решению.

В чулане есть раскладушка.

Ольга и Мотя, так звали гостью, учились когда-то вместе и жили в одной комнате в общежитии.

Потом Ольга удачно вышла замуж. Потом родился сын, и она почти забыла о Моте. Пока однажды не увидела её в каком-то сериале и порадовалась за нее. Но потом все пошло по-другому. Ушел от Ольги муж, потом и сын сбежал в другую жизнь с какой-то девчонкой. Звонит иногда. Она поняла, что он – в другой стране, и больше не надеялась на его приезд. Постепенно успокоилась, привыкла. И стала радоваться всему. Своей однокомнатной квартирке после размена, аскетичному образу своей жизни.

А для дружбы и уюта – завела кофейное дерево. Оно вы-

махало под потолок и уже цвело не раз, и давало плоды. Ему, похоже, хватало пространства, солнца и воды. И бесед хозяйки, которая называла его разными непонятными, но хорошими словами.

И никто, и ничто не беспокоило Ольгу, как вдруг – Мотя. Зачем это? Ольга вдруг поняла, что не сможет предъявить ей свой дом, итог ее жизни, в котором ничего не было, что бы могло заинтересовать гостью. Даже красивой чашки не было в этой жизни Ольги. Были две – но все для неё, для кофе и для каши. Кашу она ела с ложки, прямо из чашки, так было удобно и привычно.

Ей нечего было предъявить и предложить Моте.

И поэтому Ольга решила сбежать. Она вдруг догадалась, что, если Мотя вспомнила ее номер телефона, то и адрес не забыла.

Припрется и будет стучать, ждать, не отступится.

Так Ольга целую ночь не могла уснуть, делала наполеоновским шагом круги вокруг кофейного дерева, и к утру решение пришло. Ольга сдалась обстоятельствам.

Приедет и приедет. Её желание, Моти. А ей, Ольге, ватрушку испечь...

«А что еще? Посидим, повспоминаем».

Скучно всё это, но тесто было замесено, и ватрушка поставлена.

Через полчаса аромат ванили, будто кружевами, украсил блеклое жилище.

Ольга стала смиренно ждать. И ждать пришлось долго. Она сидела на кухоньке, прислушиваясь к шагам, но Мотя все не шла.

Как вдруг раздался резкий звонок в дверь.

Раздался грохот на лестнице.

И когда Ольга открыла дверь, ее лицо сбил яркий свет – ей прямо в лоб светили огромным фонарем, а сбоку выскочила и бросилась обниматься Мотя.

– Снимай! Снимай! – командовала она оператору.

Растерянная Ольга отступила в комнату.

И тут она поняла, что их встречу снимают. Мотя, обнимая ее, что-то горячо говорила в микрофон.

– А это что такое? Экзотика. Это пальма? – тараторила она.

– Снимай! Снимай, – она все обнимала Ольгу и потом, наконец, объяснила. – Я веду блог – «Шок из провинции». Вот ездим по местам, таким вот. Снимаем, как люди живут. Или не живут? – обратилась с вопросом она в глазок камеры.

Тут она заметила очки на кофейной ветке.

– Какая деталь! Как на елке! Здесь – вечный Новый год!

Оператор снял и очки на ветке, и пачку газет и журналов в кадке, потом снял скромный вид из окна.

– Всё! – доложил он Моте. – Во! – показал он большой палец, от восторга.

Ольга, оглушенная всем этим грохотом и светом, все еще ничего не понимала.

Наконец, свет был выключен, и микрофон – тоже.

– Ну, здравствуй! Олечка! Ты извини шумное такое появление. Но мне нужен был эффект неожиданности.

– Шок, шок, шок – это главное, – подтвердил рыжебородый оператор, снимая скудное убранство дома. Он с интересом посмотрел на ватрушку в противне.

– Это для нас? – спросил рыжебородый и хотел поддеть пальцами кусок пирога.

И тут Ольга пришла в себя.

– Нет! Не вам, – она сорвала с крана кухонное полотенце и шлепнула оператора по спине.

Мотя пыталась приобнять её, успокоить. Но не была понята. Ну совсем.

Ольга громко ногой распахнула дверь на лестницу и стала толкать в нее рыжебородого.

Мотя пыталась удержать ярость Ольги, но вдруг закричала:

– Снимай, снимай!

И уже через минуту всё было кончено. Еще они повозились у двери недолго, а потом было слышно, как отъехала машина.

И все разом стихло. Ни звука. Ольга присела на табурет и вдруг неожиданно увидела себя в зеркале. Растрепанная, всклоченная и мало на себя похожая, она удивилась своему отражению.

Шок был у нее везде – в волосах, голове, глазах. И даже

рот был открыт.

Визит Моти удался на славу.

Ольга вдруг рассмеялась.

– Ну, и пусть, ну и ладно. Чего с них взять, – она подошла к кофейному деревцу, потрогала листочки.

А деревце тоже, наверное, было в шоке. Приняло прожектор за яркое солнце. И его обманули тоже.

Ольга сняла с ветки очки, взяла у подножия деревца с края кадки недочитанную книгу. И отрезала себе ватрушки. Потом налила себе чаю, и подумалось ей этак весело, что, может, и пирогу теперь есть имя. «Шок-пирог».

А что – звучит. «Шок» – от слова шоколад. Похоже. Теперь она будет называть ватрушку-подружку «шок-пирогом».

Она подумала о Моте, как она, интересно, живет, но не расстроилась, подошла, пошире отдернула шторы, чтобы было посветлее. За окошком был закат. И он окрасил листья кофейного дерева в розовый цвет. Это было диковинно красиво, и Ольга пожалела Мотю, что она никогда не увидит этой красоты.

Ландышева тетрадь,

22 июня 2021

Простота

Добрым быть невыносимо. Обременительно и тяжело. Эта мысль появилась у Лили, когда она долго ожидала, пока мужчина, толстый и запотевший, опрокидывал в себя стаканчик со святой водой, невзирая на очередь к этому, внушительно-мужественному по размерам, баку. Никто в очереди не роптал, все смиренно ждали, когда утолит жажду свою этот турист. По тому, как он вдовольствии прикрякивал, и крепкой своей ладонью ополоснул лицо, было видно в нем приезжего, в котором накопилась тоска по этой соборной роскоши, и себе в ней.

Лилиан едва сдерживала в себе гнев к этому странному типу, ей так и хотелось напомнить ему, что здесь он не один, а – очередь. Но она понимала, что и она не в супермаркете, и лучше бы ей помолчать.

Наконец, мужчина напился и, после где-то двадцатого стаканчика, отступил, и Лилиан смогла набрать себе в бутылку из бака с медным краником, ярким и чистым от частого касания рук.

Отошла и направилась к выходу, пытаясь унять раздражение, которое вызвал у нее этот потный толстяк, утолявший свою какую-то бездонную жажду.

И вдруг она снова увидела его крупную фигуру на площади у собора.

Он стоял, широко расставив ноги и задрал голову. Он так же внимательно смотрел на купола собора, так же жадно и неистово, как тогда, у бака, пил. На лице его было какое-то сильно разумное восхищение тем, что он видел там, наверху.

Лилиан тоже посмотрела вверх. И ничего, кроме привычных для неё маковок, не увидела. Вид у них был обычный, и привычный для нее.

И вдруг этот мужчина схватил ее за руку – она была ближе всех из толпы к нему, и громко так крикнул:

– Вы видите? Нет! Вы это видите? Красота какая!!!

И он затряс, сжал руку Лилиан, как близкого товарища обнял.

Лилиан хотела выдернуть свою руку, но неожиданно ей понравилось это новое ощущение.

– Вы видите?! – все спрашивал незнакомец, как бы приглашая ее вступить в какое-то его братство.

И Лилиан не стала выдергивать руку из горячей ладони незнакомца. А он уже не отпускал, и тянул ее вперед, будто хотел обойти с ней собор по всему его периметру.

Лилиан хоть и напугала его восторженность, но и подкупила – милой какой-то детскостью и провинциальностью.

– Очень, очень красиво, – подтвердила она, надеясь, что мужчина отпустит её руку.

– Идемте, там, с той стороны, есть такая лесенка. Можно сказать – потайная, – и он решительно утянул Лилиан с собой.

Они обошли круг, Лилиан узнала, что он из каких-то Вертухов, что у него трое деток, и как жаль, что они не видят этой красоты.

Лилиан всё это слушала и не узнавала себя. Незнакомец видел в ней себе подобную, простую и бесхитростную, восторженную приезжую.

Лилиан же всегда уставала от своей чопорности, хладнокровного высокомерия. Таковой она видела себя, либеральной и непримиримой.

А тут – бежала за этим странным типом почти вприпрыжку, и слова не перечила, а только кивала согласно головой и вертела ею туда-сюда, следуя указательному пальцу «ви-за-ви». От него исходили такое знание и любовь к этому собору, к этому месту – вплоть до дат, имен и прочих исторических подробностей.

«Короче», – хотелось прервать его лекцию ей.

Но она не могла, её тоже захватил какой-то любовный плен этого человека. И что было особенно странным и восторженным – ей не хотелось свободы от него.

Лилиан присмотрелась к незнакомцу. Встревоженное красотой лицо было почти красивым. Голос был приятным. Немного мешал провинциальный акцент, но он казался милым украшением его, несколько нелегкой, безалаберно одетой, могучей фигуры.

Наконец, они вернулись на площадь, где она так вольно была схвачена за руку. И руку ее он тут же смущенно отпу-

стиль.

– Извините меня, – только и сказал он.

Лилиан же не могла ответить ему. Ей было нечем ответить этому горячему чувству восторга, в который она погрузилась за эти несколько минут.

Она молчала. А мужчина понял ее молчание по-своему, как-то вдруг сник, упал лицом и отступился. И Лилиан уже увидела его далеко, почти убегающим, наверное смущенным своим невероятным напором на эту худую, аристократичного вида женщину. Которую он, скорее всего, напугал. Ведь когда он рассмотрел её, то сразу ретировался – так прекрасна была она. Ему сразу же захотелось втянуть голову в плечи и снять шляпу перед её строгостью.

Но шляпы на нем не было, поэтому он так позорно сбегал. Не оглядываясь. А если бы он оглянулся, то увидел бы, как Лилиан всё еще стоит на том же месте и, задрвав голову и прикрыв ладонью глаза от солнца, старается разглядеть что-то там наверху – ту красоту, которую ей никак не удавалось увидеть.

Она старательно придерживала свою шляпу, чтобы она не упала, и всё глядела, глядела на купола, но, кроме привычного вида их, ничего не было видно.

Лилиан вздохнула и пошла домой. А о незнакомце ей подумалось «чудак какой».

И от этого простого объяснения ей стало спокойнее и привычнее. И быстро забылось это маленькое событие. Пото-

му, что оно было действительно незначительным, потому что Лилиан ждали в издательстве, где она решала многие вопросы. Она и так уже опаздывала.

И не давала Лилиан покоя назойливая мысль о какой-то правоте этого чудаковатого незнакомца. И боялась признаться, что ей было по-настоящему весело и хорошо с ним. И приход в её жизнь этого человека, такой простой и естественный, включил её на короткое время в другой мир – чужой и непонятный в этой своей детскости, который пугал Лилиан.

Она уже подходила к своему издательству, где все было всегда понятно, и никто не посмеет взять ее за руку и пригласить взглянуть на красоту.

Лилиан встряхнула головой, так, что слетела шляпка и открыла тяжелую дверь офиса.

Дверь эта потом пружинно захлопнулась за ней очень решительно, как бы отсекая воспоминания наканунешней суеты. Помогая Лилиан успокоиться и забыть.

*Провансальная тетрадь,
11 августа 2021*

Вид из окна

Окна домашнего кабинета Дмитрия Павловича выходили в милый маленький, почти французский, дворик с оригинальной аркой и маленьким овальным оконцем в ней.

Было жаркое воскресное утро, и Дмитрий решительно распахнул створки фрамуги и глянул во двор. Там внизу, между машин жильцов, сидел художник с мольбертом и рисовал, додумывая на бумаге возможную красоту арки. Художники часто приходили сюда, и почти всех их Дмитрий знал в лицо. Вот и сейчас, он легким посвистыванием окликнул Гришу, рыжего бородача. Тот посмотрел вверх и махнул приветливо своей испачканной рукой с кисточкой.

Во дворике было еще по-воскресному тихо, и Дмитрий с наслаждением сделал потягушки, и вдруг он разом остановился и, не веря своим глазам, глядел на противоположную стену, до которой было расстояние в десяток метров.

Там в квартире, где тоже были открыты от жары все окна, он увидел двухъярусные кровати, типа тюремных нар. Они нагоняли ужас темно-синей облупившейся своей внешности. Кровати стояли у стен и окон – двух-ярусные, их хорошо было видно. На них спали люди.

Дмитрий, не веря своим глазам, вглядывался вглубь квартиры. Койки были в каждой комнате. Общий вид этого зре-

лица был ужасен и отвратителен.

Дмитрий еще раз пригляделся и понял, что квартиру хозяйка выгодно сдала наемным рабочим, которые теперь спали на этих жутких темно-синих койках. На подоконнике лежал красным боком вверх недоеденный арбуз. Над ним кружили мухи.

Дмитрий брезгливо закрыл окна. Эта старуха, владелица квартиры, впустила в нее рабочих, их было там человек сорок, не меньше.

Он старался переварить эту новость как можно спокойнее. Старуха, конечно, имела право сдавать кому хочет свою квартиру, но как он будет делить свой чудный вид из окна с этими чужаками, с их непонятным гомоном на чужом языке. И еще – грязь, антисанитария. И вообще, теперь – хоть к окну не подходи... Живи теперь с синей двухъярусной жутию, ребра которой торчали изо всех окон и делали этот вид пугающим и невыносимым.

Дмитрий стал думать, кому позвонить, чтобы спасли дом и двор от этого кошмара.

За окнами напротив кто-то зашевелился, спрыгнул с верхнего яруса койки и подошел к окну. Сделал точно такие же потягушки, как и накануне Дмитрий. Чужак откусил от арбуза смачно кусок и исчез в глубине комнаты.

Вскоре напротив началось оживление, и Дмитрию была хорошо видна через открытые окна, в подробностях, вся утренняя жизнь этих странных соседей.

Дмитрий почему-то сильно испугался. Как это случилось, что в таком престижном месте, в центре, во дворе с закрытыми наглухо воротами, появились такие вот подселенцы?

Это почему-то оскорбило Дмитрия очень сильно. Он вспомнил каких трудов стоило ему приобрести в этом доме квартиру. С видами на сплошные достопримечательности.

И тут тебе – темно-синий кроватный жупел.

Но больше всего огорчало Дмитрия его бессилие. Он мог сколько угодно стучать фрамугой своего окна, жильцы напротив от этого никуда не исчезали.

Дмитрий Павлович глянул вниз. Рыжий бородатый художник всё еще сидел. Он снизу ничего не мог видеть, кроме красивой арки с художественной виньеточкой оконца.

Обитатели синих коек ему были не видны. И поэтому не беспокоили. Дмитрий даже слегка позавидовал ему.

Он хотел позвонить куда-нибудь и срочно пожаловаться на происходящее, и высказать свое возмущение и несогласие.

Но он вспомнил, что сегодня – выходной, и усилия его будут тщетны.

Тогда он быстро натянул штаны и выбежал на улицу. Открыл машину и быстро уехал со двора.

«На волю», – почему-то подумалось ему.

Он долго гонял по городу, выпил кофе в любимом кафе, потом пообедал вкусно, но хорошее настроение всё не возвращалось к нему. Никак. Дмитрий не мог понять, и разо-

браться, что его так напугало. Ну живет рабочий люд рядом. Ну, и пусть. Ему-то что?

Но он ясно осознавал, что теперь не сможет засыпать в своей светло-бежевой спальне, на белой двуспальной кровати, без мысли о том, что в каких-то нескольких метрах от него, можно сказать за стенкой, торчат синими ребрами боковин эти уродцы, а на них – они. Дальше Дмитрий останавливал свою фантазию, чтобы не впасть в черноту совсем.

В понедельник вернулась жена с Багам. Она внимательно выслушала его возмущенные претензии и, вдруг обняв Дмитрия, погладив по щеке, предложила:

– Ты пожалей их, посочувствуй. Попробуй. И всё образуется, – и она ушла в ванную. Зашелестел душ.

Дмитрий было возмутился советам жены, а потом вдруг подошел к окну и глянул на предмет своего беспокойства.

Арбуз был доеден, в комнате появилась бельевая веревка, на ней болтались полотенца, футболки и трусы. У соседей напротив был тоже выходной, и они толпились на кухне, готовя нехитрую свою снедь. Разговаривали, но Дмитрий не понял ни слова. Вид у жильцов был вполне умиротворенный и спокойный. Койки были аккуратно заправлены.

«Почему я должен их жалеть?» – подумал Дмитрий, вспоминая совет жены. – «С ними все в порядке. Похоже, это со мной не всё в порядке».

Дмитрий захлопнул окно и опустил автоматические жалюзи. Они жалобно проскрипели снаружи и глухо стукнули

о карниз. Неприятная картина исчезла.

А кабинет свой Дмитрий решил перенести в другую комнату – благо, их была целая анфилада. И можно будет во дворик не смотреть. И вообще, его не интересовала чужая жизнь. Жизнь других. «Достало» – как любил говорить их любимый сын, когда его пытались поучать. И хлопал дверью. И Дмитрий громко захлопнул дверь нового своего кабинета. Он подошел к окну и помахал этому простору за ним рукой.

*Провансальная тетрадь,
12 августа 2021*

Дама с подушкой

Жанна вдруг, без всякой причины, перестала выходить на улицу. Всеми днями медленно передвигалась по квартире, лениво таская за собой огромную перьевую подушку, подкладывая её под спину или бок, создавая тем самым особый уют месту, в котором она задержалась на ближайšie полчаса.

Она так полюбила коротать свое время, со спокойным равнодушием к нему. И ей в голову не приходили никакие сомнения по этому поводу.

Еду она заказывала в ближайшем рестораничке, а с прочими товарами не было сложностей. Всё доставлялось вовремя и быстро. Без обманов. Подвох был, оказывается, в другом.

Только Жанна почувствовала себя в безопасности и комфорте, как в дверь внезапно позвонили. Она не поверила ушам своим, настолько отвыкла от резкого его колокольца.

Она глянула в глазок, на площадке стоял высокий молодой человек в бандане и широко улыбался.

– Алло? – почему-то кликнула его Жанна через закрытую дверь.

Пришелец не смутился и представился.

– Электрики, будем делать капитальный ремонт, менять всю проводку.

Жанну это вовсе не обрадовало.

– Делайте, я-то здесь причем, – разрешила она и хотела уже вернуться к своей подушке, но звонок бряцнул снова.

– Ну, что еще?

– Нам бы посмотреть в вашей квартире.

– Еще чего. В дом я вас не впусчу, – ответила она довольно грубо.

Это маленькое событие совершенно выдернуло уют из-под спины Жанны.

С лестницы через дверь слышны уже были звуки начинавшегося ремонта, верещала болгарка, слышны были громкие стуки, непонятные и угрожающие.

Жанна, слегка разозлившись и досадуя, взяла свою подушку и пошла в самую дальнюю комнату, чтобы не слышать звук этого нечаянного вторжения в её налаженный распорядок.

Из тостера стартовал румяный хлеб, нарезан сыр тончайшими ломтиками, и Жанна приготовилась к жуиру, с ароматным кофе и бутербродами. Но, не дал опять звонок в дверь. Громкий и настойчивый.

– Алло! – опять, глядя в глазок, отозвалась она.

– Вам надо подписать отказ.

– Мне ничего не надо. Оставьте свои звонки. Я завтракаю.

И Жанна величаво отступила от двери. Еще раз громко предупредила:

– Ничего я подписывать не буду. Я ничего никогда не под-

писываю.

– Ну, хоть крестик поставьте, – взмолился незнакомец.

И вдруг Жанна заулыбалась и будто уготовила шкodu какую-то.

– А давайте свою бумагу, – она открыла дверь электрику.

Тот протянул ей какой-то бланк. Молодой человек был красивым и крепким. Бандана очень шла к его загорелому веселому лицу.

Жанна мигом охватила всю эту статью своим женским истосковавшимся взглядом, взяла строгого вида страничку в руку.

– Вот здесь, – указал незнакомец не совсем чистым пальцем. – Крестик поставьте.

И он еще шире улыбнулся.

Жанна тут же отозвалась, без всякой брезгливости взяла ручку у незнакомца и, не долго думая, на строчке «подпись» нарисовала одной линией шляпу, лихой её силуэт, с тульей и большими полями. И протянула «отказную» парню. Жанна хотела увидеть его реакцию на свою дерзость и порчу документа. Но незнакомец равнодушно, не глядя, задвинул бумажку в файл.

– Спасибо, – только и сказал он и стал отдирать старую проводку на стене. Поднялась белая пыль.

Жанна чихнула и поскорее захлопнула дверь в квартиру.

Ей отчего-то стало очень досадно, что её наглая шутка была не замечена, и ее высокомерное усилие поставить его на

место потерпело полное невнимание этого парня, который уверенно рвал старые провода, и, скорее всего, так же положит новые. Уверенно и быстро.

И ему не было никакого дела до её шутового рисунка вместо подписи. Шляпа, крестик – он и впрямь поверил, что она безграмотна. Жанна даже разозлилась чуть. Конечно, куда ему, этому работяге, уровень тонкого насмешливого увальня.

Но вдруг, Жанна почувствовала независимость этого чудака от причуд и прихотей этих дамочек, которые для него – никто.

«А ведь он так мне улыбался», – вдруг, не без сожаления, вспомнила Жанна. И потом, она вдруг поняла, что этот бланк с её отказом для него, возможно, является строгим отчетным документом. А там – шляпа вместо подписи. Лучше бы уж крестик поставила.

А ему ведь отчитываться этой бумагой. А что, если начальник окажется жлобом, и улыбчивому этому молодому человеку влетит? Наорут.

Ох! И Жанна, неожиданно для себя, пошла и открыла дверь на лестницу.

– Алло! – перекричала она звук болгарки.

Мужчина прервал резку.

– Извините меня, дайте вашу бумагу, я подпишу. Нормально...

Электрик, почему-то, сразу услышал и понял. Выпрямил-

ся, достал из сумки файллик. И тут он увидел на бланке силуэт шляпы, изящно выведенный рукой Жанны.

– Ух ты. Как красиво, – сказал он.

Щёки Жанны чуть порозовели, она быстро подписала в нужном месте бумаженцию.

Сунула ее в руки чужаку и закрыла быстро-быстро за собой дверь.

Она подняла с пола в коридоре свою любимую уютную подушку и бросила ее на диван.

До нее доносились шумы с лестницы. Она подумала, что капитальный ремонт – это надолго, скорее всего. И эта мысль почему-то обрадовала её.

И еще ей подумалось, что этому молодому и улыбчивому парню в бандане подошла бы ковбойская шляпа. Широкополая и великодушная, как он сам.

Жанна вернулась на кухню, но есть расхотелось, тосты выглядели сморщенными, сухарными и холодными.

Хлеб вообще в доме закончился, и Жанна хотела сделать заказ по телефону, но неожиданно передумала. Решила выйти в магазин сама.

Давно она не делала таких походов. Но она тщательно и продуманно оделась, взяла сумку побольше и вышла на лестницу. Здесь уже повсюду был разбросан всякий строительный мусор. И не горела лампочка.

Но глаза Жанны легко увидели широкую спину незнакомца. Он что-то делал и не обратил никакого внимания на по-

жилую тетку в нелепой шляпе и сапогах на высоченных каблуках.

– Не разбейтесь, мамаша! Осторожно! – предупредительно улыбнулся он Жанне в спину.

И как хорошо, что не увидел ее лицо, которое свернулось, как рулон старых обоев.

Жанна вышла на улицу, ни в какой магазин она не пошла, а уселась на лавку возле дома, выжидая момент, когда болгарка утихнет, и она сможет вернуться в свой дом, который она так легкомысленно осмелилась покинуть.

*Провансальная тетрадь,
14 сентября 2021*

Бдения

Обшарпанное жильё Александра Павловича состояло из двух комнат – его кабинета и спальни матушки, которую он читил, ублажал и боялся. Из-за последнего боязливое своего состояния он всякий раз оттягивал момент своего возвращения со службы. Сварливый характер матери сделал его спину сутулой, а голову – седой.

Александр Павлович преподавал студентам историю театра и кино в одном из творческих вузов. Был обожаем студентами за кротость, щедрость в зачетке. Они довольно тесно общались, но никогда Александр не приглашал их в свой дом.

Увы! Там было тесно, и мама не рада была гостям.

В обиходе и употреблении Александра часто мелькало мрачным знаменосцем огорчительное слово «увы». И всем сразу было понятно, что он – человек занятой и не может тратить свою жизнь на всякие пустяки. Особенно обижались женщины на его вежливое «увы, не смогу...».

У Александра была всё-таки одна страсть – это книги в молодости, а в сегодняшних днях – интернет, конечно же, в этой «увывной» его жизни. Он приходил вечером домой, наводил блиц-уборку, готовил ужин себе и матушке, потом мыл посуду, потом они длительно беседовали.

Потом, дождавшись материнской усталости, он выходил из ее комнаты и шел к себе в кабинет. Здесь было какое-то неистовое количество книг, и полки книжные нависали грозно над хилым диванчиком, озвученным пружинами.

Александр входил к себе, и ему очень хотелось закрыть за собой дверь, но этого делать было, увы, нельзя. Он должен был ночью быть чутким, мало ли что может понадобится матери.

Он включал компьютер, подключался в мировую жизнь, блуждал в ней очень осмысленно, со знанием своего дела и причастности к другому, полному важных для кого-то дел.

Так проходили несколько часов, пока он не улавливал сонной крепкой тишины из комнаты матери. Он босиком подходил к её кровати, чтобы убедиться в её отсутствии, её строгого глаза, возвращался к себе в кабинет, с облегчением выдыхал и тянулся к верхней полке. Там, из-за толстенного тома словаря Даля, он доставал бутылку виски и красивый стакан с толстым тяжелым дном и, стараясь не издавать громких звуков, тихонько наливал себе дружеского своего напитка. И, сделав первые три глотка, как вдоха, в наслаждении и блаженстве замирая, как крепкий напиток занимает собой всё пространство внутри его худого нескладного тела. Потом почему-то говорил кому-то «привет!» и, уже залпом, выпивал остатки из стакана. А бутылку осторожно укрывал опять томом Даля.

Все это он делал очень тихо и быстро, как бы зная о том,

что ночную эту дружбу может кто-то нарушить и отнять.

Александр через открытые двери глянул в комнату матери. Та спала, и тогда Александр опять потянулся за Далем. И уже налил себе более нагло золотого напитка. И потягивал его не спеша, маленькими глотками, и при этом не терял бдительности, убирая стакан подальше за монитор.

Так роскошно проходила ночь, пока Александр, не наевшись разного прокисшего текста, не написав своей очередной резкой статейки о никудышном этом мире и глупых людях в нем, успокоенный и почти обессиливший от упоительной своей свободы, храбро вставал из кресла своего и, так же храбро, закрывал дверь своей комнаты, чтобы уже ничто не помешало ему рухнуть на звонкие пружины диванчика и на секунды до засыпания подумать, что он – свободный человек, и никто ему не смеет мешать жить так, как он хочет.

И он с огорчением подумал, что у него завтра в институте нет первой пары.

– Увы! – вздохнул Александр.

Ему очень бы хотелось пойти уже к своим студентам, чтобы рассказать им о возможном и прекрасном, пережитом им только что состоянии, но он быстро уснул.

Ему очень не хотелось услышать раннее шлепанье тапок матери, идущей в своей жизни, по своим делам.

Мать, проходя мимо двери комнаты сына, открыла ее пошире и, любуясь спокойным во сне его лицом, пошла себе дальше, успокоившись налаженным порядком.

Она не выносила закрытых дверей в её доме.

Неожиданно упал с полки небрежно поставленный том Даля. Он ухнулся на диван – прямо в ноги Александру Павловичу. И это было похоже на чей-то благодарный жест.

Александр пошевелил ногами – и томик был сброшен небрежно на пол. Александр лег поудобнее и, понятно, ничуть не укорился сброшенной на пол книгой. Он спал свободно и широко. И действительно – был свободен, той своей «увывной» жизнью.

Мать, проходя мимо, увидела книгу на полу, подняла, и хотела поставить на место, но там оскорбил ее взгляд пузырь с виски. Она быстро схватила, поставила Даля на его место и бесшумно вышла, унося пузырь с собой.

Покой и тишина, наконец, вошли в дом, чтобы переночевать в нем.

А утром – опять покинут его с первым звуком оживающего быта.

*Провансальная тетрадь,
25 сентября 2021*

Следующий

В этот мир нас больше не пригласят – был уверен врач Касаткин, глядя на унылую очередь перед его кабинетом.

– Не пригласят, – вздохнул он и понял, что с этим знанием нужно что-то делать.

Он открыл дверь кабинета и, стараясь улыбнуться, пригласил первого пациента. Это был молодой еще человек с белесыми тощими усиками.

Касаткин взглядом приблизил лицо посетителя к себе и вдруг, неожиданно, спросил:

– Что вам мешает в жизни?

Молодой человек не отвечал. Взгляд его был устремлен на милую медсестру, глазастую и длинноногую. Она вышагивала от шкафчика к своему столу и, казалось, каблук ее сломаются под величием ее же груди.

Касаткин постучал ручкой по столу, привлекая внимание пациента к себе. Тот с трудом переключил в себе какие-то рычажки и уставился на доктора.

– Что жить-то мешает, что раздражает? – повторил он свой вопрос.

Пациент, слегка опешивший от услышанного, пожал неуверенно плечами.

А взгляд его тянулся всё в сторону сестрички.

Касаткин сдался и спросил банально:

– На что жалуетесь?

И паренек стал жаловаться каким-то неожиданным фонтаном скрипучих каких-то слов.

Касаткин слушал и молча думал, как правильно он хотел помочь этому парнишке, и понимал, что вопрос его никак не состыкуется с понятиями этого молодого человека.

Наконец, тот отчитался, зачем пришел.

– Кашляю, – тихо признался он.

Касаткин приказал ему раздеться до пояса, прослушал его очень внимательно. Хрипов никаких не было, и Касаткин предположил: «Аллергия». Температура тоже оказалась нормальной. Но паренек, прямо в кабинете, громко раскашлялся.

Касаткин, глядя на покрасневшее лицо паренька, сразу понял, увидел все его проблемы.

– Нас в этот мир больше не пригласят, – зачем-то сказал он вслух.

Парень перестал кашлять и переспросил:

– Куда не пригласят?

– В эту жизнь, молодой человек.

Касаткин имел настоящее медицинское образование, которое подразумевало безбожие. И поэтому эта, непривычная для его атеизма мысль о приглашении – поразила его. Будто окликнул кто-то громко и заставил его этого нелепого кашляющего пацана пожалеть сильно и разобраться с его боляч-

кой.

– Вас что-нибудь раздражает сильно? На улице или дома?

Парень опять закашлялся, но косил всё глазом на пышную челку медсестры. А для доктора он только пожал плечами в ответ.

Касаткин стал заниматься компьютером, потом рецептом.

– Меня раздражает шерстяной магазин.

– Это как? – опешил Касаткин.

– Там, где шерсть продают, и шмотки из неё.

Касаткин внимательно и долго оценивал ответ и поставил диагноз:

– У вас аллергия на шерсть. Не ходите в этот магазин.

– Не могу, там работает Варя, – тихо пояснил пациент ласковым шепотом.

И имя «Варя» он произнес таким нежным шепотком.

И тут Касаткин, с ужасом для себя, вдруг разом увидел будущую жизнь этого мальчика, в которой он всегда будет кашлять, потому что «Варя там работает».

Он женится на этой Варе, и она будет приносить из магазинных распродаж дешевые шерстяные вещи, и он будет кашлять, кашлять и не посмеет понять от чего. Он и сейчас сидел одетый в колючий серый вязаный джемпер.

– Мне бы таблеточки какие-нибудь, – сказал паренек.

Касаткин хотел было рассказать ему обо всем, что он понял, но сдержал себя – понял, как бесполезно руководить чужой жизнью. Даже если ты всё понимаешь о ней и знаешь

способы избежать её пожизненного коварства.

Но он промолчал, выписал рецепт, который не мог спасти паренька, протянул ему и, на всякий случай, спросил:

– Кошки, собаки в доме есть?

Молодой человек отрицательно покачал головой.

– Мама говорит, что от них – одна грязь.

Стрельнув еще раз взглядом на сестричку, которая встала и пошла к стеклянному шкафчику, паренек взял рецепт, поблагодарил и вышел.

– Жалко его, – вдруг сказала сестричка.

– А знаешь, почему? Потому что в эту жизнь нас больше не пригласят, – но голос Касаткина прозвучал не так уверенно.

Ему хотелось догнать парнишку и подробно рассказать о причинах его кашля. Он, Касаткин, ясно увидел, как вырос этот человек у строгой мамы, а потом нашел Вареньку в шерстяном магазине, где его свыше предупредили аллергическим кашлем: «Беги, беги отсюда». Что Варенька – это вовсе не обязательно, ведь увидел он в кабинете медсестричку. И глазел на неё. Значит, может видеть что-то еще, кроме привычных вещей и людей.

– А еще, – продолжала размышлять сестричка, – свитер на нем, очень уж колючий.

– Вот именно, – Касаткин вырвался в коридор, чтобы догнать пацана, но его уже не было.

Зато из очереди к нему рванула толстуха Тимчина, кото-

рая домогалась от него помощи.

– Дмитрий Сергеевич, можно?

Касаткин остановил её натиск рукой и скрылся в кабинете. Он выпил залпом стакан воды, принял таблетку антиаллергена, сел за свой стол, и стал ждать, пока в нем все успокоится, перемудрится и встанет на свои места.

Обычный прием, и никаких философских выпадов...

И не надо спрашивать, задавать ненужные вопросы, сбивать с толку бессмысленной фразой, что в эту жизнь нас больше не пригласят.

И Касаткин признался себе – что ему каждый раз хотелось услышать от ви-за-ви опровержение. «Позовут, пригласят, похвалят чуть и простят». Касаткин сам гнал от себя такие мысли. Стыдился их. Образование и очередь в коридоре не позволяли.

– Зовите следующего, – сказал он сестре и чуть содрогнулся, зная уже, кто будет этот следующий. И он знал, что уже не позволит себе слабости расспросов пациента.

Провансальная тетрадь,

27 сентября 2021

Езда по правилам

Костиков вел себя так в этой жизни, будто ему был выдан, неизвестно кем, документ на право иметь недостижимые для других льготы.

Он и сам предпочитал не задумываться такому скользящему своему жизнепроездению. Его будто несли паруса по простору широкого озера. Вроде как по льду скользил, как зимой. Но его всегда окружало тепло обожавших его людей.

Сколько он помнил себя, его все любили. Мама с папой, потом мама без папы, бабушка, дедушка. Всех он радовал, потому что всем было приятно на него смотреть.

Костиков был очень красив. Всегда. И в детстве, и юности, и зрелости.

И сейчас, в свои тридцать с небольшим, он вызывал у барышень вдохновенную влюбленность.

Красоту выдали ему небеса, сам же Костиков пользовался ею, как мог. Она его постоянно выручала, делала комфортным для него даже самые рутинные обстоятельства. И сессии в университете он сдавал легко, и службу нашел, хоть и неадекватную своему диплому. Как только он появился на собеседовании, генеральша-боссиня не устояла перед красотой его лица. Почему-то красота эта вызывала у людей тревогу, боязнь, что она исчезнет, и его бодро приглашали на

все бенефисы, свадьбы и фуршеты.

Сам же Костиков, уже уставший слегка от своего успеха, стал уставать на разноликих этих посиделках, и все в них было ему скучным и ненужным. Но отказаться от них ему не позволяли.

Вот и сегодня Костиков ехал на очередную встречу, совсем ему ненужных людей. Вез цветы для кого-то и дорожную бутылку вина.

И вдруг из-за угла прямо под колеса выпрыгнула девчушка – шустро так, Костиков едва успел затормозить. Девчушка была права. Она стояла на переходе и ждала свой зеленый.

Она гордо вздернула носик, будто не замечая Костикова, на его «Порше», и пошла дальше по зебре на другую сторону улицы.

Костиков так резко затормозил, что с заднего сиденья грохнулась бутылка вина и, конечно же, разбилась. В салоне резко запахло дорогим вином. Но Костиков не заметил этого – он не отрывал глаз от девчушки, которая, легко и важно, шла себе своим путем.

Переключился светофор, и Костикову загудели сзади нервные водители. Он проехал вперед, стараясь не упустить из вида незнакомку. Как назло – была сплошная разделительная линия, развернуться было нельзя. Костиков припустил резко вперед, чтобы, там подальше, развернуться и выехать навстречу девчушке.

Ее красный сарафанчик ярко выделялся среди прохожих.

«Только бы она никуда не свернула», – горячился Костиков.

Его желание повидаться с этой, в сарафанчике, было неожиданно сильным.

Вот, наконец, мост, Костиков развернулся и поехал обратно очень медленно, боясь пропустить свою возможную знакомицу.

Но девчухи нигде не было. Он смотрел на прохожих с сильной неприязнью, будто они были главной помехой в его первой неудаче в жизни.

Костиков остановился и стал ждать, искать возможности увидеть девушку в красном.

Она всё не шла. Он только сейчас почувствовал сильный запах алкоголя. Он поднял верх в машине и, надев перчатки, собрал в пакет осколки. Благо они были крупными, и Костиков, заметив рядом урну, вышел из машины выбросить пакет.

«Придется заехать на мойку», – подумалось с неприязнью Костикову. – «Помыть машину, чтобы...».

Костиков не успел додумать свою мысль, как через огромное и чистое стекло кофейни он увидел свою цель в красном сарафанчике.

Она сидела к нему лицом, и оно оказалось так близко, что были видны почти детские конопушки на её носике.

И Костиков даже не понял, что его так нелепо подвигнуло развернуться и искать ее. Уж совсем не красавица, с пласт-

массовой огромной заколкой-крабом в волосах. Сарафанчик – так себе, купленный в супермаркете. И босые ноги её – в шлепках на дешевых завязках. Она ела мороженое.

Костиков забросил пакет в урну, сильно звякнули осколки, и хотел уже вернуться в машину, как к девчужке подсел паренек. Тощий и в очках. И она сиятельно ему улыбнулась. А он приобнял ее и поцеловал в щеку.

Костиков содрогнулся от чудаковатой и сильной ревности в себе. Это было какое-то новое, незнакомое ему состояние. Оказывается, за эти несколько минут, что он искал девчужку среди прохожих, она стала ему нужнее всех в этом мире чужих пошловатостей.

Костиков смотрел на эту веселую, и скорее всего, счастливую парочку и едва сдерживал себя, чтобы не шагнуть вот так, прямо к ним – через окно, и устроить скандал.

Костиков впервые переживал нечто подобное, смешение гнева и досады.

Но тут сильно загудела машина. Костикова обнаружил в этой нелепой позе его легковесный приятель Франтишек.

– Эй! Ты что застыл?

Костиков будто очнулся от неких чуждых чар. Франтишек подошел к нему.

– Ты к Завадским?

Костиков кивнул и заученно подошел к своему «Порше», запрыгнул в него, открыл дверцу приятелю. И почему-то, прежде чем уехать, глянул еще раз на окно кофейни.

Девчушка всё еще ела свое мороженое и не спускала глаз со своего очкарика. И было очень похоже, что её ничего не интересовало, кроме слов, которые она слушала.

Глядя на эту идиллию, Костиков пережил острый момент зависти. Нельзя было сказать, что он не видел такого восхищения в глазах женщин по отношению к себе. Но пацан этот был худ и прыщав. Да и очки не сильно украшали его узкое лицо. И поди ж ты. Эта симпатичная пигалица так на него смотрела.

Костиков не стал больше смотреть в окно, резко стартовал и услышал голос приятеля:

– Ты чего застыл?

А Костиков ехал и старался осмыслить то, что случилось с ним, и от чего он, действительно, застыл. Тот короткий миг, что он глядел на эту чужую девчушку, предъявил ему разом, в ошалевшем каком-то варианте – и любовь, и зависть, и потерю чего-то главного в его жизни, и не состоявшегося.

Костикова так удивило новое его состояние, что он, боясь его потерять, затормозил и решил развернуться, чтобы вбежать в эту кофейню и забрать эту девчушку в красном сарафанчике себе. Навсегда.

Но разворот был невозможен. По проспекту тянулась вдаль сплошная двойная линия.

Разворот был запрещен.

Да, и впереди была автомойка. Надо было помыть машину.

Костиков немного успокоился и подумал, что надо бы обновить разбитую бутылку вина. И это тоже можно было сделать по этой же дороге.

*Провансальная тетрадь,
27 сентября 2021*

Человек из Оркестра

Наконец, грянуло лето. Город, реанимированный туристами, оживал. И о зимних приключениях его напоминали только зеленые строительные сетки, которыми были подвязаны балконы и эркеры домов. И казалось, что у всех домов – тяжкий флюс, но это берегли прохожих от строительного мусора или кирпича, в ожидании капитального ремонта.

Янина шла себе не спеша, разглядывая прохожих, и думала о хорошем. Что зима, наконец, сбежала, и можно носить легкое, и ходить себе, в сарафанчике, подставляясь щедрому ныне солнцу. Она размышляла о том, что довольна собой, своей жизнью, своими достижениями в ней.

И еще ее радовало, что в сумочке её обитает абонемент на спектакли в любимый ее театр, мимо которого она сейчас проходила. Она внимательно прочитала афишу нового сезона, даже заглянула в доступное большое окно в гардеробной. Там было пусто, висели только рядами нарядные плафоны, да сверкал мрамор, белый в рыжую прожилку.

У Янины сразу расцвело настроение, и она, почти вприпрыжку, двинулась вдоль канала.

Людей вокруг было много. То и дело мимо проносились приезжие на самокатах. Янина от них шарахалась, и правильно делала. Народ гулял, пестрый и счастливый, и Янина

– в нем.

И вдруг она будто ударилась взглядом о белую стену. При приближении к этой стене, Янина увидела, что это не камень, а молодой человек – в белом, в пол, пальто, в белых брюках из шелковистой нездешней ткани и, таком же белом, двубортном жилете с рыжими пуговками в два ряда.

Чем так поразил Янину мужчина – она не понимала, но укоротила шаг и, очень медленно, стала к нему приближаться. Молодой человек курил и стряхивал пепел в урну. И её чумазость не пугала его. У Янины перехватило дыхание, когда ветер с канала рванул полы его роскошного белого пальто и ударил ими по урне.

Ей показалось, что пальто теперь пропадет от касания с урной чумазою. Пропадет, и никакая химчистка его не обновит. Но волновало это только Янину, хозяин же этих белых невероятных одежд все курил, и на лице его было полное отсутствие о понятии где он, что делает, и касания с грязной урной его совсем не волновали.

Янина была уже почти рядом и отметила некоторую странность в этом человеке. Он будто был за стеклом и казался от этого совсем потусторонним. Она заметила, что, при всей стерильности его костюма, рубашки под жилетом не было. Жилетик плотно обнимал его полноватый живот, а на шее, небрежно пропуская местами ее наготу, повязан был шейный платок, тоже белый.

Янина вдруг поняла, что вовсе не от оригинальности в

одежде и сплошного белого фееричного цвете её она не может оторвать взгляда, а сам незнакомец оторопел её своей свободной нездешностью. Было очень заметно, что вся его небрежность в костюме и на лице были тщательно продуманы – и продуманы для кого-то. Он явно кого-то ждал. И ему не было дела ни до толпы, ни до грязной своей соседки – урны. Он был – само ожидание, тревожное и затянувшееся.

Янина вдруг остро позавидовала тому, кого ждет этот человек.

Она попыталась разглядеть его лицо. Оно было хмурым, и в светлых ухоженных усиках. Выражение было довольно мрачным и усталым.

Янина была под сильным впечатлением от этого человека. Ну, кого он мог ждать, пребывая в такой унынии? Он был для Янины человеком другого измерения, другой жизни, где все ходят в стерильно-белых одеяниях и не боятся испачкать их, а просто носят их, не замечая их стерильности.

Она им ни к чему. У него, скорее всего, гардеробная больше, чем в театре, которую она только что рассматривала через стекло огромного окна.

«И чем он может заниматься?» – подумала Янина и, уж совсем неожиданно для себя, проходя рядом с этим белым изразцом, она вдруг произнесла:

– У вас очень красивый галстук, – и улыбнулась.

И он вдруг улыбнулся и взмахнул рукой, пропустил Янину и пошел навстречу кому-то – только белые фалды пальто

стелились за ним, как крылья.

Янина оглянулась, чтобы увидеть, кому он машет, но сдержала себя и пошла дальше. Зачем ей нужно было это знать? Она и так растревожилась от увиденного. Проходя мимо урны, она бросила в нее спиртовую использованную салфетку, и урна уже не казалась ей такой чумазой.

Она шла и думала, что этот, в длинном белом пальто, скорее всего служит в этом театре, скорее всего – в оркестре. И часто бывает на гастролях по всему миру, и белый наряд его – непременно оттуда.

Янина еще долго думала о незнакомце. Но почему-то мысль о том, что он – человек из оркестра успокаивала её, и понравилась ей. Она, эта мысль, всё объясняла.

«Да, человек из оркестра. Играет на фаготе каком-нибудь». Но, вспомнив, как жадно курил незнакомец, она отвергла мысль о духовом инструменте. «Может, это ударные?» – Янина улыбнулась.

Ей чувствовалась неразличимая вибрация, которую она переняла от этого человека в фалдах. Ей очень захотелось пожить в этой красивой независимости и щедрости внутренней свободы, которую так ярко предьявили белые фалды длинного в пол пальто.

Янина и не подозревала в себе страсть к этому новому ощущению.

Ей вспомнилось, как он стоял, один, отдельный от всего, равнодушный ко всему, и ждал только того, кому так радост-

но можно было помахать рукой.

И Янина подумала, что о его красивом галстуке она сказала ему очень тихо. Проезжал мимо грузовик, вот он и не услышал. Хотя, может она и не сказала этой похвалы, а только хотела.

Навстречу шел иностранец в забавном килте и гольфиках...

Но Янина не обратила на него никакого внимания. Турист, обыкновенный. А тот, в белом, перечеркнул все смыслы ее жизненных достижений. И чтобы как-то восстановить себя, Янина старалась смотреть поверх людей, как бы сквозь, подражая тому, в белом. Но у нее только и получилось – зацепиться за старушечью тележку на колесиках и радоваться потом тому, что не упала.

Очень хотелось наорать на старуху, но Янина не стала. А прошла сквозь, и мимо.

*Провансальная тетрадь,
31 июля 2021*

Контакты автора:

email: aalemur@gmail.com

telegram: [alemurat](#)

skype: *alemurat*